

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР**

2013 – 11 (257)

Научно-информационный бюллетень

Издается с 1992 года

**Москва
2013**

Редакционная коллегия:

Л.В. Скворцов – д-р филос. наук, шеф-редактор, *А.Г. Бельский* – канд. ист. наук, автор проекта, научный консультант, *Е.Л. Дмитриева* – главный редактор, *О.П. Бибикова* – канд. ист. наук, первый зам. главного редактора, *Д.Б. Малышева* – д-р полит. наук, *А.В. Малащенко* – д-р ист. наук, *А.Ш. Ниязи* – канд. ист. наук, зам. главного редактора, *В.Г. Садур* – канд. ист. наук, *В.Н. Сченснович* – отв. за выпуск.

Россия и мусульманский мир: Научно-информационный бюллетень / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. науч.-информ. исслед. – М., 2013. – № 11 (257). – 158 с.

Тексты, представленные в бюллетене, даны в авторской редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

<i>А. Гусейнов, А. Рубцов.</i> Наука и власть: Взаимодействие и оценка результативности	5
<i>Павел Гуревич.</i> Абсурд как социальный феномен	12
<i>Т. Малиева.</i> Идеология и религия в постсоветском обществе	19

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

<i>Михаил Топчиев.</i> Специфика государственной политики регулирования конфессиональных отношений в поли- этническом регионе (на примере Астраханской области).....	27
<i>Г. Юсупова, С. Алибекова.</i> Роль ислама в процессе модерни- зации Северо-Кавказского региона: Теоретический аспект	35
<i>М. Абдуллаева.</i> Исламское образование в современном Дагестане	49
<i>И. Савин.</i> Мониторинг этнополитической ситуации: Казахстан	53
<i>Евгений Бородин.</i> Отношения между Россией и Киргиз- станом на современном этапе	68
<i>Елена Ионова.</i> Туркмения и проблемы региональной безопасности.....	76
<i>Алексей Малашенко.</i> Интересы и шансы России в Центральной Азии.....	81

ИСЛАМ В СТРАНАХ ДАЛЬНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

<i>Дина Малышева.</i> Несостоявшееся региональное лидерство Турции.....	98
<i>А. Умнов.</i> Иран в современной мировой политике	103
<i>В. Белокреницкий.</i> Становление и роль гражданского общества в Пакистане (дефиниции, тенденции и перспективы).....	110
<i>Д. Нечитайло.</i> Начнется ли подъем салафизма в Алжире?	127
<i>А. Ситихова.</i> Исламизация Европы.....	133

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>Г. Фаткулин.</i> Арабский мир в российской внешней политике – методология подходов с позиции регионов РФ	139
<i>Ж. Грищенко, Д. Качанова.</i> Учение Ф. Гюлена и его роль в формировании нового мышления современной Турции.....	142
<i>А. Пую, А. Садыхова.</i> Современное арабское телевидение как посредник в диалоге культур	153

КОНФЛИКТУ ЦИВИЛИЗАЦИЙ – **НЕТ!**
ДИАЛОГУ И КУЛЬТУРНОМУ ОБМЕНУ
МЕЖДУ ЦИВИЛИЗАЦИЯМИ – **ДА!**

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ: ИДЕОЛОГИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА И РЕЛИГИЯ

А. Гусейнов,
академик РАН, директор Института философии РАН
А. Рубцов,
кандидат философских наук (ИФ РАН)
**НАУКА И ВЛАСТЬ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
И ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ**

В последнее время инстанции управления все более активно вмешиваются в жизнь науки. Если учесть все опосредованные звенья и цепочки связей, иногда это просто на грани вторжения в исследовательский процесс. В полной мере это проявляется в науках социогуманитарного цикла. Естественно, никто пока еще не указывает ученым напрямую, как и что изучать и какие результаты при этом должны быть. Однако если внимательно проанализировать весь массив регулирования и контроля, а в особенности имеющиеся здесь тенденции, то окажется, что одни только формуляры отчетности реально влияют не только на жизнь, но и на профессиональную работу научного сообщества.

Регулирование науки: Дисциплинарные техники

Это влияние осуществляется, хотя и косвенно (в основном), через самоконтроль исследователей, через саморегулирование, часто даже вовсе безотчетное, однако его эффективность от этого ничуть не снижается, если не наоборот. В связи с этим повышенную актуальность приобретают вопросы: насколько такое вмешательство необходимо и где его пределы? Каковы его реальные эффекты, локальные, суммарные и сверхсуммативные? Те ли это эффекты, которые реально нужны науке, обществу, стране и в том числе власти, самим инстанциям управления?

Прежде всего надо объективно оценить масштаб формального контроля и имеющиеся здесь тенденции. При этом речь идет именно о формальном контроле: наращивание количества и объема заполняемых формуляров не приводит автоматически к повышению уровня контролируемости и управляемости. Часто даже наоборот. Пока отношения строятся на взаимном доверии и без избыточной бюрократии, оценка результата остается интегрально-интуитивной – и в этом смысле достаточно точной и объективной. Когда же интенсивно наращивается формальная составляющая, прежде всего планирование, отчетность и процедуры оценки результативности (в том числе количественные), сплошь и рядом оказывается, что обе стороны процесса вступают в «игру по правилам», а потому начинают пытаться обыграть друг друга, часто во вред общему делу.

Как это ни грустно, такие выводы – не моральное суждение, а установленный факт. В том числе установленный не только в системе взаимоотношений науки и власти, но и в рамках самого научного сообщества, в сфере его самоконтроля и саморегулирования (а этот формат куда более объективен и практически защищен от подозрений в желании науки сыграть на собственном цеховом интересе). Когда ученые пытаются более жестко формализовать оценку результативности своей работы и работы коллег, почти неизбежно происходит то, что в психологии называется «сдвигом мотива на цель» (А. Леонтьев). Люди начинают не только или даже не столько отчитываться по результату, сколько заранее подгонять результат под правильную, ожидаемую, поощряемую отчетность. Если кто-то думает, что это локальное отклонение, в особенности характерное для гуманитарных наук, а тем более для российского сегмента, это заблуждение. Такого рода закономерности зафиксированы: а) в мировой науке, в том числе западной; б) в точных и естественных науках, где, казалось бы, имитировать результативность практически невозможно.

Тем не менее тенденция к максимальной формализации регулирования и саморегулирования в науке у нас совершенно очевидна и в управленческой среде, судя по всему, рассматривается как единственно перспективная, стратегически безальтернативная, а также как методологически и методически безупречная. Что вовсе не очевидно.

С одной стороны, необходимо признать, что за такого рода формализацией стоят весьма серьезные тренды, прежде всего связанные с понятием «постнеклассической науки». Одно из существ-

венных отличий заключается здесь в следующем. Наука перестает быть священной коровой, на которую молятся, которой позволено все и даже больше: начиная с траты ресурсов и заканчивая рискованными экспериментами, в том числе на живых людях. Теперь науке приходится выстраивать свои отношения с обществом на практически паритетной основе: объяснять, что она делает и зачем нужна, доказывать свою полезность или, как минимум, безвредность. В некоторых отраслях знания, например в науках биомедицинского цикла, это во многом получается почти автоматически, едва ли не само собой: человечество пока еще более или менее легко верит, что скоро его разом накормят и вылечат (хотя и здесь уже осознаны серьезные проблемы экспериментального риска и биоэтики). Однако другим наукам, уже успевшим напугать человечество масштабом расходов и угроз, например ядерной физике, приходится решать куда более сложные проблемы самооправдания и обоснования необходимости финансирования хотя бы в прежних объемах (проблема ЦЕРНа). В этой ситуации попытки как-то формализовать и объективизировать оценку результативности вполне понятны.

Вместе с тем эти общие тренды надо отделять от местных, туземных инициатив, которые вполне могут быть связаны с гораздо более прозаическими целями и интересами. В частности, нельзя не видеть наметившейся в последнее время общей тенденции к бюрократизации многих отраслей жизни и деятельности в России. Избыточное регулирование, распухание нормативной базы, дотошное, мелочное слежение за мельчайшими стадиями процесса — все это давно и не без оснований критикуется на политическом уровне как административный балласт, мешающий развитию экономики, технологий и, конечно же, науки. Чтобы в первом приближении оценить изменение ситуации, достаточно провести обычный статистический анализ формального документооборота, сравнив то, что есть сейчас, с тем, что было совсем недавно, а заодно и с объемом разного рода формальной отчетности в советский период, обычно критикуемый за чрезмерное, иногда просто абсурдное вмешательство государства в тонкие, не поддающиеся прямому администрированию процессы. Более того, можно увидеть здесь и общую тенденцию к наращиванию разнообразных форм регулирования и контроля, выступающих в качестве своего рода дисциплинарных техник, вырабатывающих привычные отношения в системе власти, господства / подчинения. Однако до обращения к этим высоким материям придется столкнуться с куда

более прозаическими вещами, в частности с вопиющей проблемой качества этого контроля. В некоторых моментах вопрос даже не доходит до животрепещущего «много или мало» – все уже на дальних подходах к проблеме сводится к тому, что ТАК контролировать вообще нельзя, ни в больших дозах, ни в малых.

Антинаучная точность

Ярким примером такой ситуации является стремление уже сейчас, что называется, «с колес», использовать для оценки результативности отечественной науки разного рода библиометрические показатели: статистику публикаций, индексы цитирования, им-пакт-факторы и т.п.

Начнем с того, что избыточный, безоговорочный энтузиазм в отношении такого рода методик выглядит на данный момент проявлением не столько современности, сколько отсталости. В мировой науке уже поняли, что здесь и свои плюсы, но и подводные камни, начиная с искусственного раздувания числа публикаций, ссылок и т.п. и заканчивая циничным бизнесом на призраивании заказных статей в ведущих научных журналах мира. Если эта проблема уже осознана как достаточно острая в мировой науке, с ее достаточно строгими традициями профессиональной научной этики, а также цехового и правового регулирования подобных ситуаций, можно представить себе, что может появиться в нынешней российской науке, когда ресурсное благополучие отраслей знания, институтов и отдельных исследований будет напрямую зависеть от такого рода формализованных показателей. Можно легко оказаться в положении, когда в самом профессиональном сообществе будет одна, более или менее достоверная система признания авторитетов, а в зоне формальной отчетности – существенно другая. Это породит совершенно ненужный, лишний конфликт между научным сообществом и властью, дискредитирует институты управления, а с ними косвенно и политические инстанции, а главное – станет серьезным тормозом дальнейшего развития отечественной науки.

Особенно остро встанет эта проблема применительно к наукам социогуманитарного цикла, в том числе и к отечественной философии. Российская институциональная библиометрия, в частности Российский индекс научного цитирования, находится в зачаточном состоянии, и принимать его данные за полную информацию, достаточную для принятия управленческих, а тем более политических

решений, мягко говоря, было бы некорректно. Что же касается наиболее известных зарубежных баз данных, таких, как, например, Web of Science, Scopus и т.п., то отечественная гуманитаристика по целому ряду объективных и субъективных обстоятельств представлена там не то чтобы не полно, а убогими несколькими процентами от того, что на самом деле имеет место в нашем корпусе публикаций и ссылок. Эти базы практически не реферируют наши журналы (единицы), избирательность в составлении такого рода списков более чем очевидна и имеет место не только в отношении России, существует практически непреодолимый языковой барьер.

Совет, который иногда приходится слышать от администраторов: пишите по-английски, – выглядит либо некомпетентно, либо просто издевательски. Сплошь и рядом дело вовсе не в языке, а в том, что переводить практически нет смысла: эти публикации за рубежом не читают не потому, что они слабые, а просто потому, что и не должны. Социология, этнография, история, литературоведение, лингвистика, целый спектр разделов философии – многое в этих и целом ряде других отраслей знания представляет огромный интерес для отечественной науки, для нашего общества, но совершенно не касается сферы интересов тех стран, которые занимаются переводом и изданием зарубежной научной литературы и одновременно контролируют наиболее известные базы данных. Это вполне естественное состояние для гуманитарных научных комплексов многих, если не большинства неанглоязычных стран мира, но, кажется, только в России есть такое слепое доверие к зарубежным методикам, которые на Россию вовсе не ориентированы.

Более того, гуманитарное знание основным модулем публикаций очень часто имеет вовсе не статью, а именно книгу. Однако стандартные базы данных книги практически игнорируют, останавливаясь на статьях в реферируемых журналах. Это с некоторыми оговорками может быть оправданно для точных и естественных наук, но дает фатально искаженную картину применительно к гуманитарному знанию.

Кроме того, в гуманитарном знании в ряде случаев вовсе не так строги требования к ссылочному аппарату, как в точных и естественных науках. Что же касается философии, то есть общепризнанные авторитеты и даже целые жанры, в которых ссылки в общепринятом смысле вообще отсутствуют. Если это не учитывать, мы получим картину не просто заведомо искаженную – из поля

зрения выпадут едва ли не половина авторов и работ, считающихся безусловно классическими.

Есть еще целый ряд обстоятельств, в силу которых механически скопированные статистические данные дают эффект не столько информации, сколько дезинформации. Мы можем оказаться в положении, когда для оценки науки будут использоваться данные, которые по всем показателям являются ненаучными, а при злонамеренном использовании и антинаучными. Библиометрия, конечно же, наука, но применять ее необходимо корректно и с таким же научным пониманием предмета. В противном случае некоторая польза, получаемая в усреднении усредненного, окажется ничтожной в сравнении с гигантским вредом, который может быть нанесен отечественной гуманитарной науке.

Социальный заказ и инерция контроля

Российские власти периодически проявляют оформленный интерес к повышению активности участия науки в жизни общества, в выработке стратегий, в принятии политических и управленческих решений, а также в мониторинге их реализации. Если проанализировать в данном контексте термин «наука», то окажется, что сюда попадает прежде всего знание социально-экономическое и общественно-политическое, а также гуманитарные науки в самых разных своих отраслях: этика, лингвистика, социальная психология, этнология, разного рода исторические исследования и пр. Есть направления гибридного характера, на грани знания точного и гуманитарного, например та же библиометрия, все более активно используемая при оценке результативности исследований, а в итоге и в принятии управленческих, политических, а возможно, и стратегических решений.

Особый интерес в этом контексте представляет пресловутая «проблема внедрения». Технологическая утилизация достижений естественно-научного знания более или менее понятно устроена, и так же общеизвестны имеющиеся здесь острейшие системные проблемы. Однако, что в этом плане представляет собой проблема «внедрения» для гуманитарной науки, для философии, для отраслей социально-экономического и общественно-политического знания?

Проще всего все свести к обычным для науки академическим и (или) к популярным публикациям, к лекционно-просветительской деятельности и т.п.

Однако совершенно очевидно, что социальный заказ – и от общества, и от структур власти – выглядит существенно иначе и гораздо шире. Как раньше было принято выражаться, «партия и правительство» призывают философов, гуманитариев и прочих представителей «не естественных наук» активно участвовать в жизни общества, в выработке, оценке и реализации политических и управленческих решений. Оставим пока в стороне вопрос, насколько часто такой заказ бывает искренним и нацеленным на подлинное эффективное взаимодействие. Допустим даже, что система власти и управления в этом призыве всегда адекватна и готова всерьез прислушиваться к рекомендациям науки. Однако и в этом случае мы окажемся в нелепом и контрпродуктивном положении: система формализованной отчетности, по крайней мере в ее библиометрической составляющей, ориентированной на так называемые рецензируемые журналы, т.е. на академические списки, не только не ориентирует «общественников» и гуманитариев на неакадемическую активность, но и фактически отвращает от нее, поскольку ресурс времени и сил у каждого ученого понятным образом ограничен. Вместе с тем, если бы библиометрическая статистика сподобилась учитывать не только публикации в Интернете, но и общественную активность вокруг них, в частности ретрансляцию и сетевое тиражирование, ссылки и рекомендации, профессиональные комментарии и т.п., мы уже сейчас получили бы совершенно другую и куда более оптимистичную картину развития нашей гуманитарной науки и ее участия в жизни страны.

Это же относится и к участию науки в подготовке и экспертизе законопроектов, нормативных правовых актов, управленческих решений. Часто в этих разработках присутствует и собственно научный результат, который как таковой не эксплицируется, а потому не учитывается, хотя и получает известное распространение в соответствующих сегментах научного сообщества.

Все это не отрицает известной полезности применения формализованных и количественных методов при оценке результативности отечественной науки. Однако необходимо в полной мере учитывать системные ограничения, накладываемые на применение этих методов спецификой гуманитарной науки вообще и отечественной гуманитаристики в особенности. В противном случае мы можем сами невольно сработать на принижение статуса и имиджа российской науки в мире. И тогда зачем затратные проекты, нацеленные на улучшение образа России?

Возможно, было бы больше пользы, если хотя бы малая часть этих средств была направлена на распространение и продвижение результатов нашей гуманитарной науки за рубежом. Тогда, возможно, у нас было бы меньше проблем и с мировыми базами данных.

«Измерение философии: Об основаниях и критериях оценки результативности философских и социогуманитарных исследований», М., 2012 г., с. 136–143.

Павел Гуревич,
доктор философских наук (ИФ РАН)
АБСУРД КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН

Жизнь многообразна: есть в ней смешное, гротескное, противоречивое. Но в данном случае речь идет не о психопатологии обыденной жизни по Фрейду, не о социально-критической «воркотне» по поводу разных неистребимых безобразий, не о человеческом цинизме или глупости, которых, понятно, не занимать. Речь об уникальном явлении. Об абсурде. Как феномен, он глубоко укоренен в обществе. Он онтологичен, потому что без него здание социума обрушится. Если изъять из повседневного обихода абсурд как иррациональный код, люди перестанут выполнять наставления власти.

Власть может сохранить себя только в том случае, если будет посылать обществу сигналы, которые невозможно реализовать в силу их несовместимости. Только с помощью этих мерцающих и ускользающих смыслов можно сохранить относительную стабильность и единомыслие общества. Но в том-то и дело, что эти призывы диссонантны. Нельзя, например, без изощренных самоувещеваний любить Родину и прятать деньги в заграничных офшорах. Добиваться власти и сохранять стерильную политическую девственность. Бороться с коррупцией и не трогать в этом случае самых близких, сановных назначенцев. Придерживаться радикального либерализма и строить социальное государство. Помышлять о том, чтобы уйти из власти, но не забывать при этом, что произошло с другими политиками в аналогичной ситуации.

Абсурд как социальный феномен далеко не безобиден. Он позволяет затуманивать мозги, приучает к бессмыслию, одновременно он рождает блаженные улыбки на лицах тех, кто капитально ушиблен мешком. Абсурд дает возможность шизофренизировать

общество, но вовремя прописать и антидепрессанты. Позже, уйдя из конкретных временных рамок, мы поражаемся всеобщему абсурдному ослеплению. Прозревая, мы осознаем, что повторение исторической трагедии, как подметил Гегель, выглядит уже откровенным фарсом.

Человечество, смеясь, прощается со своим прошлым. Добавим от себя, вслед за Гегелем и Марксом, который его цитировал: «Но платит за это дорогую цену».

Что же мешает своевременному ниспаданию пелены с глаз — глупость, страх, социальный конформизм, стереотипность мышления, психологическая усталость, неустраняемая психопатология жизни? Что превращает абсурд в норму общественной жизни? История услужливо предлагает иллюстрации. Средневековые юристы по всем канонам судебных уложений судили козла, виновного будто бы в злоумышленном поступке. Козни усматривали не только у животных, но даже у отдельных предметов. В среде феодалов расточительность уважалась несравненно больше, чем бережливость — важнейшее достоинство буржуа. Степенные американские фермеры чинили расправу над невинным негром, сжигая его заживо. Толпы людей, беснуясь, следовали за фюрером. Народы, протестуя против войны, неожиданно бросались друг на друга. Демократия утверждала себя бомбометанием.

Праведность, как подметил Шекспир, служила пороку. Глупость предьявляла себя в маске мудреца. Вообще говоря, тема абсурда давно привлекала внимание философов и социологов. Но прежде всего она рассматривалась как сбой логики, нелепость рассуждения. Данная проблема выявилась поначалу при разграничении истинных и ложных рассуждений. Это было особенно важно для риторической и судебной практики. Но уже в эпоху Возрождения было замечено, что в самой жизни, а не только в риторической практике, полно нестыковок: безумие часто выдает себя за разум, порождая абсурдные ситуации. Эразм Роттердамский не уклонился от сарказма, назвав свою книгу «Похвальное слово глупости». «Мужчины рождены для дел правления, а потому должны были получить несколько лишних капелек разума, необходимых для поддержания мужского достоинства», — язвительно писал великий гуманист. Он еще уточнял: «Глупость создает государства, поддерживает власть, религию, управление и суд. Да и что такое вся жизнь, как не забава глупости?» Абсурд — прежде всего недомыслие, неспособность добраться до смысла, завершить траекторию мысли.

Депутат Олег Смолин представил в Государственную думу альтернативный вариант проекта об образовании. В частности, он сказал: «Поклонникам англо-американских моделей, которые вводят ЕГЭ и прочие “новшества”, напомним высказывание знаменитого американского просветителя Бенджамина Франклина, сделанное в XVIII веке. У него спросили: почему Вы так много заботитесь о просвещении простолюдинов? Он ответил: простолюдин, стоящий на своих ногах, несравненно лучше джентльмена, стоящего на коленях. Уверен, что стране нужен закон, создающий равные возможности в образовании, отвечающий принципу “образование – для всех”, чтобы каждый гражданин России мог стоять на собственных ногах».

Другой депутат, В.В. Жириновский, похвально отозвался об этом проекте. Но все же заметил, что если этот проект принять к реализации, то в стране все будут хорошо образованны. А это приводит к смуте и распушенности. Нам, мол, не нужна хорошо образованная страна, это плохо кончается.

Французские философы набрали умопомрачительную коллекцию современных глупостей, которые по глубине и затратам вполне тянут на статус абсурда. Возьмем пример из арсенала философа Жака Бодрийяра. Внимание французских политиков привлек Судан. Туда был направлен высокопоставленный чиновник, который должен был изучать потребности суданцев в современных коммуникативных технологиях. В самом деле, пора узнать, умеют ли эти люди общаться? Нельзя ли донести до них европейские земледельческие рецепты с помощью видеокассет? Факт, что они голодают и надо научить их возделывать сорго. Но зачем же посылать туда агрономов при наличии современных коммуникаций? Пусть этот травянистый злак придет к ним на аудио- и видеокассетах. Если не подключить суданцев к современной технике общения, они умрут с голоду. Вот ведь как умно придумано. Власть только забыла учесть элементарные особенности жизни суданцев. В итоге случилась гуманитарная конфузия. Города и деревни Судана были снабжены видеоманитофонами. Но местная мафия быстро овладела сетью видеосалонов. Вместо учебных кассет про сорго открылся прибыльный рынок порнографических кассет. Это, впрочем, понравилось населению больше, чем возделывание сорго. Питательный злак или видео – какая разница? Притча, замечает Бодрийяр, достойная того, чтобы занести ее в книгу абсурда. «Мы живем в постоянном воспроизведении идеалов, фантазмов, образов, мечтаний, которые уже присутству-

ют рядом с нами и которые нам, в нашей роковой безучастности, необходимо возродить вновь и вновь», – писал он.

Социальные философы фиксируют: идея прогресса исчезла, но прогресс продолжается. Отныне это, скорее, раковое разрастание, нежели общественное развитие. Вместо шумного переселения народов – тихая азиатизация Европы. Идея богатства, которое предполагает производство, исчезла, но производство как таковое осуществляется наилучшим способом. И по мере того, как исчезает первоначальное представление о его конечных целях, рост производства ускоряется. Все заняты продажей, но трудно понять, откуда берется первоначальный продукт. Идея исчезла в политике, но политические игры, напротив, усилились и разрослись. Телевидение потеряло интерес к тем образам, которые оно производит. Оно могло бы продолжать свою активность, даже если бы человечество исчезло. Образы вылезли из телевизионного экрана, и теперь их невозможно загнать обратно, как пасту в тубик.

Феноменология абсурда

Абсурд многолик и культурно обусловлен. То, что считалось разумным для одной культуры, оказывается безумным для другой. Логичное и правильное для своего времени воспринимается как ужас в другой эпохе. Первые христиане, наблюдая за восхождением Христа на Голгофу, надеялись, что сейчас Он явит свой гнев и мощь. Случись бы такое с Зевсом, он закидал бы всех огненными плевками и испепелил бы молниями. Но Иисус не явил своей божественной сути и был распят рядом с разбойником. Верить в такого Бога, с точки зрения язычников, абсурдно. Но ученики Христа, принявшие учение, напротив, были убеждены, что безумно почитать земного кесаря, считать его несравненным. Величие как раз в проповеди Христа.

К чему эти культурно-исторические иллюстрации? А вот свеженькая история о том, как Перун прогневался на Русскую православную церковь. 24 марта 2013 г. в Омске по просьбе РПЦ местные власти запретили проводить праздник «Проводы зимы». Оказалось, что митрополит Омский и Таврический Владимир написал губернатору письмо о том, что этот языческий праздник – Масленица – оскорбляет чувства верующих. Он совпал с Великим Постом. Но тут вроде прогневался Перун. Не хотите проводить «Проводы зимы», так она засыплет вас снегом. Не видать вам весны, раз отступились от древней веры. Что делать чиновникам, ко-

му поклоняться? Министерство культуры Омской области поспешно открестилось от табу на языческий праздник. Не гневайся, Перун, прости нас, заблудших, учинивших заворот мозгов. Яви календарное благолепие!

Все смешалось в общественном сознании: языческий праздник и христианская проповедь, желание ухватить божественную частицу мира в виде бозона Хиггса и ежедневные астрологические оповещения, белый дым над собором как Божье возвешение и надежда, что всем верующим будет большое денежное пособие, нобелевские премии и агрессивный обскурантизм. Человек обладает сознанием, которое позволяет ему принять едва ли не любое экстремальное событие. В течение своей жизни он обнаружит, что жизнь не ложится под нас. Она противоречива, полна несогласованности и разного рода несуразностей. Человек разумен, но часто поступает иррационально. Люди творят новое, но сами же его и разрушают. Человек – удивительное существо. Он все понимает, но поступает наоборот. Это, впрочем, мысль Сократа. Постоянно углубляющийся опыт рационалистического постижения жизни и кошмарное нежелание реальности укладываться в этот опыт. Неиссякаемый поток творчества, рождающий разрушение. Томление по красоте, избыточно переходящее в манку безобразного. Бесконечность творения и предельность человеческой жизни. Как сохранить трезвость мысли внутри этих парадоксов?

Об абсурде как основе существования писали экзистенциалисты. Особо отметился тут, пожалуй, Альбер Камю. Его называли «певцом абсурда». Он писал о том, что чувство абсурдности поджидает нас на каждом углу. Это чувство неуловимо, но оно реально. Человек живет, но жизнь его бесцветна, неинтересна. «Подъем, трамвай, четыре часа в конторе или на заводе, обед, трамвай, четыре часа работы, ужин, сон; понедельник, вторник, среда, четверг, пятница, суббота, все в том же ритме...» Человек, как греческий Сизиф, наказанный богами, обречен на бесконечное повторение одного и того же бессмысленного действия.

Абсурдный человек, в толковании А. Камю, до встречи с абсурдом живет своими целями: заботой о будущем или об оправдании его. Он оценивает собственные шансы, рассчитывает на своих сыновей, верит, что в жизни все наладится. Ему кажется, что он свободен. Абсурд развеивает все иллюзии: завтрашнего дня нет. Смерть и безумие непоправимы. У человека нет выбора. Камю писал: в итальянских музеях можно видеть маленькие разрисованные ширмы. Священник держал одну из них перед глазами пригово-

ренного к смертной казни, скрывая от него эшафот. Как освободиться от этой идеологической ширмы?

Состояние человека в абсурде выразил Сэмюэль Беккет: «Голый человек на каменистой душе, и пустое небо над ним».

Заложники абсурда

Начало текущего года в России поразило общественность мощными всходами абсурдизма. Актер Депардьё обозначился в наших гостеприимных объятьях и отправился на жительство в Бельгию. Общественная палата предложила изъять из школьной программы Гоголя и Щедрина, которые будто бы повинны в либеральной критике государства, повлекшей за собой грозные события 1917 г. Министр образования и науки радостно сообщил, что аспиранты будут освобождены от сдачи кандидатского минимума по философии и смогут теперь сосредоточить свои научные усилия на предъявлении собственных открытий. Но без воспитания культуры ума открытие становится проблематичным. Премьер государства взял на вооружение формулу римского сенатора, который к месту и не к месту повторял курьезную фразу: «Карфаген должен быть разрушен». В данном случае реплика относилась к «ненужным» вузам. Армия настолько отвыкла от обычных учений, что сообщение об очередной проверке ее боеспособности оказалось новостью номер один.

Уже не выглядит нелепицей сообщение бывшего министра обороны, что дорога к особняку зятя строилась за счет бюджета из стратегических соображений. Не воспринимается как полоумность исчезновение этой дороги в результате вопросов следователя. Вызванная на суд бывшая чиновница Министерства обороны поразила общественность дорожкой дамской сумочкой, которая сразу перевела допрос в неожиданное русло. Известная певица, которая обещала в своей книге рассказать «всю правду», столь нужную пытливым читателям, наконец-то предъявила свою исповедь. Но оказалось, что «вся правда» – это признание в том, что она отдалась неизвестному мужику на скотном дворе, что благотворно повлияло на ее творческую биографию. Государственные деятели неистово заспорили о том, можно ли приравнять политическую проституцию к обычному похотливому разврату. Отрезвляюще прозвучала фраза президента, сказанная по частному поводу, но попавшая в яблочко: «Вы что, с ума сошли?»

Чиновники хотят перечислить фразы, на которые можно наложить табу и уменьшить размеры коррупции. Фраза «Ваши справки нам не нужны» попала в число опальных. Эту мысль служащий должен донести до посетителя в предельно достоверном и не столь откровенном варианте.

Абсурд стал наглым и агрессивным. Тупоумие перешло в атаку. Можно порой подумать, что пациенты больницы им. Кащенко перестреляли психиатров и захватили власть в этом богоугодном заведении. Не зря законы, обсуждаемые Госдумой, обозвали «взбесившимся принтером». Предлагается немедленно и беспощадно истребить все, что не привязано к коммерческому лотку. Норвежцы, известные своей сдержанностью и медлительностью, неистово пляшут, получив в дар земные недра, сказочно наделенные энергетическими ресурсами. Из 25 исследований, защищенных в Диссертационном совете, 24 оказались плагиатом. 25-й пишет объяснительную записку. И в самом деле, зачем отбился от коллектива?

Чиновник, отвечающий на вопросы избирателей, доказывает, как изменилась к лучшему жизнь простых тружеников: «Вон, к примеру, – рассуждает он, – сколько нищих развелось. Значит, улучшилось и благосостояние людей. Никакой это не парадокс. Ведь если человек с утра до вечера стоит на облюбованном месте, значит, ему кто-то подает. Иначе, зачем глаза мозолить, выставляя язвы напоказ и провожать нас безучастно-скорбным взглядом?» Конечно, по большому счету, особой разницы между попрошайкой и тем, кто пробегает мимо, нет. Все мы нищие. Много зависит от самоощущения или от весьма зыбкой грани. Вот сотрудники фирмы обсуждают проблему безденежья. Выходит олигарх и спрашивает, о чем разговор. «Денег не хватает», – отвечают коллеги. «Да, да, – скорбит отец целой индустрии. – Денег нет». Тогда бойкая дама завершает дискуссию, обращаясь к предпринимателю: «Ваше подключение к разговору делает проблему неразрешимой».

Абсурд освоил логику, которая не знает противоречий. Бесвязность оказывается логичностью. Бред стилизуется под систематизированность. Все пишут президенту, все просвещают его и ждут безотлагательного решения своего вопроса. Вот письмо предпринимателя Котельникова: «Что-то явно не так в нашей судебной системе! Вы обещали нам Диктатуру Закона, и мы все еще ждем ее как благо для всего общества. Что же касается внутренних убеждений слуг Закона – они далеко не всегда чисты и безупреч-

ны. Поверьте, убедился в этом на собственном опыте»¹. Предпринимателю мнится, что такое письмо окажется откровением для главы государства. А ведь это все равно, что написать: «Милый дедушка, Константин Макарович!.. Христом богом тебя молю, возьми меня отседа. Пожалей ты меня, сироту несчастную, а то меня все колотят и кушать страсть хочется, а скука такая, что и сказать нельзя, все плачу...»

Люди свыкаются с тем, что вокруг царят бессмыслие и лицемерие. Но есть другой путь, который мог бы придать динамику социальному прогрессу. Не следует оценивать абсурд как должное. Не принимать условия игры, в которых звучит хорошо знакомое: «Эники-беники ели вареники». Абсурду пора противопоставить зрелое гражданское мужество, здравый смысл и социальную терапию.

«Вестник аналитики», М., 2013 г., № 2, с. 9–15.

Т. Малиева,
политолог
(СОГУ, г. Владикавказ)
**ИДЕОЛОГИЯ И РЕЛИГИЯ
В ПОСТСОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ**

Идеология, о смерти которой провозгласила перестройка, сегодня снова востребована. За 20 последних лет отношение к ней поменялось диаметрально противоположным образом. Сравним ситуацию в этой области. Декабрь 1993 г. – принята Конституция РФ, согласно которой «в Российской Федерации признается идеологическое многообразие». «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Спустя 18 лет, в феврале 2011 г., председатель Национального антитеррористического комитета, директор ФСБ А. Бортников на встрече с руководителями антитеррористических комиссий во Владикавказе заявляет: «Мы должны выиграть идеологическое противоборство». Обращает на себя внимание открытое признание идеологической оснащенности терроризма, а также факта неконкурентноспособности постсоветской идеологии. «Должны выиграть» означает «пока проигрываем».

¹ «Наболело!». Открытое письмо бизнесмена Котельникова президенту России // Аргументы недели. № 11 (353) от 21 марта 2013 г.

Перестройка с самого начала отрицательно, в штыки воспринимала всякие разговоры на тему о необходимости идеологии в постперестроечном обществе.

Ее теоретики рассматривали идеологию как тормоз общественного развития. Они предлагали придерживаться политики невмешательства в объективный рыночный механизм, который сам все выправит и «устаканит». Не случайно подобные рассуждения получили название идеологии «невмешательства» или «самотека». Место идеологии, по мнению деидеологизаторов, должен занять здравый смысл, который рассматривает мир таким, каков он есть, без всяких субъективистских примесей. В идеологии усматривали угрозу нормальному развитию общества. Она фиксирует, по мнению В. Аксючица, «ложные и порочные влечения воли, злые мысли... складывается в иллюзорную реальность, подменяющую живое мертвым, истинное ложным». Идеология в определении народного депутата и философа В. Аксючица тождественна оружию массового поражения. Есть основания предположить, что его неокрепшая воля и чистый разум испытали на себе ее поражающую силу.

К ним примыкают некоторые отечественные марксисты, но уже по другим основаниям. Опираясь на тезис марксизма о первичности базиса и вторичности надстройки, они призывали не торопиться с идеологией, подождать, пока окончательно сложатся объективные экономические отношения, и только потом заниматься разработкой идеологии. Логика такова: развитая идеология требует развитых экономических отношений, а пока базис не созрел, идеология тоже грозит быть незрелой. Вывод: не надо торопиться с творчеством в области идеологии. Это то, что объединяет их со «здравомыслами». Различие в том, что догматики от марксизма мыслят идеологическое невмешательство как временное, а деидеологизаторы как принципиальное, на века.

В последнее время общество и власть начинают понимать, что для развития и функционирования государства одного здравого смысла мало. Необходима идеология. Пришло осознание того, что распад СССР – это может быть только прологом аналогичного сценария на политическом пространстве РФ.

Идеологию рассматривают как в узком, так и в широком смысле.

В узком смысле идеология понимается как доктрина, обосновывающая борьбу определенных групп за власть внутри государства. Она предназначена обосновать их претензии на место

главного выразителя потребностей народа и его защитника. При этом конкретная политическая доктрина предстает усилиями ее идеологов как программа, выражающая интересы всего общества.

Идеология во втором смысле – это совокупность высших системообразующих ценностей того или иного общества, детерминирующих поведение его членов. В связи с этим возникает вопрос: совместим ли партийный плюрализм с наличием единой идеологии в обществе?

В СССР политический плюрализм отсутствовал, но идеология была, в широком смысле этого слова. В странах Запада и США политический плюрализм и единая идеология сосуществуют вместе, согласованно.

Является ли идеология постоянным атрибутом общества и в чем заключается ее необходимость? Позиция деидеологизаторов однозначно отрицательная при наличии разной аргументации.

Приверженцы идеологии видели ее необходимость в том, чтобы «совместная жизнь людей не стала адом» (Вл. Соловьёв). М. Мамардашвили – критик конкретной советской идеологии – характеризовал идеологию как духовное явление положительно, поскольку она собирает социальную жизнь в «некоторое осмысленное целое». А.А. Зиновьев, советский диссидент и постперестроечный репатриант, функцию идеологии видит в том, что она ставит «перед руководителями общества общую цель», которая, «независимо от ее достижимости или недостижимости, играет огромную организующую роль, указывает основные пути ее достижения, ...является стержнем всей системы установок».

Востребованность идеологии находится в прямой зависимости от состояния общества. «Сознание людей всегда “пробуждалось”, “пробуждается” и будет всегда “пробуждаться” лишь настолько, насколько это диктуется интересами» их самосохранения. То есть необходим, образно говоря, спусковой крючок для осознания людьми самих себя в качестве единого целого. В рамках государства таким механизмом может быть или мобилизационная идея, или угроза бытию народа и государства, или «два в одном». Угроза, как внешняя, так и внутренняя. Для России изобретать их не приходится искусственно. Хотя частенько можно слышать и читать, что Россия любит изобретать внутренних и внешних врагов, что это у нее в крови. Замечу на это, что Бородино, где убивали друг друга французы и русские, находится не под Парижем, а Полтава, где столкнулись шведские и русские штыки, – не окраина Стокгольма, и земля Ржева, политая кровью советских и немецких

солдат, — не в Германии. Но внутренняя угроза опаснее, прежде всего, тем, что ее оружием являются не пулеметы и ракеты, а по преимуществу слово, разрушительное действие которого завуалировано.

Какую идеологию мы имеем в настоящее время? Известный политолог, руководитель Центра стратегических исследований «Россия — Исламский мир» Ш. Султанов выделяет три общенациональные идеологические модели, каждая из которых имеет свои текст и язык, свои правила и технологии, идеологов, пропагандистов и сторонников. Наиболее ярко и публично, справедливо отмечает он, заявляет о себе «идеология потребления»: «Я потребляю, значит, я живу». Второй идеологией «является криминальная идеология», третьей — «идеология выживания».

Я бы не разделяла криминальную и потребительскую идеологию, поскольку они тесно связаны между собой. Функционируя, они подпитывают друг друга так, как поддерживают друг друга их носители. До сих пор в общественном российском сознании крупная частная собственность как результат приватизации ассоциируется с кражей, а миллиардеры с суперворами. Рост криминогенного фона в нашем обществе напрямую связан с этим обстоятельством. Потребительская и криминальная идеология — это два сообщающихся сосуда. Потребительская идеология, ее можно назвать еще элитной, в качестве нормы жизни предложила такие стандарты, до которых честным трудом не дораста подавляющей части населения.

Но наши СМИ показывают, как решить эту проблему. Без преувеличения наше информационное пространство можно назвать бесплатным пособием по убийству, грабежу, обману и т.п. При этом криминал оправдывается: ведь грабитель или убийца совершает деяние, чтобы достать средства на операцию больной матери, ребенку и т.п. Зло оправдывается альтруистическим мотивом. Отсюда и прохладное отношение постперестроечного образования к русской литературе. Она не востребована, поскольку недвусмысленно зло называет злом, а добро — добром, не понижая границы между ними.

Повторюсь — потребительская и криминальная идеология тесно взаимосвязаны. Потребительская идеология включает в себя как составную часть апологию криминала. В совокупности их носители уступают в количественном отношении большинству населения. Но по воздействию на массы они абсолютно лидируют. Именно потребительская и криминальная идеология заполняет все или почти все информационное российское пространство. Идеоло-

ги перестройки, в отличие от доперестроечных коллег, не изобретают морального кодекса строителя демократии, не пытаются четко обозначить зримые контуры будущего общества. Но элитный идеологический аппарат работает стабильно. Он изменил свои формы, методы, пытаясь выглядеть поборником абсолютного плюрализма идей. Но всем известно, что неконтролируемой информации не бывает. Прикрываясь многообразием в мелочах, нам довольно жестко навязывают унификацию в главном. На человека и общество мы должны смотреть глазами именно данной идеологии. В рамках элитно-потребительской концепции человек есть центр смыслополагания. Никакое сообщество – народ, страна, семья – не может генерировать смыслы, ради которых стоит ограничивать свои интересы и ограничивать свой эгоизм.

Ш. Султанов говорит об «идеологии выживания». Выживающие есть, они составляют большинство, но «идеологии выживания» нет. Непременной функцией любой идеологии является оправдание своих приверженцев. Как показаны в нашем информационном пространстве «выживающие»? Употребляю этот термин не случайно, ведь даже слово «народ» исчезло из нашего научного лексикона. «Идеология выживания» должна объяснить, почему большинство выживает, оправдать все трудности и несчастья, обрушившиеся на него. Это первое и второе – достойно представить выживающих в информационном пространстве. От ответа на первый вопрос зависит ответ на второй. Идеологическая составляющая политической программы КПРФ причину выживания видит в грабительских методах и формах проведения приватизации, в утрате государством своих социальных функций и замене их на охранительные. Патерналистское, социальное государство становится «ночным сторожем», т.е. первопричина униженного состояния большинства находится, по большому счету, вне их.

Элитная потребительская идеология этот вопрос рассматривает в социал-дарвинистском духе, сущность которого можно выразить ницшеанской фразой: «Падающего толкни!» Причина выживания, по их мнению, коренится исключительно в самих выживающих, в их слабой природе, плохой подготовленности, «неумении держать удар» и т.п. Те, кто не умеет за себя бороться, превращаются в социальный балласт. Вся ответственность взваливается на плечи выживающих. При этом информационно-идеологический диктат меньшинства целенаправленно носит агрессивный и психологически-травмирующий характер. Несколько примеров, как воплощение вышеприведенного лозунга Ницше.

Представитель либеральной общественности А. Смолин, обозреватель РАПСИ, автор публикации «Общество унижения», предлагает усилить на ведущих телеканалах те программы, в которых человек унижается, духовно травмируется. По его мнению, политика ведущих каналов, делающая «чувство унижения систематизирующей доминантой», недостаточна.

Психолог А. Юрьев предлагает использовать генную терапию в деле управления народом. «Поддержка погибающих и слабых, – пишет он, – это нерациональное и расточительное поведение человеческого общества глобализация поставила под сомнение. Исследователи глобализации констатируют, что она отказывается от тысячелетнего опыта человечества как ошибочного. Ошибочен ли он? Или она права?» Демонстрация сомнения – это на публику, на тех, кто, возможно, поставит под сомнение антигуманные методы психолога А. Юрьева.

Для писателя Д. Быкова народ – это «чернь», которая «нуждается в перевоспитании, катехизации, впоследствии в реформации и многих других замечательных вещах» («Московские новости», № 153, 2012).

С большим сожалением приходится констатировать, что недалеко от либералов ушли некоторые народные избранники, для которых все население России – это «сто тридцать миллионов бездельников»¹. Воспитывать в таких людях чувство уважения к своим избирателям поздно, а вот Комитету по этике стоит жестко реагировать на подобные откровения представителей властной элиты, вплоть до требования сдачи депутатского мандата.

Таким образом, говорить о существовании «идеологии выживания» не приходится. Есть дискриминирующая выживающих идеологическая составляющая элитной, потребительской идеологии. Сможем ли мы выиграть идеологическое противоборство с такой идеологией, представляющей узкий круг успешных, способствующей криминализации и маргинализации общества? Как говорил известный киногерой товарищ Сухов, это вряд ли! Ведь радикальный ислам эксплуатирует идеи равенства и справедливости, с которыми коммунистическая идеология, а еще раньше христианство завоевывали мир.

Весь парадокс настоящей ситуации заключается в том, что государство нуждается в поддержке тех, кого оно лишило в перестройку своей опоры и защиты. Ведь главным оппонентом госу-

¹ Рохмистров М. (Депутат ГД РФ), «Невское время», СПб., 18.10.2012.

дарства в России, как отмечал политолог и философ А. Панарин, «всегда выступают “сильные”, то и дело норовящие ускользнуть от государственного контроля... Вот почему самодержавные государи на Руси старались опереться на низы общества, чтобы отбить сепаратистские и своевольнические поползновения “сильных людей”, всегда готовых обособиться от общества, а при случае опереться и на внешние силы».

Исторически идеологическое обоснование «выживающих» брала на себя религия, в частности христианство, за исключением протестантизма. Поэтому востребованность ее обществом логически закономерна. А различные разговоры о насильственном насаждении – необоснованны. Можно говорить лишь о том, что религиозная самоидентификация народа находила и находит понимание и поддержку сверху. Это тоже понятно, если учитывать идеологическую слабость властных федеральных структур, которым приходилось решать проблемы суверенитета, территориальной целостности страны и ее стабильности, стоящие наиболее остро в начале 90-х, исключительно с помощью финансов.

Может ли религия претендовать на роль идеологии в широком смысле этого слова? Рассмотрим различные подходы.

Первый подход можно определить так: религия и идеология антиподы. Здесь однозначно религия противопоставляется идеологии, а исторические факты, свидетельствующие о превращении христианства в идеологию, трактуют ее как вырождение. «Христианство как государственная идеология – это смешение двух совершенно разных путей и призваний, – пишет священник Александр Шрамко. – Такие эксперименты заканчиваются трагически и для церкви, и для государства». В рамках данного подхода одинаково осуждается как «цезарепапизм», так и папоцезаризм.

Мысль, на первый взгляд, парадоксальную, высказал доктор философских наук Рафик Алиев в работе «Вера и любовь, разум и душа. Гармония или противоречие»: «Когда вера превращается в идеологию, она способна на многое. Человек, воспринимающий веру не только душой, но и разумом, становится опасным для окружающих – либо он перестает принимать само общество, в котором живет, либо начинает уничтожать это общество лишь потому, что оно не соответствует его вере, его идеалам и принципам: тому, чему учили так называемые священники и религиозные лидеры, которые сделали из него безвольного раба-робота». Казалось бы, именно рефлектирующий разум является гарантией самостоятельности мышления и поступков человека. Но здесь дело в другом.

Вера – это всегда личная вера. Она ограничена общением человека с Богом и требует только личного самосовершенствования. Вера требует начинать с себя. Идеология, ориентирующаяся на разум, направлена на исправление общества, её важнейшая функция – пресечение зла, и она не может не прибегать к силе и принуждению. Именно этот критерий, лежащий в основе разведения религии и идеологии, является главным. Вывод: неприемлемо любое искусственное насаждение той или иной религии, никто не должен навязывать религиозные воззрения, и тем более этого не должно делать государство. Для обеих сторон это неприемлемо – и для церкви, и для государства.

Второй подход содержит обоснование сотрудничества идеологии и религии при сохранении ими своей специфики, принципов, пространства и т.п. Точки соприкосновения существуют. Это общий объект влияния, общая задача – не допустить ада на нашей грешной земле, так как осуществить рай в принципе невозможно. И конфессии, и государство объединяет или должна объединять общая цель: противостояние «прометеевской идеологии», которая доминирует в нашем медийном пространстве. Вторая опасность, которая должна объединять и государство, и церковь, – это нарастающая радикализация взглядов в сфере межнациональных и межрелигиозных отношений.

Не менее важной является задача, стоящая перед нашим обществом и требующая своего решения: это восстановление социально-исторической ткани и социальной системности (народ – государство – армия). Для реализации этой задачи государству нужны союзники из сферы традиционной идеологии. Переход от идеологии власти к власти идеологии назрел.

*«Диалог религиозных культур
как фактор безопасности и стабильности:
Проблемы и решения», Владикавказ, 2012 г., с. 324–331.*

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Михаил Топчиев,

кандидат политических наук

(Астраханский государственный университет)

СПЕЦИФИКА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПОЛИЭТНИЧНОМ РЕГИОНЕ (на примере Астраханской области)

Усложнение современной политической ситуации, все большее влияние религии на политические процессы в мировом масштабе, превращение отдельных религиозных институтов в так называемую «политическую религию», обострение конфликтотенной обстановки, обусловленной как мировыми миграционными процессами, так и превращением экстремизма в международный политический тренд, существование постоянных очагов напряженности, связанных с конфессиональными разногласиями, активизация новых религиозных объединений, подчас тоталитарного характера, – все это заставляет исследователей вновь и вновь обращаться к проблеме государственно-конфессиональной политики на всех уровнях ее реализации.

Мировой опыт построения государственно-конфессиональных отношений и многообразие моделей их реализации, терминологическая несогласованность, а также целый ряд проблемных ситуаций и сложная вариативная законодательная база, касающаяся «свободы совести», говорят о необходимости постоянного осмысления тех политических процессов, которые происходят в этой сфере. Вышеперечисленные обстоятельства заставляют отводить особое место в этих исследованиях изучению регионального опыта построения конфессиональной политики, особенно в полиэтничных регионах. Государственно-конфессиональная политика в поликультурном регионе представляет собой весьма сложную систему, которая имеет как синхронную, так и диахронную линии

формирования. Государственно-конфессиональная политика в полиэтническом регионе реализуется с учетом всех уровней политического процесса – мега-, макро- и микроуровней.

На мегауровне на формирование конфессиональной политики и функционирование системы конфессиональной безопасности в регионе оказывают влияние процессы глобализации. На современном этапе мы можем говорить о взаимосвязи глобализационных процессов и религиозных – религия становится важнейшим фактором глобализации. После появления работ С. Хантингтона ее принято считать маркером раскола современных цивилизаций. В системе религиозных организаций начинают проходить процессы, аналогичные протекающим в глобализирующейся мировой экономике. И это во многом влияет на изменение взгляда на глобализацию как на выходящую за рамки только экономико-политических процессов.

По мнению известного политолога Э. Хансона, на глобальном уровне среди четырех базовых политических проблем две имеют прямое отношение к религии – это возможность развития религиозной и культурной идентичности в глобальной коммуникационной системе и сохранение демократических прав человека в широком спектре существующих политических режимов, включая право на свободу вероисповедания и религиозную активность. Изменения ситуации в одной из этих сфер непосредственно влияют на состояние других.

Глобальное информационное пространство открыло доступ по сети к информации о религиозном многообразии и в середине 1990-х годов. Это многообразие пришло в регион в виде нетрадиционных культов и свободных проповедников, в основном из-за рубежа. В Астраханской области происходит активизация протестантизма, новых религиозных движений и мистических групп. Часть конфессий восстанавливается в 1990-е годы через включение в транснациональные глобальные религиозные сети, например буддизм, который в регион приходил как через ребуддизацию калмыков, проживающих на данной территории (посредством создания буддийских общин и религиозной группы традиционного направления), так и открытие религиозной организации трансетнического уровня, такой как «Буддийский центр алмазного пути школы Карма Кагью».

Правительство Астраханской области отреагировало на активную миссионерскую деятельность иностранцев специальным постановлением от 28.06.2001 г. № 328 «Об упорядочении дея-

тельности представителей иногородних и иностранных религиозных миссий на территории Астраханской области», в котором эта деятельность была упорядочена в соответствии с российским законодательством. В 2009 г. в Астраханскую государственную думу был внесен в первом чтении законопроект «О миссионерской деятельности», судьба которого не известна. На региональном подуровне важнейшими факторами, влияющими на конфессиональную политику области, являются ее геополитическая включенность в Каспийский регион и близость к исламскому миру (пограничность с Северным Кавказом и Прикаспием). Львиная доля миграционных потоков в Астрахань и через Астрахань идет именно оттуда, и это, прежде всего, представители мусульманских конфессий.

На макроуровне главное место занимает национальная религиозная политика. В рамках национального уровня взаимоотношений религии и политики мы можем выделить четыре типа взаимоотношений:

1) доминирующие церкви проводят политику узаконивания государственной власти, создавая так называемую «священную завесу» (*sacred canopy* – термин П. Бергера);

2) правительственные и религиозные организации борются между собой за политическое влияние на власть внутри национального сообщества;

3) религиозные организации конкурируют между собой внутри национального пространства;

4) религиозные объединения проводят политику влияния на национальную культуру или защиты своих культурных традиций от угроз со стороны национальной или глобальной культуры.

На макроуровне полиэтнический регион попадает, прежде всего, в сферу влияния федеральной государственно-конфессиональной политики, которая так и не может определиться со своими религиозными приоритетами: являемся ли мы православной или поликонфессиональной страной. И если она позиционирует себя как поликонфессиональная, «то соответствующими должны быть ее идеология, политика, проводимая с точки зрения баланса интересов этих конфессий, что должно обеспечить ощущение социальной безопасности как отдельных граждан, так и национальной безопасности всей Федерации».

Реализация государственно-конфессиональной политики на макроуровне, обусловленная федеральными стандартами и законами, тем не менее во многом зависит от управленческой полити-

ки местных акторов: как властей, так и конфессиональных институтов. Каждый полиэтнический регион характеризуется своей конфессиональной мозаичностью, а в Астраханском регионе она обусловлена как исторической традицией формирования конфессионального поля на фоне сосуществования трех мировых религий, так и современным достаточно уникальным для России соотношением ислама и христианства.

На этом уровне можно выделить внешние факторы в виде общенациональной конфессиональной политики и внутренние, связанные со спецификой политики областной администрации. К числу внешних негативных факторов, оказывающих влияние на систему конфессиональной безопасности в Астраханской области и деятельность акторов конфессиональной политики, можно отнести:

- 1) несовершенство действующего российского законодательства, регулирующего государственно-конфессиональные отношения стране;

- 2) отсутствие четкой концепции развития государственно-конфессиональных отношений, ее правового осмысления и продуманных и апробированных механизмов ее реализации;

- 3) спонтанный характер взаимоотношений государства и религиозных организаций, формирующихся под влиянием сиюминутных политических интересов, когда отдельные политические деятели пытаются использовать религиозный фактор для решения своих личностных, конъюнктурных либо групповых интересов;

- 4) отсутствие грамотно ведущегося постоянного межконфессионального диалога между отдельными конфессиями и деноминациями вследствие канонических различий и установок. Наличие многочисленных духовных управлений мусульман и усиливающаяся конкуренция между ними, и как следствие – вовлечение в этот процесс региональных духовных управлений.

Как позитивные факторы можно рассматривать:

- 1) сформировавшуюся за последние два десятилетия общероссийскую мировоззренческую установку на позитивное восприятие религии как фактора стабилизации этических и мировоззренческих норм, сохранения этнической идентичности, формирования регионального самосознания. Именно «религия оказалась едва ли не самым сильным хранителем и выразителем региональных мировоззренческих различий и регионального самосознания»;

- 2) сложившееся за последние два десятилетия позитивное отношение к руководству области самых многочисленных и наи-

более исторически укорененных конфессий: православия, ислама, буддизма;

3) сформировавшееся на протяжении нескольких веков благожелательное отношение к поликонфессиональности как таковой. «Религиозный плюрализм, основанный на религиозных различиях народов, живущих в стране, российское общественное мнение смогло принять как данность, равно как и власть, признававшую религиозные права титульных национальных меньшинств»;

4) внимание, проявляемое федеральным центром к важному в геополитическом плане региону России.

К внутренним факторам, влияющим на формирование системы конфессиональной безопасности в Астраханской области, следует отнести:

1) высокий и стабильный уровень поликонфессиональности населения Астраханской области, его историческую укорененность;

2) высокий уровень престижа традиционных религиозных организаций в регионе, их заметное влияние на общественные процессы;

3) значительное увеличение за последние два десятилетия числа действующих в области религиозных объединений и религиозных групп;

4) рост в последнее десятилетие активности религиозных объединений в социальной сфере, прежде всего в сфере оказания помощи малообеспеченным и престарелым людям, детским, социальным и медицинским учреждениям, инвалидам и больным детям, то, что православная церковь называет «социальным служением»;

5) позитивную динамику социально-экономического развития области, отсутствие в регионе социальных потрясений, открытость власти, внимание власти к деятельности традиционных конфессий;

6) сближение национального и религиозного факторов как способ оказания определенного давления на органы государственной власти со стороны отдельных религиозных объединений;

7) формирование этноконфессиональных групп населения и активизация движения за конфессиональную самоидентификацию населения как показатель степени влияния той или иной конфессии;

8) «диаспоризацию» ислама, заключающуюся в стремлении к обособлению отдельных лидеров мусульман, а также в попытках использовать ислам, как религиозную доктрину, для достижения собственных целей в межконфессиональных отношениях; центро-

бежные процессы в астраханской умме в определенные периоды времени;

9) столкновение интересов и противостояние различных конфессий, и прежде всего в среде евангелических и протестантских объединений, на миссионерском поле региона.

И, наконец, микроуровень влияния религии на политику – это персональный пласт личной веры. Очень часто к вере человека может привести именно политическая ситуация. Так, например, Махатма Ганди превращается из лощеного денди в религиозного лидера после столкновения с вопиющей бедностью населения деревень Южной Африки и Индии. С другой стороны, на индивидуальном уровне проявляется и обратная тенденция сокрушительного влияния некоторых персоналий харизматических религиозных лидеров на формирование религиозных традиций. Причем даже смерть таких лидеров (О. Ромеро, М. Ганди, И. Рабин) от руки религиозных фанатиков продолжает оказывать определенное влияние на политическую ситуацию. Региональная государственно-конфессиональная политика полиэтнического Астраханского региона строилась с учетом как федеральной политической линии в этой области, так и местной специфики, с учетом близости кавказских республик и высокого уровня конфессиональной мозаичности. И здесь на проведение конфессиональной политики большое влияние оказывали индивидуальные акторы: как политические деятели федерального и регионального уровней, так и главы официальных религиозных объединений и харизматические лидеры незарегистрированных организаций. На микроуровне мы можем говорить о влиянии отдельных личностей как на конструктивные процессы в области сохранения конфессиональной безопасности, так и на деструктивные.

К конструктивным действиям мы можем отнести, во-первых, взвешенную и весьма осторожную конфессиональную политику глав государственных структур Астраханской области, их внимание к конфессиональным проблемам. Так, например, во время процесса астраханских мухминов (Аюба Астраханского в 1999 г.), когда правоохрнительными органами конфессиональная принадлежность была отождествлена с противоправной деятельностью и были применены недопустимые меры воздействия, местная власть в итоге грамотно и дипломатично разрешила конфликт, возникший у общины как в отношении с другими мусульманскими направлениями, так и с правоохрнительными органами и агрессивной кампанией в прессе. «Такая необычная для российской

власти реакция объясняется особенностями личности губернатора, – считает исламовед А. Магомедов. – Анатолий Гужвин был одним из наиболее опытных глав региональных администраций в России, являлся бессменным руководителем областной исполнительной власти с 1987 г. по август 2004 г. Как губернатора его отличало доскональное знание местных проблем и персоналий и умелое использование механизмов власти. Гужвин был сторонником компромиссного решения проблем и не стремился выводить конфликт в публичную сферу... Его поведенческие особенности унаследовал его преемник, новый губернатор области Александр Жилкин». Эту же особенность А. Гужвина отмечал и патриарх Алексей. Сам А.П. Гужвин отмечал, что в его стремлении «сделать что-то для восстановления храмов есть, помимо всего прочего, желание добиться своего рода справедливости: если одни разрушают, другие должны воссоздавать, помня, что возрождаются в этом случае не только храмы, но и люди, к ним причастные».

Во-вторых, на личностном микроуровне мы можем отметить и понимание большинством глав религиозных конфессий геополитической сложности ситуации в области, необходимости осторожных, грамотных, политически выдержанных решений в связи с нестандартными ситуациями, возникающими в регионе. В связи с ситуацией с группой Аюба Астраханского на круглом столе газеты «Астраханские известия» в 1999 г. муфтий области Назымбекхазрат вполне уважительно охарактеризовал их как «полновесную общину заметного количества людей Астрахани, которая активно проявляет себя и в религиозной, и во вполне житейской сфере – торговле на базаре». Однако в некоторых случаях именно на личностном уровне может происходить поддержка сепаратистских процессов, как это, по мнению того же А. Магомедова, происходило в Ульяновске, где «бывший губернатор Юрий Горячев сознательно срамливал мусульман области», а появление харизматических религиозных лидеров с экстремистским мировоззрением может потенциально дестабилизировать ситуацию в регионе.

Анализируя конфессиональное поле и конфессиональную политику Астраханской области, можно выделить несколько факторов риска для системы конфессиональной безопасности поликультурного Астраханского региона. Под конфессиональной безопасностью понимают не столько систему сохранения контентного содержания любой конфессии и ее культовой оболочки (что не является прерогативой государства), сколько систему предотвращения конфликтов на конфессиональной почве. Конфессио-

нальная безопасность включает в себя наличие условий для полноценного развития различных конфессий в едином культурном пространстве, предотвращающих или, по крайней мере, смягчающих конфликты, связанные с конфессиональной принадлежностью, и оптимально вписывается в политический дискурс.

Главным фактором риска является геополитическое положение Астрахани в Каспийском регионе, на границе с исламским миром и на перекрестке миграционных путей, что, соответственно, повышает конфликтность самого региона и опасность спонтанного возникновения межличностных и межэтнических конфликтов, часто связанных с миграционными потоками. Риском является и близость северокавказских республик, через которые проходят миграционные потоки, продуцирующие новые для региона конфессиональные направления, прежде всего, в терминологии В.М. Викторина, «поволжско-предкавказское мусульманское обновленчество». Действительно, за фасадом весьма благополучных официальной истории и политики, по мнению А. Магомедова, «в своей новейшей истории Астрахань пережила весьма драматичную страницу, связанную с “нетрадиционным” радикальным исламом. Эта субрегиональная специфика объясняется астраханско-кавказским исламским синтезом с доминированием дагестанской группировки сторонников радикального ислама». Миграционные потоки могут индуцировать и конфликты на бытовой почве, обремененные в форму межэтнических и межконфессиональных отношений.

Еще одним фактором риска, практически универсальным для любой поликонфессиональной территории, являются транснациональные религиозные сети и объединения, в том числе и исламистского характера, нарушающие международные правовые нормы и представляющие собой террористическую угрозу.

В-третьих, это споры гражданско-правового и хозяйственного характера между акторами государственно-конфессиональных отношений, оцененные в СМИ как конфликты на конфессиональной почве.

В-четвертых, это реальные акты межконфессиональной вражды, выражающиеся в разжигании конфессиональной нетерпимости и религиозном вандализме и хулиганстве.

По мнению астраханских ученых Э. Зелетдиновой и М. Лагуткина, конфликтологические аспекты межконфессиональных и межэтнических отношений в Астраханской области «формируют запрос на поиск и выработку научно-практических решений в це-

лях минимизации рисков эскалации межэтнической напряженности». Мы считаем, что региональная государственно-конфессиональная политика полиэтничного Астраханского региона в целом направлена на создание системы конфессиональной безопасности, возникающей в результате оперативного реагирования на постоянно возрастающие риски межконфессиональных конфликтов, скрытых под ритуальной формой сдержанного нейтралитета, и формирующейся с учетом целого ряда факторов – исторического, антропного, геополитического. При этом всем акторам конфессиональной политики необходимо осознать, что создание системы конфессиональной безопасности является не второстепенной задачей, а важнейшим условием сохранения национальной безопасности. Таким образом, мы видим, что, решая задачу сохранения конфессиональной безопасности, государственно-конфессиональная политика региона должна строиться с учетом вышеперечисленных рисков.

*«Каспийский регион: Политика, экономика, культура»,
Астрахань, 2013 г., № 1, с. 99–104.*

Г. Юсупова,

доктор философских наук,
главный научный сотрудник

С. Алибекова,

кандидат философских наук,
старший научный сотрудник
(РЦЭИ ДНЦ РАН)

РОЛЬ ИСЛАМА В ПРОЦЕССЕ МОДЕРНИЗАЦИИ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО РЕГИОНА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Рассматривая причины процесса возрождения религии в мире, С. Хантингтон отмечает, что в первой половине XX в. представители интеллектуальной элиты, как правило, полагали, что экономическая и социальная модернизация ведет к ослаблению роли религии как существенной составляющей человеческого бытия. Это предположение разделялось как теми, кто его с радостью принимал, так и теми, кто сокрушался по поводу этой тенденции.

Однако, как показали события последних двух десятилетий, наряду с ростом научно-технического прогресса резко усилилось влияние религиозного фактора не только на мировоззрение и психологию людей, но и на все процессы общественно-политического

развития и международные отношения. Экономическая и социальная модернизация приобрела глобальный размах, и в то же время произошло глобальное возрождение религии.

«Это возрождение, *La revanche de Dieu*, как назвал его Жиль Кепель, проникло на каждый континент, в каждую цивилизацию и практически в каждую страну. В середине 1970-х, как заметил Кепель, курс на секуляризацию и замирение религии с атеизмом развернулся в обратную сторону. Появился на свет новый религиозный подход, ставящий своей целью уже не принятие светских ценностей, а возвращение священных основ для организации общества – изменив для этого общество, если необходимо.

Это религиозное возрождение отчасти вызвано экспансией некоторых религий, которые получили новых приверженцев там, где их раньше не было. Однако куда в большей степени оно обусловлено людьми, которые возвращаются к традиционным религиям своих сообществ, пробуждают в них новые силы и придают им новые значения. Христианство, ислам, иудаизм, индуизм, буддизм и православие – все они испытывают огромный потенциал приверженности и внимания со стороны некогда обычных верующих»¹.

За последние десятилетия рост влияния ислама на жизнь общества является наиболее заметным. Мусульмане во всем мире проявляют тесную привязанность к своей религии независимо от того, где бы они ни проживали.

М.В. Вагабов пишет: «Фактом является то, что численность убежденно верующих мусульман составляет более половины численности всех верующих в мире вместе взятых. Таким образом, реальный количественный и качественный перевес мусульман в мире непосредственно оказывает исключительно важное влияние на формирование мировой политики и на урегулирование международных отношений»².

Мы рассматриваем современное религиозное возрождение как закономерный процесс, обусловленный стремлением человека к целостному восприятию мира и себя как его неотъемлемой части, глубокими и тесными связями науки и религии, важностью для индивидуальности духовно-нравственного восприятия мира. Религиозность является частью социокультурной идентификации лич-

¹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М., 2003. – С. 139–140.

² Вагабов М.В. Исламский фактор в современной геополитике. Северный Кавказ в современной геополитике России. – Махачкала, 2009. – С. 67.

ности. Процесс модернизации Северного Кавказа вызвал ответную реакцию в виде попытки традиционного общества сохранить свои позиции через реисламизацию и реэтнизацию.

Для правильного понимания феномена религиозного возрождения целесообразно, на наш взгляд, выделить определенную двойственность религии как определенной специфичной сферы общественной жизни. Эта двойственность выражается в наличии в религии элементов культурного и одновременно социального начал. Как правило, историки при анализе этого сложного явления абсолютизировали либо одно, либо другое. Подобный подход часто приводит к односторонности и не дает полной картины причин и сущности исламского возрождения в России как части религиозного возрождения вообще. Если рассматривать религию как часть системы человеческого социума, то она одновременно является принадлежностью социальной и культурной подсистем.

Вот что пишет по этому поводу Т. Парсонс: «Поддержание религиозной ориентации посредством функционирования церкви можно рассматривать как случай взаимопроникновения культурной и социальной систем. Однако церковь может расцениваться как коллективность, преимущественно относящаяся к культуре, т.е. в первую очередь как культурная система действия, и уже во вторую – как социальная система»¹.

Говоря о месте религии в общей системе действия, Парсонс не считает, что религия принадлежит какой-либо первичной подсистеме действия. Он рассматривает религию как феномен, соотносящийся с тремя подсистемами – культурной, личностной и социальной, в известной степени интегрирующий их.

«Организм и физическая среда не связаны с религией непосредственно, они представляют собой факторы, обуславливающие и потенциально способствующие религии и (или) с ней интерферирующие. Кроме того, то, что обычно называется “религией” в менее дифференцированных социокультурных системах, по своей роли весьма отличается от религии, как она описывается в более высоко дифференцированных системах.

Религия в более общем смысле (т.е. как фактор, организующий высшие уровни ориентации действия) уходит своими корнями в наиболее обобщенные ориентации на значения. Однако когда речь идет о действии, сочленяющем эти ориентации ради них са-

¹ Парсонс Т. О социальных системах. – М., 2002. – С. 698.

мих, то оно скорее носит философский, чем религиозный характер»¹.

На наш взгляд, правильнее не выделение личностной подсистемы, к которой относится религия, а рассмотрение религии как определенной социальной и культурной идентичности личности, опираясь на эти два элемента в качестве важнейших характеристик религии. В дальнейшем мы рассмотрим особенности реисламизации на Северном Кавказе, и в частности в Республике Дагестан.

На основе ретроспективного анализа специфики возрождения роли религии в российском социуме мы предлагаем следующее определение категории «Современное исламское возрождение». Современное исламское возрождение представляет собой очередной этап повышения роли ислама в общественно-политической и культурно-нравственной жизни российского общества, хронологические рамки которого охватывают примерно десятилетие – конец 80-х – 90-е годы XX столетия. Однако данная категория должна рассматриваться достаточно критично, в ней больше находят отражение количественные показатели, нежели качественные, и отсутствует глубокий культурологический аспект, традиционный и даже определяющий для эпохи Ренессанса.

Данный феномен имеет количественные и качественные характеристики. Следует отметить, что изучение современной реисламизации на постсоветском пространстве находится в стадии становления. «Российское востоковедение, этнология, религиоведение получили в наследство от академической науки тяжкий дисбаланс между освоением исламского пласта в духовной культуре мусульманских народов и изучением доисламских реликтовых культурных феноменов. Достаточно взять библиографическую сводку по любому мусульманскому народу Средней Азии, Казахстана, Поволжья, Кавказа, чтобы убедиться: усилия сосредоточивались и до сих пор направляются на поиск и интерпретацию так называемых «доисламских верований». Именно на этом направлении работали целые подразделения институтов, защищались диссертации, строились карьеры и делались имена. Впечатляет и сравнение, количественное и качественное, советской (российской) и западной исламоведческой литературы»².

¹ Парсонс Т. О социальных системах. – М., 2002. – С. 748.

² Реальность этнических мифов. Аналитическая серия. Выпуск 3. Под ред. М. Олкотт и А. Малашенко. – М., 2000. – С. 48.

Известный российский исламовед М.В. Вагабов пишет: «В современном мире влияние ислама на общество не только сохраняется, но и возрастает. Главная причина – возрастание потенциала экономики мусульманских стран. В балансе мировой экономики он достиг исключительно больших масштабов»¹.

После исчезновения противостояния двух сильнейших в военном отношении государств XX в. – США и СССР, камуфлировавшегося под идеологическое противостояние «империализм – коммунизм», оказалось, что реальные угрозы глобального характера могут исходить и из регионов так называемого «третьего мира». «При этом речь не идет об уже привычных социально-экономических истоках угроз (отсталости, бедности, экономической слабости и т.д.). Угрозы XXI в. – это угрозы, в том числе и военного характера, проистекающие из агрессивного политизированного подхода к решению острых проблем современности, среди которых одна из наиболее острых – проблема религиозного фундаментализма»².

Пик исламского возрождения в России приходится на 90-е годы прошлого века. В этот период на Юге России, прежде всего в регионах, компактно заселенных этносами, исповедующими ислам, широко развернулось движение, ставившее своими целями возрождение ислама и определение ему соответствующего места в обществе. Этот процесс с самого начала носил крайне сложный и неоднозначный характер.

«Без сомнения, огромное воздействие на жизнь общества оказывает религия. Следует признать, что проблема наций и религий оказалась наименее разработанной в нашей науке, поскольку вопросы взаимоотношений разных конфессий и национальных отношений анализировались в рамках идеологизированного мышления»³.

В то же самое время нельзя не согласиться с точкой зрения М.М. Омаровой, которая пишет: «В связи с этим с наступлением

¹ Вагабов М.В. Исламский фактор в современной геополитике. Северный Кавказ в современной геополитике России. – Махачкала, 2008. – С. 61.

² Российские стратегические исследования. Под редакцией Л.Л. Фитуни. – М., 2002. – С. 100.

³ Адзиев Х.Г. Религиозные организации в системе современных межэтнических отношений. Религии и религиозные объединения как фактор гражданского мира и межнационального согласия на Северном Кавказе. Материалы региональной научно-практической конференции. Махачкала. – 19 ноября 2008 г. – Махачкала, 2009. – С. 306.

эпохи демократических преобразований проблемы теории и истории осуществления свободы совести на различных этапах развития нашего общества, роли и меры ответственности государственных органов и религиозных организаций в складывании тех или иных форм государственно-конфессиональных отношений потребовали нового рассмотрения и анализа. Возникла необходимость переосмыслить прошлое с точки зрения новых социальных реалий и интересов общества, движущегося в направлении гуманизации общественных отношений. Учесть накопленный опыт и проанализировать его.

В то же время надо признать, что у некоторой части общества в условиях происходящей сегодня переоценки ценностей довольно часто эмоциональная реакция на негативные последствия прошлого, а иногда и конъюнктурные соображения затмевают объективный анализ прошлого и настоящего в вопросах свободы совести, вероисповедания, прошлого и настоящего в государственно-конфессиональных отношениях»¹.

К.М. Ханбабаев отмечает в своей монографии «Религиозно-политический экстремизм в России: Состояние и проблемы», опубликованной в 2010 г.: «В современных условиях ислам приобретает все большее значение для внутренней политики не только мусульманских стран или государств со значительным мусульманским населением, но также для ряда западных стран. В этом отношении ситуация в этих государствах похожа на положение в России, имеющей исламские регионы на Кавказе и в Поволжье, а также значительное количество исповедующих ислам граждан в городах европейской части. В России проживают 182 этнические группы, и 57 из них отождествляют себя с исламом»².

Как правило, этнические и религиозные чувства тесно связаны между собой. Они оказывают сильное влияние на общественное сознание, не столько взятые в отдельности, сколько взаимосвязанные. Поэтому историческую связь этнического и религиозного используют в своих сепаратистских и экстремистских целях лидеры конфессиональных и национальных движений.

¹ Омарова М.М. Проблемы свободы совести в трудах дагестанских исследователей. Этнополитические исследования на Северном Кавказе: Состояние, проблемы, перспективы. – Махачкала, 2005. – С. 171.

² Ханбабаев К.М. Религиозно-политический экстремизм в России: Состояние и проблемы. – Махачкала: Издательство «Лотос», 2010. – С. 7.

Этническая и религиозная идентичности являются элементами общественного сознания. Формирование этнической идентичности нередко может быть обусловлено, наряду с прочими факторами, принадлежностью к определенной конфессии. На манипулировании общественным сознанием строят свою деятельность политические лидеры и партии на пути к власти и в целях ее удержания. Поэтому, как мы полагаем, вопрос о соотношении конфессионального и этнического моментов в этнокультурной традиции в современной России имеет зачастую политическую подоплеку и мотивы.

В полиэтнических обществах XXI в. угроза дестабилизации демократических институтов и этноконфессиональной напряженности связана с кризисом гражданских идентичностей, энтропийными последствиями глобализации и регионализации этнонациональных и гражданских культур, распадом идеологии и практики мультикультурализма. «Сегодня радикальные вызовы антизападных идентичностей, реактивная мобилизация азиатско-мусульманского самосознания и конструктивное переосмысление либеральной идентичности в стремлении западных обществ к разрешению имманентного идентификационного кризиса воздвигают новые культурные и идеологические границы, формируя мозаичные и парадоксальные образы микросоциальных идентичностей в полиэтническом мире»¹.

В последние десятилетия возросла роль Северного Кавказа на цивилизационном и геополитическом уровнях. Интегральный анализ данной проблемы позволяет нам сделать вывод, что в регионе смешались геополитические, цивилизационные, этноконфессиональные, этнокультурные проблемы и противоречия. Тесное соприкосновение и взаимовлияние двух миров – мусульманского и христианского – определяют специфику геополитического анализа региона. «Геополитическое значение Северного Кавказа обусловлено его конкретно-историческими и территориально-пространственными характеристиками, превратившими его в начале XXI в. в самый сложный регион с точки зрения обеспечения национальной безопасности России. Данный регион сложен также в пространственно-географическом, этнонациональном и социально-политическом отношениях. Геополитику Северного

¹ Попов М.Е. Конфликтные идентичности в полиэтническом мире: Идеология, этничность, гражданская идентичность. 7-й Конгресс этнографов и антропологов России. Доклады и выступления. – Саранск, 2007. – С. 179.

Кавказа можно рассматривать как особый проблемный комплекс, отражающий и соответствующим образом преломляющий сложившиеся тенденции регионального и глобального социально-экономического и политического развития.

Тот географический факт, что Северный Кавказ входит в геополитическое пространство России, создает чрезвычайно многоаспектный проблемный контекст, утверждающий заинтересованность в нем России. Анализ динамики социально-политических и этнонациональных процессов, протекающих в регионе, необходимо проводить исходя из той роли, которую они играют по отношению к системе российских геостратегических приоритетов»¹.

В то же время при всем единстве стоящих перед Северо-Кавказским федеральным округом проблем и перспектив развития следует выделить достаточно широкий диапазон различий между его субъектами и населяющими их народами. Отметим прежде всего природно-географические различия, наличие различных ресурсов, транспортную инфраструктуру, интеллектуальный потенциал, уровень занятости населения, доходы и уровень прожиточного минимума населения, экономический потенциал и т.д.

Именно поэтому Северный Кавказ сегодня отличается высоким динамизмом геополитических процессов, что обусловлено рядом объективных факторов, среди которых аналитики, как правило, выделяют важное геополитическое положение региона, чрезвычайно сложный этноконфессиональный состав населения, особенности этнорегиональной идентичности, нестабильную социально-политическую обстановку.

Мы рассматриваем этноконфессиональные процессы в целостном взаимодействии, в то же время они представляют собой совокупность двух составляющих элементов – этнического и конфессионального аспектов. В современной историографии много внимания уделяется исследованию этнических и конфессиональных отношений на Северном Кавказе в постсоветское время.

Мы полагаем, что сегодня возросла потребность во всестороннем историческом анализе всей совокупности межнациональных отношений сквозь призму целостности социального, экономического, политического, духовного аспектов в их ретро-

¹ Жаде З.А. Северный Кавказ в контексте современных геополитических реалий. Полиэтнический макрорегион: Язык, культура, политика, экономика. Тезисы докладов Всероссийской научной конференции. – Ростов-на-Дону, 2008. – С. 109.

спективе. Национальная проблематика всегда была и остается достаточно востребованной. Этим объясняется большой интерес к ней представителей различных отраслей социально-гуманитарного знания, которые затрагивают в своих исследованиях различные теоретико-методологические, концептуальные и практические вопросы. Чрезвычайно важным, по нашему мнению, является изучение специфики протекания национальных процессов на Северном Кавказе. «Все эти процессы Кавказ высвечивает как нельзя более отчетливо. Тем более что он отличается высокой степенью полиэтничности, культурного, конфессионального многообразия, сложной историей, наполненной драматическими событиями, в большинстве своем национально окрашенными (образование и ликвидация автономий, перекраивание и пересмотр границ, репрессии, территориальные споры, вооруженные конфликты и т.д.). В сжатом виде здесь проявились все современные национальные процессы – интеграция и дезинтеграция (суверенизация, автономизация), консолидация и этноразобщение, этнокультурное и религиозное единство и дифференциация. Все это делает чрезвычайно актуальным изучение специфики протекания национальных процессов в этом сложном регионе»¹.

В современной России, по мнению И.П. Добаева, геополитика в большей степени рассматривается как геополитическая методология, которая предлагает свести наиболее значимые процессы к единой географической матрице и исследовать ее взаимосвязи с внешними глобальными факторами. Он отмечает: «Геополитический подход, представляющий универсальный интерес и несомненную ценность для российской политологии в целом, особенно незаменим для исследования ситуации на Юге России. На основании этой методологии можно не просто изучить многомерные и многофакторные процессы, но и активно справляться с серьезными вызовами национальной безопасности и территориальной це-

¹ Абазалиева М.М., Тамбиева З.С. Особенности эволюции национальных процессов на Северном Кавказе в условиях становления новой системы политической власти в современной России. Политическая наука на Юге России: Итоги 20-летнего развития. Сборник материалов Международной научно-практической конференции 11–12 марта 2009 г. Выпуск 1. Изд-во СКАГС. – Ростов-на-Дону, 2009. – С. 336.

лостности РФ, исходящими из этого региона, что является важной практической частью вопроса»¹.

Распространение религии продиктовано множеством социально-политических, демографических и этнических факторов современности. Однако ряд исследователей признают доминирующим среди них все же кризис человека, его психологический надлом, чувство беспомощности перед участвовавшими конфликтными ситуациями, жестко концентрирующимися в информационном пространстве. Эту проблему можно выделить в качестве новой в современной историографии этноконфессиональных отношений. «В мировых информационных сетях образуются соперничающие сообщества как позитивного, так и негативного плана. Получили развитие социальные сети “Веб 2,0”, когда на паритетных началах устанавливаются разнообразные неограниченные связи единомышленников по любым интересам, действиям и чувствам. Причем сфера такого общения расширяется и не имеет никаких границ и пространственных рамок культурно-психологического и даже нравственного характера. В этой сфере находит свое, нередко искаженное, проявление душеспасительная функция религии. В виртуальных объятиях компьютера люди ищут мнимое утешение»².

Важность этого вопроса, как мы полагаем, совершенно очевидна, так как в информационное пространство в последние годы активно вливаются как некоторые экстремистские религиозные течения типа современного ваххабизма, так и группировки этнических сепаратистов, радикальных элементов разнообразного толка, которые умело вербуют себе новых сторонников и представляют реальную угрозу безопасности и стабильности не только северокавказского социума, но и всей цивилизации. Поэтому мы полагаем, что еще недостаточно исследованная тема взаимосвязи конфессионального фактора и информационного общества требует тщательного анализа и изучения, что позволит избежать психологических ловушек, неизбежно порождаемых современным социально-духовным кризисом.

¹ Добаев И.П. Состояние и перспективы геополитических исследований на Юге России. Северный Кавказ в современной геополитике России. – Махачкала, 2009. – С. 84.

² Карима Эль Гуэссаб. Информационное общество и религия. Актуальные проблемы истории Кавказа. Материалы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Р.М. Магомедова. – Махачкала: Издательство ДГУ, 2010. – С. 358.

Следует отметить, что за последнее десятилетие изменилась специфика этноконфессиональных и этнополитических процессов на Северном Кавказе. Как считает Э.Т. Майборода, произошел переход от непосредственных и очевидных угроз со стороны сепаратистских сил и крупных институализированных этнических конфликтов к менее очевидным, но более сложным вызовам. «К ним относятся этноцивилизационная трансформация региона вследствие деиндустриализации, этнизации общественной жизни, миграций; это медленное, но постоянное изменение геополитического статуса Кавказа, “дрейф” закавказских государств в сторону геополитических соперников России, их неопределенное, подверженное конъюнктурным изменениям отношение к России; локализация этнических конфликтов и в то же время расширение территорий, на которых они происходят или вероятны; повышение этноконфликтной готовности населения при очевидной усталости людей от постоянных конфликтов в регионе и сообщений о них в средствах массовой информации. Наконец, это отсутствие современной концепции государственной национальной политики на Северном Кавказе, несформированность общероссийской идентичности, неразвитость общенациональных ценностей»¹.

Таким образом, на сегодняшний день созданы существенные наработки комплексного изучения существующих угроз и рисков для сферы этнополитических, этносоциальных и этноконфессиональных процессов северокавказского регионального политического пространства. Новым явлением для российской научной мысли стало обращение к современным методологиям при построении системы индикаторов политической напряженности как фона, на котором появляются указанные выше риски.

В качестве основного принципа методологии исследования все чаще применяется системный подход, базирующийся на взаимозависимости различных объектов познания. Системность в познании является субъективно-специфическим отражением системности в объективном мире.

Системный подход позволяет исследовать Северо-Кавказский регион Российской Федерации как сложную систему, описы-

¹ Майборода Э.Т. Основные модели анализа этнополитических процессов на Юге России. Политическая наука на Юге России: Итоги 20-летнего развития. Сборник материалов Международной научно-практической конференции 11–12 марта 2009 г. Выпуск 1. Изд-во СКАГС. – Ростов-на-Дону, 2009. – С.339–340.

ваемую с помощью некоторой совокупности определенных качественных и количественных характеристик. При исследовании этноконфессиональной ситуации на Юге России, как правило, применяются такие понятия данного метода, как дифференциация, устойчивость, равновесие и обратная связь. Фактически развитие и безопасность представляют собой две стороны общего процесса жизни человека и общества. Системная методология позволяет осуществлять диагностирование и анализ этнополитической и этноконфессиональной устойчивости, стабильности, безопасности региона и всего государства с целью выработки обоснованных рекомендаций для принятия управленческих решений.

Системный подход включает в себя системный анализ и системный синтез. Системный анализ позволяет рассмотреть основные структурные элементы или составляющие исследуемого процесса, а системный синтез – выделить общие закономерности исследуемого процесса в их взаимосвязи и взаимовлиянии. Метод системного анализа включает в себя следующие исследовательские приемы:

- выделение универсальных индикаторов, эффективных при измерении различных состояний социально-политических отношений, в том числе этноконфессиональных – от устойчивого безопасного развития до распада всей системы;
- максимальный учет особенностей структуры и характера этноконфессиональных отношений на Северном Кавказе;
- обеспечение с помощью ограниченного числа индикаторов многомерности измерения социально-политических, этнополитических, этноконфессиональных отношений, возможность построения интегрального индекса;
- практическая апробация используемых индикаторов.

Метод системного синтеза направлен на выявление ключевых переменных и ведущих процессов, определяющих динамику развития и перемен в интересующем нас интервале времени на основе движения от частных примеров к общим закономерностям и выводам. Он позволяет проанализировать специфику, общие закономерности, фундаментальные тенденции и взаимосвязи социальных, этнополитических и этноконфессиональных процессов на территории Северного Кавказа с аналогичными процессами в России, на всем постсоветском пространстве, в мировом сообществе, а также взаимодействие процессов глобализации в мире, их влияние на устойчивое и безопасное развитие Юга России.

На основе метода системного анализа Э.Т. Майборода предлагает три вида типовых индикаторов по измерению политической

напряженности: неудовлетворенность индивидов, социальных, этнических, конфессиональных групп своим положением в политическом пространстве региона, выражающаяся в открытых высказываниях против решений администрации; готовность их к активным действиям; сами акции протеста.

Этноконфессиональные отношения и процессы стали сегодня объектом исследования многих социально-гуманитарных дисциплин. Именно междисциплинарный подход может обеспечить наиболее надежное и всестороннее раскрытие влияния глобализации на этноконфессиональную ситуацию на Юге России, глубокий анализ причин этноконфессиональных противоречий и конфликтов на Северном Кавказе. Применение данного подхода позволило наиболее объективно проанализировать конструктивные и деструктивные последствия трансформационных процессов в российском социуме рубежа XX–XXI столетий. На наш взгляд, радикальные трансформации создали социальную природу неустойчивости, нестабильности в обществе. Проблема же сохранения стабильного социально-политического пространства выдвинула закономерный на первый план задачу обеспечения безопасности государства, отдельной личности. Стабильность и безопасность социального развития, по нашему мнению, определяются уровнем сбалансированности интересов личности, наций, конфессий, общества и государства.

Теоретический уровень рассмотрения специфики протекания этнополитических и этноконфессиональных процессов на Северном Кавказе, по мнению Э.Т. Майбороды, предполагает определение основных категорий, выделение основных типов этнополитических процессов, а также применение определенных моделей анализа:

1) «сигнальной», основанной на анализе так называемых «сигналов» и своевременного предупреждения их эскалации. В данном случае под «сигналами» подразумеваются события, которые предшествуют нарастанию этнополитической напряженности. К таким событиям относится ухудшение социального «самочувствия» населения, рост протестной активности, столкновения на этнической почве, наращивание вооружения, мобилизация войск, неспособность или нежелание участников межэтнических столкновений вести переговоры по урегулированию конфликтной ситуации и т.д.;

2) модели дополнительных ценностей, в основе которой лежит модель «сообщества безопасности», предложенная немецким

конфликтологом Карлом Дойчем. Суть ее заключается в том, что когда обе стороны конфликта придерживаются либеральной модели «равных» нейтральных ценностей и находят соответствие по всем аксиологическим уровням, они претендуют на обладание приоритетными и неотчуждаемыми правами, что ведет к фиксации конфликта на «мертвой» точке. Для того чтобы измерить негативную динамику этнополитических процессов, необходим поиск так называемых «дополнительных ценностей». В данном случае дополнительной ценностью является общероссийская гражданская идентичность;

3) последовательной модели анализа этнополитических процессов, основанной на выделении критериев длительности и степени эскалации этнополитического конфликтного процесса. Соответственно, различают фоновую, промежуточную, ответную и провоцированную переменные формы последовательной модели анализа;

4) сценарной модели, опирающейся на достоинства прогностического метода. Процесс примитивной имитации, подразумеваемый при применении сценарной модели, дает преимущество актору этого процесса, так как последний мысленно преодолевает вероятную цель развития событий, приходя к логическому результату; написание ряда сценариев возможной картины трансформации этнополитических процессов ведет к построению формализованной модели будущей ситуации. Использование этой модели как систематического источника сценариев обеспечивает методический учет случайностей;

5) стратегической модели, позволяющей определять так называемые «контрольные точки» в динамике этнополитических процессов, включаясь в которые возможно получать необходимую для анализа и оценки ситуации информацию¹.

По мнению К.Г. Ланды, то, что в настоящее время происходит на Кавказе, в частности в Дагестане, результат навязывания кавказцам вестернизации. «Молодые люди, чтящие и соблюдающие свои нормы морали, религию и традиции, не воспринимающие навязываемые извне процессы модернизации по западному

¹ См.: Майборода Э.Т. Основные модели анализа этнополитических процессов на Юге России. Политическая наука на Юге России: Итоги 20-летнего развития. Сборник материалов Международной научно-практической конференции 11–12 марта 2009 г. Выпуск 1. Изд-во СКАГС. – Ростов-на-Дону, 2009. – С. 339–343.

образцу Кавказа, не вписываются в процессы глобализации. Москва не желает учитывать эти процессы... Для коррупционеров и казнокрадов в Центре и на местах безработная молодежь Дагестана стала “лишними людьми”, мешающими им жить во дворцах»¹.

Статья предоставлена авторами для публикации в бюллетене «Россия и мусульманский мир».

М. Абдуллаева,
политолог (г. Махачкала)
**ИСЛАМСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ
В СОВРЕМЕННОМ ДАГЕСТАНЕ**

Исламское образование является важным звеном в полифонической структуре культуры современного Дагестана. Роль исламского образования особенно возросла в период тотальной (западной и арабо-мусульманской) глобализации, воздействие которой испытывает культура Дагестана в настоящий период.

Несмотря на этнокультурное и вербально-коммуникативное многообразие, население Дагестана исторически было объединено общим этногенезом, этнотерриториальными контактами, хозяйственно-экономическими и культурными взаимосвязями, тенденцией этносов к интеграции. Особая роль в мифологическом сознании дагестанских этносов принадлежит религии. Если до принятия ислама дагестанские народы были расчленены по языковому, этническому и религиозному признакам, то утверждение ислама на территории Дагестана способствовало объединению этносов на основе религиозной идентичности. По мере усиления своего статуса арабо-мусульманская культура довольно прочно вошла в психологию и быт дагестанских этносов, срослась с традиционной культурой и мифологией. Слово «арабская» в определении мусульманской культуры выступает как не столько национальная, сколько языковая характеристика. «Арабский язык был латынью мусульманского мира», – указывает отечественный философ А.С. Кармин.

В числе основных компонентов арабо-мусульманской культуры – религиозное воспитание и образование. Рассматривая историко-культурологические вопросы образования, А.Я. Флиер отме-

¹ Ланда К.Г. Дагестан и геостратегия России на Каспии. – Махачкала: Издательство «Наука – Дагестан», 2012. – С. 11.

тил, что «первенство в создании публичных высших учебных заведений принадлежит исламу». «В исламе получение религиозного образования не требовало обязательной религиозной профессионализации выпускников; в медресе готовились и будущие чиновники во дворцах халифов и иных мусульманских властителей». Таким образом, обучение в исламских религиозных учебных заведениях давало первоначальные знания как в области мусульманской культуры, так и в области естественно-научной.

С начала 1990-х годов ислам стал возвращаться в мировоззрение и идеологию мусульманских народов. В последние десятилетия арабо-мусульманская школа возродилась на новой культурно-образовательной основе. Тенденция возрождения религиозного образования, появившаяся в постсоветский период, реализовалась в интенсивный процесс привлечения дагестанцев к обучению в современных арабо-мусульманских учебных заведениях. В 1990-е годы несколько сотен дагестанцев получали образование в исламских университетах арабских стран: Египта, Саудовской Аравии, Кувейта, Ливии, Ирака, Катара, Иордании, Сирии, Туниса, а также Турции, Ирана, Судана, Малайзии и Пакистана.

Параллельно стала развиваться сеть исламских учебных заведений на территории Дагестана. Система негосударственного исламского образования включает четыре ступени: краткосрочные курсы по изучению основ веры и арабского языка; примечетные мактабы; медресе; исламские вузы (институты, университеты).

Образовательные программы сохранили каноническую структуру, которая основана на исламских гуманитарных дисциплинах (хадисоведение и др.). Таким образом, арабо-мусульманская система образования (особенно в «среднем» звене – мактабах и медресе) более всего соответствует традиционной модели образования. Образовательные программы исламских вузов включают изучение светских гуманитарных (история, международные отношения, экономика, страноведение), точных и естественных наук. Выпускники медресе и исламских вузов в зависимости от прослушанных ими курсов и ступени обучения, на которой они остановились, получают одну из трех специализаций: *чтец Корана*, *имам-хатиб* (умеющий читать и переводить на родной язык исламскую литературу); *алим* («специалист в арабо-мусульманских науках»).

Предлагая новый методологический подход к изучению ислама в России, заведующий отделом Ближнего и Среднего Востока Института восточных рукописей РАН С.М. Прозоров в числе ха-

рактерных особенностей «российского» ислама отмечает «низкий уровень конфессиональной культуры среди самих мусульман (низкий уровень религиозных знаний, слабое развитие исламских институтов, утрата исламской правовой культуры)». В политическом аспекте это обусловило национально-политическую направленность ислама, в социальном – огромную интеллектуальную пропасть между мусульманами светскими и конфессиональными.

Одним из первых в Дагестане к подготовке исламских теологов и специалистов гуманитарного направления с углубленным изучением истории и культуры ислама приступил созданный в 2004 г. Институт теологии и международных отношений (ИТИМО). В институте функционируют следующие факультеты: теологии и религиоведения; лингвистики и межкультурных коммуникаций; экономики и информатики; международных отношений. Особенностью образовательной программы этого учебного заведения является обязательное изучение исламской теологии, иностранных языков (арабского, английского), технологии межкультурных коммуникаций и межконфессионального диалога. Таким образом, ИТИМО дает возможность получить и светское, и религиозное образование.

Показательно, что преподавание в современных исламских вузах ведется на русском языке. Таким образом, обучение в данных заведениях стало доступным для представителей всех национальностей Дагестана и выводит исламское образование на уровень поликультурного.

В 2007 г. создан Северокавказский университетский центр исламского образования и науки (СКУЦИОН). Его основными задачами являются: координация работы религиозных учебных заведений региона; содействие им в разработке необходимых учебно-методических материалов; внедрение современных научно-образовательных и информационных технологий в систему религиозного образования; повышение квалификации и переподготовка имамов и преподавателей исламских учебных заведений, а также их адаптация к условиям и потребностям современного общества.

По инициативе СКУЦИОН учрежден Совет исламского образования России, одной из задач которого является разработка образовательных стандартов по подготовке исламских религиозных деятелей в исламских учебных заведениях Российской Федерации. Центр участвует в целевых программах Министерства образования и науки РФ, в работе Фонда поддержки исламской

культуры, науки и образования, в программах международного обмена студентами и преподавателями. Налаженные контакты с исламскими центрами Индонезии, Турции, Сирии позволяют выпускникам Института теологии и международных отношений (бакалаврам теологии) (ИТИМО) обучаться в магистратурах университетов названных стран. Руководством ИТИМО запланированы стажировка и учеба выпускников и преподавателей в университетах Египта, Иордании, Малайзии и некоторых европейских стран, в том числе на теологическом факультете Кембриджского университета.

Одной из форм регулирования внутриконфессиональных вопросов и разрежения напряженности в отношениях «традиционного» и «нового» ислама может стать комплексная программа, идеологически и практически направленная на снятие конфессиональной напряженности в республике. Формат подобной программы предложен С.М. Прозоровым. Мы предлагаем ее адаптивный вариант, приемлемый в рамках национальной региональной программы «Ислам в Дагестане».

Предлагаемый вариант программы «Ислам в Дагестане» содержит два идеологически и практически взаимосвязанных блока: образовательный и издательско-просветительский.

- Образовательный блок составляют: 1. Подготовка исламоведов-исследователей и преподавателей светских и исламских вузов Дагестана по специальности «Историография и источниковедение классического ислама» при Институте восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург). Полученные знания помогут духовным и светским властям использовать идеологические аргументы в борьбе с религиозно-политическим экстремизмом. 2. Вовлечение в этот образовательный процесс молодых мусульман, получивших религиозное образование за пределами РФ (в Египте, Индонезии, ОАЭ и т.д.), т.е. своеобразной «пятой колонны» радикального исламизма, выведет их из-под идеологического влияния исламских пропагандистских центров, в итоге они сами смогут оказывать влияние на формирование общественного мнения среди мусульман Дагестана. 3. Введение в образовательные программы средних и высших учебных заведений РД дисциплины «Основы ислама» с использованием дискуссионного метода ведения лекций с приглашением преподавателей светских и исламских учебных заведений.

- Издательско-просветительский блок региональной программы «Ислам в Дагестане». В последние годы на территории Дагестана распространяется большое количество массовой литера-

туры об исламе, издаваемой либо за счет исламских фондов (зачастую религиозно-экстремистского, конфронтационного характера), либо официальными религиозными организациями (Духовным управлением мусульман Дагестана). В большинстве случаев данные публикации, написанные с узкопрофессиональных позиций, часто малограмотные по содержанию, ориентированы на неподготовленного читателя. В качестве альтернативы предлагаются: 1. Учреждение научно-публицистического журнала «Ислам в Дагестане», на страницах которого предоставить право высказываться представителям отечественного научного исламоведения. 2. Издание серии книг справочного и учебно-методического характера. Например, научно-популярной серии «Мусульманские просветители Дагестана: история и современность». К этой работе можно было бы привлечь молодых дагестанцев, получивших религиозное образование и прошедших стажировку (аспирантуру) в академическом востоковедном институте.

Разрешение проблем и поиск внутриконфессионального диалога в Дагестане во многом зависят от решения материальных, социально-экономических и политических вопросов, от совершенствования системы религиозного образования, развития гражданских инициатив и гражданского воспитания.

«Реальность этноса:

Образование и этносоциализация молодежи в современной России», СПб., 2012 г., с. 269–273.

И. Савин,

политолог

**МОНИТОРИНГ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ:
КАЗАХСТАН**

Демография и миграции. Естественное движение населения (рождаемость, смертность, продолжительность жизни). Согласно данным Агентства по статистике, численность населения страны на 1 ноября 2011 г. достигла 16 млн. 657 тыс. 740 человек, увеличившись за десять месяцев на 215 781 человека, что сравнимо с показателями 2010 г. (тогда за весь год прирост населения составил 235 473 человека).

Львиная доля прироста населения обеспечена за счет естественного прироста населения (211 520 человек) и лишь в незначительной степени за счет внешней миграции (4261 человек). Как и в

прежние годы наблюдается зависимость отличий в темпах прироста регионов в зависимости от их этнического состава. Наиболее заметно сокращение население в тех областях, где значительна доля неказахского населения: Акмолинской, Кустанайской, Северо-Казахстанской и Восточно-Казахстанской. Но нужно отметить, что сельское население сократилось еще и в Западно-Казахстанской, Карагандинской и Павлодарской областях. Тогда как в Южно-Казахстанской, Жамбылской, Мангистауской и Алматинской областях, напротив, масштаб увеличения сельского населения заметно превысил прирост городских жителей. Кроме того, Алматинская область оказалась единственным регионом, где сельское население увеличилось за счет миграции.

Сальдо внешней миграции составило 4261 человек, что заметно меньше показателей прошлого (15 465) и 2009 (7502) годов, но больше показателей 2008, кризисного года (1117). Некоторое представление о причинах сокращения миграции помогут составить данные, собранные на сайте www.quogum.kz, опубликованные 3 сентября 2011 г. и составленные по итогам нескольких исследований.

Согласно этим данным, проект закона Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам государственной языковой политики» вызвал большой резонанс в обществе. По данным исследования, проведенного главным научным сотрудником Казахстанского института стратегических исследований (КИСИ) Ириной Черных, «почти каждый десятый (9%), комментирующий статью, указывает, что выдвижение обсуждаемого законопроекта неизбежно приведет к усилению миграции из Казахстана. Из них 2,3% считают, что речь идет о целенаправленной политике выдавливания русскоязычного населения». Некоторые пользователи прямо указывают на то, что готовы покинуть страну. Такие настроения высказывают даже казахи, подчеркнула в интервью Quogum.kz г-жа Черных.

Таким образом, под первым пунктом потенциальных причин покинуть страну редакция сайта выделила ужесточение языковой политики. Под номером два была отмечена проблема качества высшего образования в стране. «Потенциал так называемой “отложенной” миграции (отправить ребенка / детей в другую страну на ПМЖ) составляет 24,6%». «Это достаточно высокий показатель», – констатирует главный научный сотрудник КИСИ. Номер три в этом рейтинге причин, по которым население покидает стра-

ну, занимает приток трудовых мигрантов. «Казахстан становится все более привлекательным для мигрантов из Центральной Азии, что накладывает отпечаток на ментальность населения, в которой начинает превалировать восточная ментальность», – делится с Quorum.kz директор Казахстанского института социально-экономической информации и прогнозирования (КИСЭИП) Айман Жусупова. На четвертую строчку был вынесен тот факт, что представители нетитульной нации слабо представлены в государственных структурах. «То, что граждане не видят возможности для собственного роста в той или иной сфере, а тем более в политике, которая является определяющей, может выступить в качестве значимой причины принятия решения об отъезде из страны», – уверена Айман Жусупова. Завершает рейтинг немаловажная причина – ухудшение социально-экономической ситуации на селе. Это мнение, весьма не бесспорное, по своей аргументации подтверждает тот факт, что во всех областях Казахстана в 2011 г. наблюдался отток сельского населения.

По-прежнему нет радикальных изменений в ситуации с внешней трудовой миграцией, большая часть которой остается нелегальной и поэтому никак не влияет на миграционные показатели.

Власть, государство и политика. В целом и доктрина и режим власти по итогам года остались неизменными, хотя 2011 начался и закончился событиями, которые, казалось бы, могли бы привести к некоторым изменениям. Начало 2011 г. ознаменовалось плавным переходом идеи с проведением республиканского референдума по продлению полномочий Президента РК Нурсултана Назарбаева до 2020 г., инициаторы которой заявили о 5 млн. подписей в ее поддержку, в решение главы государства о проведении досрочных президентских выборов. Единственным логическим объяснением этому представляется стремление президента повысить уровень легитимности своего дальнейшего пребывания во главе Казахстана и снять напряженность внутри правящей элиты по поводу преемственности верховной власти.

А в конце года власти пошли на роспуск Мажилиса Парламента 4-го созыва, что было осуществлено 16 ноября главой государства на основании соответствующего обращения к нему со стороны 53 мажилисменов, и проведение досрочных парламентских выборов, назначенных на 15 января 2012 г. Сам президент объяснил это свое решение тремя моментами:

1) необходимость обеспечения присутствия в парламенте не менее двух политических партий;

2) вероятность второй волны финансово-экономического кризиса;

3) обновление депутатского корпуса Мажилиса в интересах формирования новой законодательной базы, в том числе индустриально-инновационного развития страны. Хотя реальные причины, скорее всего, обусловлены подготовкой политико-властной системы к определенному реформированию.

Объявленная в феврале и завершенная 4 апреля президентская избирательная кампания впервые прошла в максимально спокойном и предсказуемом формате. Отказ видных оппозиционных политиков от участия в выборах лишил их остроты и интриги. Однако видимое спокойствие не обеспечило решения многих социально-экономических проблем, и это привело к социальной напряженности и росту протестных настроений в обществе. Наиболее всего это проявилось в Мангистауской области, где с мая по сентябрь 2011 г. прошла серия забастовок на предприятиях нефтегазового сектора: «Каражанбасмунай», «Озенмунайгаз», «Ерсай Каспиан Контрактор» и т.д. В основном их участники требовали повышения или хотя бы стабильности размеров заработной платы и улучшения условий труда. Вместе с тем работодатели и поддерживавшие их власти заняли довольно жесткую и бескомпромиссную позицию по отношению к бастующим. Вмешательство властей в данный социально-трудовой конфликт с применением репрессивных мер привело к его политизации. Особенно это выразилось в осуждении в августе юриста профсоюза работников АО «Каражанбасмунай» Натальи Соколовой к шести годам лишения свободы по обвинению в разжигании социальной розни. Таким образом, в 2011 г. Казахстан пополнился новым политзаключенным.

В такой атмосфере происходит обострение отношений между властью и оппозицией. Так, часть оппозиционных сил, включая Коммунистическую партию Казахстана и незарегистрированную Народную партию «Алга!», создали в июне движение «Халык майданы» («Народный фронт»). В качестве ответной реакции властей 5 октября специализированным межрайонным судом по административным делам города Алматы была приостановлена на полгода деятельность компартии Казахстана. Причем это стало следствием признания участия лидера данной партии Газиза Алдамжарова в «Народном фронте» незаконным. Откровенно надуманный характер оснований данного решения и последующее раз-

витие событий в политической жизни страны убеждают в том, что власти нейтрализовали компартию Казахстана в целях недопущения ее участия в досрочных выборах депутатов Мажилиса Парламента. К тому же имеется риск того, что следующим шагом властей может стать ликвидация данной партии в судебном порядке на основании ее двукратного неучастия в парламентских выборах.

Еще один возможный конкурент правящей партии «Нур Отан» на предстоящих в январе парламентских выборах был исключен из числа участников предвыборных дискуссий, когда Центризбирком отменил регистрацию партийного списка Партии зеленых «Руханият». Партия была лояльна к администрации президента, но, учитывая, что она пошла на выборы с национал-патриотическими идеями и лозунгами и пригласила в свои ряды их выразителей, включая лидера общественного движения «Защита независимости» Мухтара Шаханова, можно предположить, что у властей были основания ее опасаться. Тем более что она вполне могла, используя возможности своих кандидатов в депутаты, активно будировать темы нерешенного политического и административного кризиса с участием нефтяников в Мангистауской области, который вылился в декабре в массовые протестные акции, повлекшие за собой человеческие жертвы, с возможным приданием им национального окраса.

Таким образом, власти удалось избежать ситуации прямой конфронтации в поле легитимной политической конкуренции, но, судя по событиям в Жанаозене 16 декабря 2011 г., это не добавило ей доверия народа и не удержало людей от протестных настроений и даже акций.

Права человека и коллективные права. Поскольку 2010 г. был годом председательства Казахстана в ОБСЕ, международные правозащитные организации рассчитывали на то, что ситуация с правами человека в республике в следующем году улучшится. До некоторой степени это произошло, если иметь в виду предпринятые попытки диверсификации и активизации политической системы, реформирования законодательства в сфере религии и СМИ. Правда, итоги этих инноваций по большей части разочаровали активистов правозащитных организаций. Кроме того, как уже упоминалось, в 2011 г. в Казахстане появилось несколько новых заключенных, которых правозащитное и экспертное сообщество считает политическими. Нежелание или неспособность властей урегулировать трудовой конфликт в Мангистауской области привели в итоге к массовым нарушениям не только трудовых и соци-

альных прав, но и прав на свободу выражения своего мнения и на свободу собраний в Жанаозене в декабре 2011 г.

Общественный порядок и контроль. В 2011 г. Казахстан впервые в столь значительном масштабе столкнулся с такими явлениями, как терроризм и массовые акции неповиновения. Только с апреля по декабрь 2011 г. в разных регионах республики имели место 11 случаев терактов и вооруженных столкновений экстремистов с силами правопорядка, повлекшие большие человеческие жертвы. Наибольший резонанс получили взрыв в здании Департамента КНБ по Актюбинской области и террористическая атака в Таразе, осуществленные, соответственно, в мае и ноябре 2011 г. явными смертниками. При этом данные события имеют четкий религиозный оттенок, связанный с идеями так называемого «чистого ислама». Более того, Казахстану бросила вызов ранее неизвестная экстремистская группировка «Джунд аль-Халифат» («Солдаты Халифата»), взявшая ответственность за некоторые теракты. Впрочем, выявились и серьезные недостатки в антитеррористической деятельности силовых структур в плане предупреждения и подавления данных угроз.

Не обошлось без человеческих жертв и наведение порядка в городе Жанаозень на западе страны, после того как там 16 декабря вспыхнули массовые беспорядки, инициаторы которых до сих пор не уяснены обществом, несмотря на неоднократные заявления властей об аресте «зачинщиков и провокаторов». По официальным данным, погибли 15 человек, слухи ходят о 70 погибших. Под судом находятся и несколько полицейских, которых обвиняют в чрезмерной жестокости и превышении служебных полномочий в ходе восстановления порядка.

Производство и динамика цен. По данным Агентства по статистике (www.kazstat.kz), Казахстан в 2011 г. сохранил темпы развития экономики на уровне предыдущего года; так, например, ВВП в январе–сентябре 2011 г. составил 107,2%. Темпы роста отраслей экономики (январь–декабрь 2011 г. к январю–декабрю 2010 г.) выглядели следующим образом (%): промышленность – 103,5, сельское хозяйство – 126,7, строительство – 102,7, торговля – 114,5, транспорт – 106,7, связь – 118. Инфляция в декабре 2011 г. к ноябрю 2011 г. составила 0,3%, а в декабре 2011 г. к декабрю 2010 г. – 7,4%. Индекс потребительских цен в январе–ноябре 2011 г. составил к январю–декабрю 2010 г. 108,4%.

Уровень и расхождение доходов. Среднедушевой номинальный денежный доход составил в январе–ноябре 2011 г.

48,5 тыс. тенге (329 долл. США) и увеличился по сравнению с предыдущим годом на 116%. Рост реального денежного дохода составил, по оценкам, в январе–ноябре 2011 г. по сравнению с январем–ноябрем 2010 г. 107,1%. Величина прожиточного уровня составила 15 461 тенге (105 долл. США). Среднемесячная номинальная зарплата одного работника составила в январе–ноябре 2011 г. 87 223 тенге (593 долл. США) и выросла по сравнению с тем же периодом предыдущего года на 115,1%. Об уровне расхождения доходов косвенно свидетельствует тот факт, что накануне нового 2011 г. было распространено негласное распоряжение об ограничении размаха и пышности празднования корпоративных мероприятий, посвященных новогоднему празднику. Несколько чиновников было уволено за нарушение этого распоряжения.

Занятость и безработица. Оценочная численность безработных составила в ноябре 2011 г. 477,6 тыс. человек и выросла по сравнению с ноябрем 2010 г. на 100,7%. Число зарегистрированных безработных измерялось цифрой в 89 тыс. человек и возросло за год на 150%. Уровень безработицы оценивался в ноябре 2011 г. в 5,4%. В то же время, по данным Института сравнительных социальных исследований ЦЕССИ-Казахстан, в ходе исследования, проведенного в феврале 2011 г., был опрошен 1521 человек постоянных жителей Казахстана старше 18 лет, 40% из них не работают. 70% из этой категории составляют пенсионеры, домохозяйки, студенты, а 29% – безработные. Таким образом, доля безработных в общем составе трудоспособного населения достигает 14%. Конечно, нельзя экстраполировать выводы, сделанные по одной выборке в рамках одного исследования в целом, но, возможно, они смогут подкорректировать официальные оценки.

Культура, образование, информация. Заметным явлением в общественных дискуссиях Казахстана в минувшем году стало все более становящееся рельефным противопоставление «нагыс» (настоящих) казахов и «шала» (ненастоящих, «асфальтных») казахов. Сама традиция выделения этих двух категорий населения уходит корнями в советский период, когда выделились казахи, которые переселились в город и обрели определенные неказахские социально-культурные черты, и те их соплеменники, которые оставались жить в селе и в большей степени соприкасались с элементами так называемой «традиционной» культуры, которую каждое поколение и каждая категория населения понимают по-своему.

Дискуссии на эту тему возникали и прежде, но именно теперь период относительно мирного сосуществования разных куль-

турных моделей подходит к концу. С одной стороны, сократилась сфера доминирования «европейской» культуры в связи с отъездом значительной части неказахов и повышенной лояльностью власти к «титულным» элементам культурно окрашенного социального пространства. С другой стороны, расширилась сфера влияния прежде считавшейся «сельской» традиционной казахской культуры. Но городское население Казахстана уже превысило сельское, и новые горожане не желают оставаться на периферии культурной и общественной жизни, все заметнее влияя на параметры городского социально-культурного ландшафта. Происходит это не только за счет расширения сферы применения казахского языка, но и в ходе распространения характерных ранее в большей степени для сельских казахов форм общественного поведения во всех сферах: от производственной до досуговой. И носители городской ментальности должны с этим считаться, тем более что в их адрес раздаются теперь упреки, что они стоят на пути «казахизации» всего общественного пространства страны.

Религиозная жизнь. На протяжении всего года в Казахстане продолжались скандалы разного уровня, связанные с запретом хиджаба в образовательных учреждениях. Они происходили в разных регионах страны и выражались как в одиночных публичных заявлениях для прессы, так и в коллективных протестных акциях, как это было в Экибастузе и Чимкенте.

Сайт Министерства образования и науки 10 марта 2011 г. разместил официальное заявление, в котором сообщается, что «в организациях образования в воспитательных целях может устанавливаться единая форма одежды, которая регламентируется в правилах внутреннего распорядка, утверждаемых организациями образования самостоятельно, как и меры дисциплинарного воздействия, предусмотренные ими». Исходя из заявления министерства, в учебных заведениях светского Казахстана уже введена единая форма одежды, и ее «установление не является ограничением прав на проявление обучающимися религиозных убеждений, так как данное требование распространяется на всех обучающихся без исключения вне зависимости от вероисповедания».

Свою позицию по данному вопросу высказал и президент Казахстана. Нурсултан Назарбаев 11 марта в г. Туркестан заявил: «Я категорически против паранджи, особенно когда паранджу или хиджаб носят студентки или учащаяся молодежь. У нас никогда такого не было в истории, наша религия не имела такой традиции.

Нужно уметь отличать истинную религию от навязанной нам». При этом он упомянул о «своей дороге» Казахстана в этом вопросе.

Маршрут этой дороги выглядит не столь прямым и одностронним, если учитывать, что в 2011 г. Казахстан возглавил Организацию исламского сотрудничества (ОИС) и ему придется взаимодействовать со странами, где распространены несколько иные взгляды на национальные особенности приверженцев ислама в разных странах. Тем временем председатель Агентства по делам религий Кайрат Лама Шариф заявил о том, что хиджаб не является элементом казахских традиций. Но чуть позже правительство заявило, что законодательных ограничений на ношение хиджаба в Казахстане быть не должно и не будет.

Это нашло свое отражение в том, что никаких упоминаний о хиджабе нет в тексте одобренного в сентябре 2011 г. Мажилисом и позже подписанного президентом страны законопроекта «О религиозной деятельности и религиозных объединениях». Сам этот закон стал поводом ожесточенной критики Казахстана как со стороны правозащитников и некоторых западных государств, так и со стороны религиозных организаций, особенно не входящих в систему ДУМК, внутри страны и за ее пределами.

Основными объектами критики стали два положения нового закона: ужесточение правил регистрации религиозных организаций и миссионеров и выведение за пределы государственных учреждений и организаций, в том числе органов образования, модельных комнат. Критика нового закона усматривает в этом признаки ущемления прав верующих. Более того, базирующаяся в США SITE intelligence сообщила, что группа, называющая себя «Джунд аль-Халифат» («Солдаты Халифата»), опубликовала датированное 21 октября видео с арабскими субтитрами. Независимое подтверждение подлинности видео отсутствует. В видеоролике четыре бойца в масках с автоматами и гранатометами стоят за читающим речь боевиком, в которой тот требует от правительства Казахстана отмены закона. По его словам, закон запрещает молитвы в государственных учреждениях и ношение платков. Однако в новом законе о религиозной деятельности и религиозных объединениях Казахстана нет упоминаний о ношении платков. Поэтому это заявление многими рассматривается как желание никому не известной группы «засветиться» на фоне полемики вокруг этого закона.

Правда, 12 ноября в г. Тараз (бывший Джамбул) террорист-одиночка ограбил оружейный магазин, угнал несколько машин и

обстрелял здание местного КНБ из гранатомета. Позже выяснилось, что у него были сообщники и за ними следили сотрудники КНБ, что не предотвратило последовавших трагических событий, повлекших за собой гибель семи человек, включая пять мирных граждан. Общество было шокировано произошедшим и до сих пор пытается, судя по всему, без особого успеха осмыслить причины происходящего. Но в любом случае происходит изменение роли религии в обществе.

Языковая ситуация. Основными штрихами, очерчивающими динамику языковой ситуации, можно назвать конфликт, перешедший в судебную плоскость, по поводу закрытия двух русских школ в Темиртау и несколько заявлений власти и общественности по поводу изменения роли русского языка в Казахстане. Вне этого в республике постоянно обсуждаются пути расширения роли казахского языка в обществе и проблемы политического и методического обеспечения этого вопроса, но особых изменений на этом поле за год не произошло. Не сильно увеличилось число говорящих на казахском языке и не сильно сократилось число использующих русский язык. Таково мнение эксперта Гульнары Илеуовой, руководителя исследовательского центра «Стратегия», которая в интервью агентству «REGNUM» привела следующие цифры, полученные в результате собственных исследований Центра: в ноябре 2009 г. из общего числа опрошенных (казахи, русские и представители других этнических групп) – 30,5% говорят дома на казахском, 26,6 – на казахском и русском, 40,9% – на русском; в июне 2011 г. соотношение остается почти таким же: 30,8, 25 и 42,8%.

Конфликт в Темиртау возник в начале лета, когда местное Управление образования издало приказ, согласно которому две школы (школа-лицей № 9 с русским языком обучения и средняя школа № 16 с русским и казахским языками обучения) стали с 1 июля 2011 г. школами только с казахским языком обучения, а 1200 детей и несколько десятков учителей должны были найти себе к 1 сентября новые места работы и обучения. Объяснения чиновников вполне резонны: русские школы полупустые, тогда как казахские переполнены и нужны новые помещения. Родителей и педагогов школ возмущает тот факт, что эти решения никак предварительно с ними не обсуждались и застали врасплох и учителей, и родителей, и учеников. Кроме того, в этом увидели факт пренебрежения по отношению к русскому языку и его носителям. Возмущенные родители и учителя подали судебные иски против

Управления образования, но они не были удовлетворены, и общественные дискуссии по этому поводу продолжались еще несколько месяцев по всей стране, отнюдь не улучшая общую обстановку.

Между тем руководство страны не оставляет усилий по направлению языковых дебатов в обществе в концептуальное русло. В конце июня президент Казахстана Нурсултан Назарбаев своим указом утвердил государственную программу развития и функционирования языков в 2011–2017 гг. Планируется, что по итогам реализации программы доля взрослого населения, владеющего государственным языком, к 2014 г. составит 20%, к 2017 г. – 80, к 2020 г. – 95%. Таким же должен быть уровень владения русским языком, а доля казахстанцев, владеющих английским, должна составлять 20%.

Все лето члены правительства живописали преимущества новой программы и мер, которые предусмотрены по ее реализации. Но в августе появилось письмо 138 деятелей казахской культуры, которые в ультимативной форме потребовали вернуть в готовящийся новый законопроект «О языках» в Казахстане норму о приеме заявлений в государственные органы только на государственном языке и предпринять другие экстренные меры по расширению применения государственного языка и сокращению русского, вплоть до лишения его статуса официального. Естественно, последовала бурная реакция различных общественных сил. Оценки варьировались от «угроза национальной безопасности» до «давнего пора». Естественно, все эти обстоятельства лишь усилили уровень отчуждения в обществе между сторонниками разных точек зрения.

Упомянутый законопроект разрабатывался в Министерстве культуры РК и носит полное название: проект Закона Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам государственной языковой политики». Согласно планируемым изменениям, «независимо от форм собственности заявления (жалобы) в государственные органы должны быть написаны на казахском языке». По проекту, ведение учетно-статистической, финансовой, технической и иной документации в системе государственных органов Республики Казахстан обеспечивается на казахском языке. Вся документация, исходящая из государственных органов, в обязательном порядке должна быть отправлена на казахском языке. Ведение учетно-статистической, финансовой, технической и иной документации в организациях Республики Казахстан, независимо от форм собственности, обеспечивается на казахском языке, при

необходимости – на русском языке. Наименования всех юридических лиц и объектов с момента принятия законопроекта должны будут даваться только на казахском языке. Все бланки, вывески, объявления, реклама, прейскуранты, ценники, другая визуальная информация должны будут излагаться на казахском языке и лишь при необходимости – на русском и (или) на других языках. Кто будет определять необходимость, в проекте не уточняется.

Согласно законопроекту, работниками и (или) служащими, для которых необходимо знание государственного языка в определенном объеме и в соответствии с квалификационными требованиями, названы: государственные служащие, в том числе особых видов государственной службы; гражданские служащие; работники юридических лиц с участием государства в уставном капитале. После принятия проекта военнослужащими органов национальной безопасности, сотрудниками правоохранительных органов, судебными приставами, государственными судебными исполнителями смогут быть только лица, владеющие государственным языком в определенном объеме и в соответствии с квалификационными требованиями. Впрочем, и для негосударственных организаций с 1 января 2013 г. в число документов, необходимых для заключения трудового договора с любым работником, вводится «результат тестирования по владению государственным языком». Не забыта и сфера образования. В соответствии с законопроектом в детских садах, школах, профессиональных лицеях, в высших, средних и среднеспециальных учебных заведениях, являющихся частной собственностью, число казахских групп и классов должно быть не менее 50%. Всем средствам массовой информации Республики Казахстан проектом вменяется обязанность пропагандировать государственный язык (по сообщению информационной службы ZAKON.KZ).

После опубликования этих нововведений в стране поднялась волна беспокойства и обсуждения перспектив вынужденной миграции нетитульного населения. Замминистра культуры Г. Телебаев выступил с объяснением, согласно которому некоторые положения нового законопроекта не войдут в окончательный текст закона. В частности, речь шла об отмене нормы, предписывающей гражданам обращаться в органы власти только на государственном языке. Но многие остальные положения, также вызывающие беспокойства у части граждан, остались. Тем не менее отмена обязательного обращения в государственные органы только на государственном языке вызвала уже упоминавшееся письмо 138 пред-

ставителей казахской интеллигенции, озабоченной слишком медленным распространением казахского языка. Потом появилось письмо 24-х, в значительной степени оппонирующее авторам первого письма и т.д. Одним словом, жар обсуждений языковых вопросов в Казахстане не снижается, и во многом это обусловлено не лингвистическими, а политическими факторами.

Роль СМИ в общественно-политической ситуации. В 2011 г. были обнародованы результаты исследования, проведенного центром «Медианет» при поддержке фонда «Сорос – Казахстан». Только 18% опрошенных считают, что СМИ объективны и толерантны при освещении конфликтов, связанных с религиозными, этническими и сексуальными меньшинствами, говорят авторы исследования. Остальные, по их утверждению, придерживаются мнения, что СМИ при публикации материалов принимают одну из сторон конфликта, провоцируют или замалчивают его. Причем мнение самих представителей СМИ не сильно отличается от вышеприведенного. В то же время и сами СМИ постоянно сталкиваются с попытками ограничения возможностей их деятельности. Так, принятый в декабре 2011 г. верхней палатой парламента Закон РК «О телерадиовещании», по мнению представителя ОБСЕ по вопросам свободы СМИ Дуны Миятович, способен нарушить право граждан свободно получать и распространять информацию, усилив контроль государства над электронными СМИ. «Закон также, – считает она, – недостаточно использует возможные предоставляемые вещательным СМИ переходом на цифровое вещание и, в конечном итоге, угрожает их плюрализму». Так же в 2011 г., как и ранее, был ограничен доступ к некоторым сайтам, а еще к возможностям некоторых интернет-сервисов, в частности «Живому Журналу».

Контакты и стереотипы. По-прежнему конфликтным остается историческое поле, так как многие события прошлого вызывают противоположную реакцию в обществе. Продолжаются не подготовленные предварительными общественными обсуждениями переименования. Это характерно больше для Северного и Восточного Казахстана. Не раз происходили жаркие дискуссии по поводу переименования Петропавловска в Кызылжар, Павлодара в Кереку или Нуркент, Риддера в Восточном Казахстане в Кунаев. Это самые заметные случаи в 2011 г. Тогда как счет на переименованные села и улицы идет на сотни. В большинстве случаев это сопровождается скандалами, так как решения принимаются кулуарно, без информирования общественности. Это притом, что с конца

2010 г. действует распоряжение президента о моратории на переименования.

В феврале 2011 г. разразился скандал в Мажилисе, когда депутат Т. Бердонгаров поздравил всех служивших в Советской Армии с праздником 23 февраля. Часть депутатов встретила эти слова аплодисментами, часть же разразилась упреками в непатриотизме в адрес коллеги. В частности, депутат Б. Тлеухан заявил: «Представьте, что я вас поздравлю с Днем флага Мексики, или говорю: “Я вас поздравляю с днем китайских фонарей Юань Саяу”, – это просто уму непостижимо». В то же время другой депутат А. Жамалов отметил: «Мы не должны стесняться того, что мы имели отношение к Советской армии». Единства в рядах парламентариев так и не наступило, и это показывает, что общество еще не выработало более-менее согласованного взгляда на события совсем недавнего прошлого.

Масштабных инцидентов, которые позволяли бы говорить о резком падении уровня межгрупповой толерантности, не происходило. Но отдельные случаи, заставляющие задуматься об этом уровне, имели место. Когда лидер оппозиции В. Козлов заявил о своем желании баллотироваться в президенты РК, в прессе возник шквал гневных откликов по поводу того, что русский не может претендовать на этот пост в Казахстане. Оппозиционная пресса называет носителей такого мнения национал-радикалами, но, на наш взгляд, это несколько упрощает ситуацию. Люди могут не быть радикальными во многих вопросах, но идея об этническом базисе власти в Казахстане распространена в стране гораздо шире, чем принято думать. Просто она является своеобразным молчаливо неоспариваемым допущением, которое не манифестируется, но и не подвергается сомнению, несмотря на то что является нарушением принципов, провозглашенных в Конституции РК. Власти никак не отреагировали на эти заявления.

В июне 2011 г. после инцидента группы подростков с российским патрулем его сотрудники были избиты. Через несколько дней около 300 собравшихся подростков закидывали российских полицейских бутылками и камнями. Они также требовали, чтобы российская полиция была заменена на казахскую. Сегодня город Байконур находится под российской юрисдикцией. Скорее всего, имел место бытовой инцидент, который был эмоционально переосмыслен местной молодежью, которая в городе проживает, но не имеет отношения к космической отрасли.

Изменения в самосознании. Однозначно оценить эти изменения не представляется возможным. С одной стороны, делается немало для обоснования интеграционных инициатив как внутри Казахстана, так и шире, на постсоветском пространстве. С другой стороны, определенная часть населения страны разделяет отношение к этим инициативам, озвученное в письме знаменитого писателя М. Шаханова: «В ближайшее время на границах Казахстана с Россией планируется окончательное снятие таможенных и пограничных постов. На этом фоне, не кажется ли вам кощунственным вообще говорить и заикаться о сохранении нашей независимости, духовных ценностей, государственного языка? Стало быть, мы просто возвращаемся в лоно колониального прошлого? Не означает ли это утрату независимости?»

Мифы, страхи, слухи. Весной 2011 г., в некоторых аулах Алматинской области прокатились слухи об убийствах казахских девушек некими маньяками. В основе этих слухов оказался реальный случай изнасилования и убийства казахской девушки в селе Бесагаш парнем-курдом. Несмотря на то что он сразу же был взят под стражу, вокруг этого события поползли мрачные домыслы. То есть массовое сознание все еще отзывчиво на подобные поводы, особенно если в них есть категория основания для противопоставления «нас» и «их».

Осенью 2011 г. в южных регионах страны были широко распространены слухи о том, что некая экстремистская группировка занимается похищениями и убийствами детей в отместку за то, что их соратники осуждены в Казахстане на долгие сроки. Несмотря на постоянные опровержения и аресты распространителей слухов, они долго распространялись на территории Южно-Казахстанской, Жамбыльской и Карагандинской областей. Дело доходило до нежелания отпускать детей в школу.

Внешние условия. Важным фактором внешнеэкономического развития РК в 2011 г. стало участие в деятельности Таможенного союза. Несмотря на то что внутри страны было и есть немало сомневающихся в его необходимости для страны, можно подводить и первые итоги: «По итогам января–октября 2011 г., внешнеторговый оборот Казахстана увеличился на 39,7% и составил 101,1 млрд. долл. США», – заявил министр экономического развития и торговли Кайрат Келимбетов. По данным Министерства экономического развития и торговли, экспорт товаров увеличился на 48,2% (71,7 млрд. долл.) к аналогичному периоду прошлого года. Импорт вырос на 22,4% (29,4 млрд. долл.). Поло-

жительное сальдо торгового баланса составило 42,3 млрд. долл. – в 1,7 раза выше, чем в соответствующем периоде 2010 г.

* * *

Выводы. В 2011 г. на фоне тенденции политического развития прошлых лет, характеризовавшихся внутриэлитной борьбой за власть и укреплением авторитета действующей власти, Казахстан столкнулся с новыми вызовами (открытое выражение массового протеста, активизация религиозного экстремизма и терроризма, углубление противостояния между религиозным и светским). Несмотря на положительную динамику экономического развития и продолжающееся развитие социальной сферы, есть признаки, что общество исчерпало инерцию использования уже сложившихся методов регуляции политической и идеологической сфер и готово к более радикальным преобразованиям. Нужно отметить, что, судя по некоторым высказываниям, власть вполне адекватно оценивает ситуацию и провозглашает вполне инновационные по своему духу инициативы, но традиции авторитарного и одностороннего управления снижают эффективность этих решений.

Отрадно, что сфера межэтнических отношений не давала особых поводов для беспокойства, тем самым подтверждая дееспособность «казахстанской модели межнационального и межконфессионального согласия». Но признаков сохранения негативного фона во взаимоотношениях между сообществами на локальном уровне уже столь много, а время доминирования легитимной во всех слоях общества единой идеологии еще столь далеко, что вполне можно говорить о необходимости реформирования и дальнейшего развития этой модели.

*«Этнополитическая ситуация в России
и сопредельных государствах»,
М., 2012 г., с. 578–586.*

Евгений Бородин,
кандидат экономических наук
(Дипломатическая академия МИД РФ)
**ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ РОССИЕЙ
И КИРГИЗСТАНOM НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

С момента своего вхождения в состав России (1870–1880) Киргизстан стал особой частью Российской империи. Царское пра-

вительство, раскrojив единую карту края, искусственно разделив его на Туркестанское генерал-губернаторство, бекства и ханства, затормозило окончательное оформление узбеков, туркмен, киргизов, казахов и таджиков в новую этническую общность. Однако в конце XIX – начале XX в. политика царской России сыграла важную роль в формировании первичной или начальной системы образования, которая дала толчок культурно-образовательному приобщению киргизов к ценностям русской культуры.

В 1884 г. были введены русско-туземные школы, соединившие в себе мусульманские мектебы и русскую школу грамоты, с введением в них русского языка как государственного и обязательного, допуская в то же время и преподавание основ ислама, как основного средства преодоления недоверия коренного населения к этим школам и привлечения в них все большего количества детей. К 1917 г. на территории современного Киргизстана располагались 17 русско-туземных школ и два интерната при Пишпекском и Пржевальском городских училищах. В 1918 г. Киргизстан – часть Туркестанской Автономной Советской Социалистической Республики в составе РСФСР. По национально-государственному размежеванию советских республик Средней Азии 14 октября 1924 г. была образована Кара-Киргизская (с 25 мая 1925 г. – Киргизская) автономная область в составе РСФСР, которая 1 февраля 1926 г. была преобразована в Киргизскую Автономную Советскую Социалистическую Республику в составе РСФСР, а 5 декабря 1936 г. – в Киргизскую Советскую Социалистическую Республику в составе СССР.

Советская власть внесла значительные изменения в жизнь киргизов. В 1917 г. было провозглашено равноправие мужчин и женщин, в 1921 г. запрещены законом многоженство и калым. За первое десятилетие советской власти были сделаны важные шаги в борьбе с неграмотностью. В 1924 г. была создана письменность киргизского народа. И уже в 1926 г. общая грамотность населения составляла 15%. К 1939 г. в Киргизстане уровень грамотности у населения в возрасте от 9 до 49 лет поднялся до 82%. За годы советской власти сложилась система народного образования. Были созданы печать и культурно-просветительские учреждения, грамотность достигла 99%.

В 1920–1930-е годы в Киргизстане происходило бурное развитие промышленности. К 1940 г. угольные шахты Киргизстана давали 88% всего каменного угля, использовавшегося в Средней Азии. Развивались также цветная металлургия, производство

сурьмы и ртути, пищевая (производство сахара) и некоторые отрасли легкой промышленности. Начиная с 1929 г., проводилась коллективизация сельского хозяйства, которое ранее находилось в руках полукочевых племен и родов. Противников коллективизации – богатых скотоводов и землевладельцев (баев) – преследовали, убивали, сажали в тюрьмы; некоторых – лишали собственности и обрекали на голодную смерть. К 1941 г. в Киргизстане существовало порядка 300 тыс. животноводческих колхозов. Индустриализация Киргизстана продолжалась параллельно с развитием сельского хозяйства и после Второй мировой войны. В период с 1960-х по 1980-е годы в Киргизстане было создано свыше 200 промышленных предприятий. Заметно возрос уровень механизации сельского хозяйства. За исторически короткий период были созданы современная городская жизнь, промышленность, инфраструктура транспорта и связи.

В экономике СССР Киргизстан выделялся производством цветных металлов, разнообразными отраслями машиностроения и продуктивным животноводством. Однако несмотря на все качественные преобразования и привнесение нового и индустриального в жизнь киргизской нации, в ней сохранилось более глубинное сознание, которое сформировалось на просторах Центральной Азии под влиянием ряда факторов.

Киргизстан исторически выступал как «перекресток», связывающий Евразию. В разных направлениях по Центральной Азии перемещались волны этнических мигрантов. В результате Центральная Азия стала связанной со всеми регионами Евразии. А в российский и советский периоды резко увеличилась связь с Восточной Европой. «Великий шелковый путь», соединявший Китай с Индией, исламским и западным миром, определил особенности культуры и менталитета народов Центральной Азии. Они состоят в том, что народ принимает и перерабатывает внешнее влияние, а также выстраивает на данной базе собственное мировосприятие и ощущение внешнего мира.

Согласно историческим источникам, Центральная Азия являлась средоточием особого рода цивилизации – номадической. В истории Центральной Азии было две великие номадические империи мира – Тюркский каганат и Золотая Орда. Номадические империи прошлого стремились к созданию единой цивилизационной общности через формирование развитой инфраструктуры (транспорта, связи, других коммуникационных систем). Создание развитой инфраструктуры способствовало расширению зоны сво-

бодной торговли, экономическому росту и созданию пространства интенсивных межкультурных коммуникаций.

Российская империя, а затем и Советский Союз реализовали в Киргизстане идею «консервативной революции», основанной на построении очагов высокой культуры при опоре на традиционные и принудительные методы хозяйствования (колхозы). После-октябрьский период в истории киргизов был временем усвоения современных европеизированных культуры и образования, но в русском варианте и часто сквозь призму марксизма-ленинизма.

Необходимо отметить, что в советское время в городах киргизские язык и культура практически полностью вытеснились русским языком. Культура киргизов использовалась только как представительская, лубочная. Поскольку привнесенная культура была доминирующей, культура киргизского народа определялась как более отсталая, что приводило к образованию у коренных жителей комплекса неполноценности, а у тех, кто «русифицировался», вырабатывался комплекс собственного превосходства. Все это ввиду явного расслоения населения по материальному достатку приводило к повышению напряженности в обществе.

После провозглашения независимости в 1991 г. Киргизстан столкнулся с экономическими трудностями, связанными с переходом к рыночной экономике, обострились межнациональные конфликты. Ухудшились отношения с узбекским меньшинством: в Ошской области произошли межэтнические столкновения. Подобные же выступления имели место и в соседнем Таджикистане по отношению к киргизскому меньшинству. Все эти проблемы наряду со значительным грузом внешнеполитических проблем центральноазиатского направления бывшего СССР (нечеткие границы, афганский конфликт, рост исламского фундаментализма, наркотрафик и пр.) обрушились на молодое киргизское государство в постсоветский период.

Распад СССР привел к фактическому коллапсу экономических связей Российской Федерации с Киргизстаном, одновременно дав мощный импульс развитию и интенсификации экономических отношений с другими зарубежными странами. К моменту распада СССР в Киргизстане уже существовали демократическое правительство и развитая многопартийная система. 10 мая 1993 г. в Киргизстане была введена собственная национальная валюта – сом. Парламент принял законы о приватизации государственных предприятий и иного государственного имущества, а в мае 1993 г. была принята новая Конституция страны. 24 декабря 1995 г. в стране

были проведены новые президентские выборы, на которых победил А. Акаев, получив 71,65% голосов.

Период 1995–2001 гг. характеризовался укреплением суверенной государственности Республики Киргизстан. В это время было принято множество законопроектов, большинство которых (около 80%) были инициированы Правительством Республики Киргизстан, тогда как 20% – депутатами Жогорку Кенеша. В период с провозглашения независимости до «революции 2005 г.» в Киргизской Республике сложилась административно-клановая система, явившаяся прямым следствием советской распределительной системы, наблюдалось падение уровня жизни и возрождение родовой клановости.

2005–2010 гг. характеризуются как период роста личной власти К. Бакиева и его семьи. По мнению киргизских и российских политологов, семейный клан Бакиевых, захватив властные полномочия и экономические рычаги, принимал все ключевые решения, не считаясь с оппозицией, настроением общественности и партнерами за рубежом. На развитие революционных событий (2010) заметное влияние оказало охлаждение киргизско-российских отношений. Оно серьезно повлияло на настроение киргизского общества, в котором после событий 2005–2007 гг. укрепились пророссийские взгляды. Экономическая зависимость большинства населения Киргизстана от России вызывала настроения, в которых ухудшение отношений режима Бакиева с Россией проецировалось на индивидуальные потребности рядовых граждан и их семей.

Революционная смена власти в 2010 г. и последующая трансформация президентско-парламентской республики в парламентско-президентскую происходили под знаменем возвращения пророссийских сил и существенного укрепления межгосударственных, военных и экономических отношений, кульминацией которых стало подписание в сентябре 2012 г. документов по расширению российского экономического и военного присутствия.

Можно констатировать то, что своей историей как суверенного государства Киргизстан полностью обязан России. Весь путь от становления советской республики до государственного образования с собственной конституцией, парламентом, президентом и правительством народ Киргизстана прошел со сходной советско-российской ментальностью, события в Киргизстане в целом ряде отношений напоминают происходившее в свое время в некоторых российских национальных республиках (Башкортостан, Татарстан).

В современной истории Республики Киргизстан уже трижды произошли насильственные смены первых лиц государства и последовавшие за этим изменения конфигурации элит. К сожалению, конституционные и экономические реформы не привели к формированию полноценного независимого государства на территории Республики Киргизстан. Клубок проблем во внешнеполитической сфере (Афганистан, наркоторговля, проблема Ферганской долины и границ с ближайшими соседями, экономический кризис, вмешательство США и стран Запада во внутренние дела), а также отсутствие прогресса по решению экономических и социальных проблем во внутренней жизни приводят к сохранению «зоны нестабильности» в первом и самом «демократическом» государстве Центральной Азии. Все это определяет многовекторность и сложность построения взаимоотношений России и Киргизстана.

Оба государства могут сосуществовать и успешно развиваться только при условии всестороннего взаимодействия и укрепления сотрудничества в сферах общих интересов. В наиболее концентрированной форме эти установки получили выражение в «Стратегическом курсе Российской Федерации с государствами – участниками СНГ», утвержденном Указом Президента Российской Федерации 14 сентября 1995 г. Б.Н. Ельцин, выступая на пресс-конференции по итогам официального визита Президента Республики Киргизстан А. Акаева в Россию в марте 1996 г., оценил состояние двусторонних отношений между Киргизстаном и Россией как образец для других государств в СНГ.

В настоящее время руководители внешнеполитических ведомств России и Киргизстана особо выделяют тот факт, что практически по всем важнейшим международным вопросам обе страны занимают идентичные или весьма близкие позиции, тесно взаимодействуя в ООН, ОБСЕ, а также в региональных структурах – СНГ, ЕврАзЭС, ОДКБ, ШОС.

В ситуации экономической нестабильности последних лет страны-партнеры стараются помогать друг другу. Так, Россия предоставила 30 апреля 2009 г. Республике Киргизстан льготный кредит на 300 млн. долл. со ставкой 0,75% годовых сроком на 40 лет и семилетней отсрочкой выплаты. Данные средства должны были пойти на поддержание и развитие многих сфер производства в республике, которые в условиях финансовой нестабильности испытывают определенные трудности в своей деятельности. Кроме того, Российская Федерация планировала вложить 1,7 млрд. долл. в строительство Камбаратинской ГЭС-1 и предоставить Киргиз-

стану безвозмездную финансовую помощь в размере 150 млн. долл. В свою очередь, республика брала на себя обязательства по закрытию американской военной базы «Манас» и по передаче России 48% акций предприятия «Дастан», а также здания под культурный центр Российской Федерации в Бишкеке. Первые 450 млн. долл. киргизская сторона получила весной 2009 г. Однако в связи с нецелевым использованием данных средств Фондом развития Республики Киргизстан и невыполнением К. Бакиевым своих политических обязательств по ликвидации базы «Манас» данный проект был заморожен, а революционные события 2010 г. приостановили на время все договоренности.

В сентябре 2012 г. президенты В. Путин и А. Атамбаев подписали документы о создании единой российской военной базы и строительстве Верхне-Нарынского каскада ГЭС и Камбаратинской ГЭС-1. Эксперты оценивают стоимость обоих проектов ГЭС в 4 млрд. долл. Кроме этого, Киргизстану был списан долг перед Россией в размере 489 млн. долл. Также руководство России выделило Киргизстану грант в размере 25 млн. долл. на поддержку бюджета. В ближайшее время (2013) ОАО «Газпром» приобретет компанию «Киргизгаз» за символическую сумму в 1 долл. с условием провести модернизацию газовой инфраструктуры республики.

Подписанные соглашения 2012 г. и планируемые к подписанию в 2013 г. стали естественным продолжением российско-киргизской совместной деятельности и позволили существенно упрочить российское присутствие в Киргизстане. Для национальных интересов России Киргизстан исключительно важен в силу целого ряда факторов.

1. С геополитической точки зрения, большая часть территории России находится в Азии и граничит с расположенными здесь государствами, которые в течение полутора-двух столетий жили в единой стране, чье развитие ориентировалось на Россию и формировалось ею, чья культура продолжает находиться под влиянием России. В Киргизстане проживает значительная прослойка русскоязычного населения, тяготеющего к России. Значительная часть населения республики работает и обучается в России. Россия и Киргизстан являются участниками общих военно-политических и экономических структур, созданных после дезинтеграции СССР.

2. С геостратегической точки зрения Киргизстан является ключевым к региону Центральной Азии, который входит в «дугу нестабильности», простирающуюся от Балкан до Индонезии и Филиппин, и исходящие из него военные угрозы вполне реальны в

силу укрепления позиций сепаратизма и международного терроризма. Сегодня эти угрозы трансформировались в военные конфликты США и их союзников против международных террористических движений на территориях ряда прилегающих к региону стран. Дестабилизации обстановки вокруг региона способствуют антииранская кампания США, а также перманентный индо-пакистанский политический конфликт, способный трансформироваться в войну двух ядерных государств. Конфликтный потенциал не исчерпан и в самом Киргизстане за счет нерешенных социально-экономических вопросов, границ и пестрого национального состава республики. Стратегическое значения Киргизстана состоит и в том, что он является переходной зоной между Севером и Югом Азии, ситуация в нем оказывает существенное влияние на обстановку в этих частях континента. Влияет она и на стабильность южных рубежей России, а также на состояние ее безопасности на данном направлении.

3. После 11 сентября 2001 г. борьба за Киргизстан и Центральную Азию приобрела глобальный характер. Начался новый этап ее развития, связанный с более тесной интеграцией в мирохозяйственные и геополитические отношения. Великие государства стратегически столкнулись в Центральной Азии. Главные «игроки» – США, Россия, Евросоюз – преследуют прямо противоположные цели. США и ЕС, стремясь получить контроль над богатыми энергоресурсами региона, всеми силами стараются предотвратить попытки России вновь сплотить вокруг себя республики бывшего СССР.

Взаимодействие России, США, Евросоюза и Китая в Киргизстане – это сложное переплетение и соперничество «великих» за влияние над «малыми», и совпадение интересов этих государств, и непреодолимые противоречия, и выработка общей стратегии во все более глобализирующемся мире. Таким образом, сегодня отношения между Россией и Киргизстаном характеризуются стремлением к последовательности и стабильности. Страны связывают общая история, вековые узы дружбы между народами. Развитие двусторонних связей между государствами – длительный и многомерный процесс, включающий политику движения стран навстречу друг другу.

*«Вестник Российской нации»,
М., 2013 г., № 1–2, с. 311–319.*

Елена Ионова,
кандидат исторических наук (ИМЭМО РАН)
**ТУРКМЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ**

Руководство Туркмении, так же как и других стран Центральной Азии, озабочено проблемами укрепления региональной безопасности. Сейчас страны региона определяются с выбором основных партнеров в этом процессе: Киргизия делает ставку на сотрудничество с Россией; Узбекистан больше ориентирован на США; другие республики, в том числе и Казахстан, готовы сотрудничать как с Москвой, так и с Вашингтоном. Особую позицию Туркмении определяют: во-первых, провозглашенный ею статус нейтралитета; во-вторых, наибольшая среди государств ЦА географическая, экономическая и культурная близость к Ирану – стране, находящейся под прицелом США и их союзников. Кроме того, республика входит в число стран Прикаспийского региона, где в настоящее время наблюдается рост напряженности.

Ашхабад крайне заинтересован в сохранении стабильности в Иране, который является его важным экономическим партнером, в частности в нефтегазовой сфере. В 2012 г. поставки туркменского газа в Иран возросли в несколько раз, составив 30% всего экспорта «голубого топлива». И это несмотря на то, что после введения западными странами экономических санкций против Тегерана Туркмения не может получать оплату в долларах и евро. (В соответствии с заключенным в декабре 2012 г. соглашением туркменский газ поставляется в Иран на бартерной основе – взамен Туркмения получает технику, сельхозпродукты, а также определенные услуги.)

Развивается сотрудничество двух стран и в области гидроэнергетики. В частности, по итогам переговоров министра иностранных дел РТ и министра энергетики Ирана, состоявшихся в начале мая текущего года, было принято решение об участии иранских компаний в строительстве в Туркмении гидроэлектростанций и линий электропередач. Таким образом, иранский капитал будет принимать непосредственное участие в реализации программы развития гидроэнергетики Туркмении в период 2013–2020 гг., которая предусматривает увеличение производства электроэнергии в 5 раз. В результате должны значительно возрасти объемы ее экспорта, в том числе через территорию Ирана. Кроме того, ожидается, что дополнительный стимул развитию торго-

во-экономических отношений двух стран даст введение в строй железной дороги Казахстан–Туркмения–Иран, так называемой магистральной «Север–Юг». Ее строительство вступило в завершающую фазу.

Ашхабад и Тегеран занимают схожие позиции как в целом по проблеме Каспия, так и относительно действий Баку в его акватории. Прикаспийский регион все больше становится узлом противоречий, в частности между Туркменией и Азербайджаном, Азербайджаном и Ираном. Как известно, Баку и Ашхабад не могут поделить два крупных нефтегазовых месторождения в акватории Каспийского моря (Сердар / Капяз и Осман / Чираг). С учетом ситуации вокруг Ирана крайне негативные последствия для Туркмении, равно как и для других прикаспийских стран, может иметь набирающая темпы милитаризация региона Каспия. В сентябре 2012 г. республика впервые за годы своего независимого существования провела здесь военно-морские учения. В них были задействованы военно-морские и военно-воздушные силы, а также спецназ Министерства национальной безопасности и Министерства внутренних дел республики.

Этот шаг стал ответом на аналогичные учения, проведенные ранее Азербайджаном, который, как отмечали эксперты, активно развивает военно-техническое сотрудничество с Израилем. В частности, с помощью израильской стороны в республике уже налажено производство беспилотных летательных аппаратов, которые ведут наблюдение на участках спорных с Туркменией и Ираном месторождений нефти, а также вдоль азербайджано-иранской границы. По мнению координатора объединенной экспертной сети Жепп Н. Харитоновой, «Тегеран не может исключать использование ВВС противника с территории Азербайджана при операции против Ирана». Неудивительно, что в настоящее время Иран ускоренными темпами наращивает свои военно-морские силы на Каспии.

Напряженности в регионе добавило сообщение о том, что Казахстан предоставляет каспийский порт Актау для транспортно-транзитных операций НАТО. Об этом президент Н. Назарбаев заявил в конце апреля на конференции министров иностранных дел Стамбульского процесса по Афганистану. По сути, как считают российские эксперты, это означает создание на Каспии военно-морской базы США и их союзников, что противоречит соглашению, подписанному пятью прикаспийскими странами, о недопущении в регионе военного присутствия некаспийских стран.

Казахстан также активно участвует в наращивании военно-морских сил на Каспии. Весной 2012 г. он спустил на воду первый ракетно-артиллерийский корабль собственного производства, в текущем году Астана планирует пополнить каспийскую флотилию еще двумя подобными судами с более мощным вооружением.

Учитывая эти факторы, трудно не согласиться с голландским экспертом по Центральной Азии А. Тибольдом, который считает, что сейчас «Туркмения старается показать, что она готова защищать свои интересы и территории в случае возникновения конфликта между Западом и Тегераном». Однако в прикаспийских республиках, участвующих в гонке вооружений на Каспии, судя по всему, все больше осознают опасность обострения здесь противоречий в условиях нарастания террористической угрозы. 15 апреля состоялась встреча уполномоченных представителей пяти прикаспийских государств, в ходе которой ее участники обсудили проект Соглашения о предупреждении чрезвычайных ситуаций на Каспийском море и ликвидации их последствий.

Правда, обострение напряженности на Каспии делает еще более проблематичным осуществление лоббируемого США и ЕС проекта Транскаспийского газопровода (ТКГ), который должен прокачивать туркменский газ по дну Каспия до Азербайджана и далее через Турцию – в Европу. РФ и Иран оказывали активное противодействие этому проекту, идея которого возникла еще в начале 90-х годов. Как заявил В. Путин на саммите РФ – ЕС в июне 2012 г., «Москва не будет считать легитимными принятые без консенсуса решения по Каспию». Вряд ли Ашхабад готов осложнять отношения со своими ведущими экономическими партнерами. Кроме того, на пути реализации проекта стоят противоречия между Туркменией и Азербайджаном, соперничающими на Каспии.

Вторая попытка претворить в жизнь этот проект, которую предпринял ЕС в начале 2012 г., вручив Европейской экономической комиссии мандат на ведение переговоров по ТКГ с заинтересованными странами, судя по всему, провалилась. Каких-либо подвижек по этому проекту не наблюдается. Более того, служба новостей Азербайджана АВС 10 мая распространила заявление о прекращении ТКГ как проекта в связи с выходом из него непосредственных спонсоров и признанием его бесперспективным со стороны США.

На сегодняшний день отношения с РФ не входят в число главных внешнеполитических приоритетов Ашхабада. Тем не менее, несмотря на то что с утратой монополии на туркменский газ

«энергетический фактор» перестал быть определяющим в отношениях двух стран, РФ остается важным экономическим партнером Туркмении. (В 2012 г. объем поставок туркменского газа в РФ составил 10 млрд. м³, на текущий 2013 г. «Газпром» сократил его до 7,5 млрд.) Получают развитие новые сферы сотрудничества, в частности судостроение. Например, российский завод «Красное Сормово» уже построил для Туркмении четыре нефтеналивных танкера и готовится построить еще два. Они предназначены для транспортировки сырой нефти и нефтепродуктов в бассейне Каспийского моря.

Хотя Туркмения не входит в ОДКБ или в какое-либо другое интеграционное объединение на постсоветском пространстве, за исключением СНГ, в Ашхабаде осознают, что обеспечение региональной безопасности невозможно в настоящих условиях без сотрудничества с Россией. По итогам визита российского министра иностранных дел Лаврова в Туркмению в апреле текущего года была принята программа сотрудничества между соответствующими ведомствами двух стран. В частности, впервые, начиная с этого года, будут проводиться регулярные консультации внешнеполитических ведомств по ситуации в Центральной Азии и Афганистане.

В последнее время Ашхабад заметно активизировал связи с Украиной, а также наиболее развитым соседом по региону – Казахстаном. Так, законодательный орган РТ недавно ратифицировал программу военно-технического сотрудничества с Украиной на 2013–2014 гг., которая предусматривает активное участие украинской стороны в модернизации и ремонте вооружений и военной техники Туркмении, развитии ремонтной базы туркменской авиации и морских сил, а также увеличение поставок в РТ товаров военного назначения. К тому же, в феврале текущего года президент Г. Бердымухамедов договорился с Киевом о прямых поставках туркменского газа в Украину объемом 10 млрд. м³. Однако туркмено-украинские договоренности не могут вступить в силу без одобрения Москвы, поскольку туркменский газ может поступать в Украину только через территорию РФ.

Фактором, способствующим развитию туркмено-казахстанских отношений, стало совместное использование вступившего в строй в 2009 г. газопровода в Китай. Новый импульс развитию отношений двух республик дал недавний визит президента РТ Г. Бердымухамедова в Казахстан. Официально он был приурочен к открытию железнодорожного перегона между Казахстаном и Туркменией, который представляет собой часть строящейся маги-

страли из Казахстана через Туркмению в Иран. Одной из важных тем переговоров стал Каспий – было подтверждено, что и Казахстан, и Туркмения «едины в том, что Каспийское море является общим достоянием пяти прибрежных государств».

Однако главными в повестке дня визита Бердымухамедова стали именно вопросы обеспечения региональной безопасности, что предполагает, как подчеркнули стороны в итоговой декларации, «противодействие попыткам распространения экстремистской идеологии, деятельности преступных группировок, занимающихся наркотрафиком, контрабандой оружия, торговлей людьми и другой незаконной деятельностью». Особое значение имело то, что Ашхабад заявил о готовности к сотрудничеству с Казахстаном в этих вопросах «как в двустороннем, так и многостороннем формате, совместно с другими странами региона и международными организациями».

Похоже, что позиция официального Ашхабада меняется в сторону более активного участия в деле коллективной безопасности. В частности, Ашхабад в настоящее время проявляет интерес к многостороннему взаимодействию в рамках Шанхайской организации сотрудничества, что, вероятно, не в последнюю очередь обусловлено крепнущими связями Туркмении и Китая. (В 2012 г. почти половина всего экспорта газа, составившего 40,3 млрд. м³, предназначалась Китаю. В ближайшие годы с расширением мощности газопровода Туркмения–Казахстан–Китай Ашхабад планирует увеличить поставки газа в Поднебесную до 65 млрд. м³.)

Однако официальный Ашхабад главной площадкой многостороннего сотрудничества, в том числе по мирному урегулированию ситуации в Афганистане, считает ООН. Развитие отношений с этой организацией стало одним из главных приоритетов внешней политики нейтральной Туркмении. В рамках организации действует Рамочная программа по содействию развитию Туркмении на 2010–2015 гг. В апреле состоялось совещание, на котором обсуждались достигнутые ею результаты и перспективы взаимодействия на текущий год. Кроме того, тогда же стало известно, что, несмотря на резкую критику со стороны Совета по правам человека ООН, Туркмения была избрана вице-председателем Европейской экономической комиссии.

Г. Бердымухамедов неоднократно высказывался за усиление миротворческой роли ООН, предлагая оказать необходимое содействие вновь созданному Региональному центру ООН по превентивной дипломатии для Центральной Азии. Особое внимание к Туркме-

нии со стороны ООН объясняется во многом тем, что республику рассматривают как важное звено в системе обеспечения хозяйственной жизни Афганистана. В частности, 18–19 апреля состоялось первое заседание совместной координационной рабочей группы по проекту строительства новой железнодорожной линии по маршруту Туркмения–Афганистан–Таджикистан, в котором приняли участие делегации трех стран. Новая железная дорога, связав сопредельные государства, должна стать важным звеном международной системы транзитных перевозок. На сегодняшний день завершены проектные работы на первом участке – 85-километровой линии, проходящей по территории Туркмении.

Ашхабад и Кабул не оставляют также планов прокладки газопровода из Туркмении через Афганистан в Пакистан и Индию (ТАПИ). Недавно Г. Бердымухамедов вновь призвал ускорить работы по практическому воплощению этого проекта. Однако большинство экспертов сходятся во мнении, что эти планы мало реалистичны. Их реализации препятствует как нестабильная ситуация в Афганистане, так и сложности в отношениях между Афганистаном и Пакистаном, Пакистаном и Индией. Более вероятным представляется развитие туркмено-афганского сотрудничества в области поставок туркменской электроэнергии, увеличения которых может потребовать осуществление в Афганистане с помощью иностранных инвесторов крупных инфраструктурных проектов.

*«Россия и новые государства Евразии», (ИМЭМО РАН),
М., 2013 г., с. 91–96.*

Алексей Малашенко,
доктор исторических наук
(Московский центр Карнеги)
**ИНТЕРЕСЫ И ШАНСЫ РОССИИ
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ**

В начале 1990-х Центральная Азия была для России чем-то вроде «отцепленного вагона», но сегодня Кремль пытается прицепить этот «вагон» к российскому «эшелону» как можно крепче. Такой курс обусловлен в первую очередь политическими и лишь во вторую – экономическими причинами. Собственно экономическая ценность Центральной Азии для России не особенно высока и определяется прежде всего заинтересованностью в транзите энер-

горесурсов. Главная цель Москвы в регионе – создание (или воссоздание) зоны своих особых интересов, «сателлизация» бывших советских республик и, по возможности, ограничение влияния внешних «акторов», в первую очередь США и Китая.

Отдельное место в этой политике занимает Казахстан, у которого с Россией складываются отношения особой близости; усилия президента Путина, направленные на постсоветскую интеграцию, опираются преимущественно на российско-казахстанские отношения.

В конце прошлого века Збигнев Бжезинский писал, что Россия «слишком слаба политически, чтобы полностью закрыть регион для внешних сил, и слишком бедна, чтобы разрабатывать данные области (Центральную Азию) исключительно собственными силами». В XXI в. ситуация практически не изменилась.

Национальные интересы России в Центрально-Азиатском регионе

Интересы России в Центральной Азии обусловлены, во-первых, ее стремлением сохранить влияние в регионе, удержать под своей эгидой остатки постсоветского пространства и тем самым подтвердить свою роль если не мировой, то, во всяком случае, евразийской державы. Подобные притязания остаются одной из главнейших мотиваций внешней политики Кремля, страдающего комплексом неполноценности в связи с повсеместным ослаблением его влияния. При этом постсоветские страны – единственная часть мира, где Кремль может обоснованно претендовать на лидерство, хотя и с оговорками. Но и это пространство можно уподобить шагреновой коже.

Во-вторых, интересы России требуют сохранения и поддержания режимов, которые лояльно к ней относятся и готовы развивать с ней отношения. Решать эту задачу становится все сложнее. Внешняя политика стран Центральной Азии отличается многовекторностью – так что российское направление давно перестало быть единственным. Туркменистан изначально заявил о своем внешнеполитическом нейтралитете, что фактически стало вызовом России, а после конфликта с «Газпромом» в 2009 г. его отношения с Москвой заметно ослабли. Усложнились отношения с Узбекистаном, который постепенно, хоть и медленно, втягивается в американскую внешнеполитическую орбиту. В отношениях между Россией и Таджикистаном неизменно присутствует двусмыслен-

ность: президент Эмомали Рахмон и хочет дружить с Россией, но страшится излишне тесной привязанности к ней. На сегодняшний день Москве сподручнее иметь дело с Казахстаном и Киргизстаном. Однако и с этими странами дружелюбность носит в значительной степени конъюнктурный характер.

Кремль, с одной стороны, заинтересован в сохранении в регионе близких ему по духу авторитарных режимов. Однако практика показала, что схожесть систем не является априорной гарантией политической близости. Авторитарные правители центральноазиатских государств остаются верны курсу многовекторности, а их внешние партнеры, прежде всего США и Европа, готовы сотрудничать с местными режимами, закрывая глаза на их диктаторский характер. В то же время Россия развивает отношения с отказавшимся от авторитаризма «протодемократическим» Киргизстаном.

Проблема Москвы состоит в том, что она не в состоянии (или почти не в состоянии) оказывать значимого влияния на внутриситуацию в странах Центральной Азии. От нее не зависит, как будет происходить передача власти в Казахстане и Узбекистане или как пройдут выборы в Таджикистане. Можно вспомнить, что в 2006 г. Москва молча восприняла приход к власти в Туркменистане Гурбангулы Бердымухамедова, оставалась пассивной и в первую – «тюльпановую» (2005), и во вторую (2011) киргизские революции. Уровень российского влияния на внутреннюю политику центральноазиатских стран останется «на нуле» и в будущем, тем более что кремлевская элита постепенно теряет личные связи с местными элитами, имеющие исключительное значение в постсоветских странах. Таким образом, задачей России становится не поддержка авторитарных режимов как таковых, по причине их общности с российской моделью, но выработка общих экономических и политических целей, а главное – выстраивание отношений с новыми властителями, шире – с правящим классом и национальным бизнесом, тем более что они неотделимы друг от друга.

В-третьих, Россия стремится сдерживать укрепление на территории Центральной Азии внешних сил, в первую очередь Соединенных Штатов и Китая. При этом, понимая, что остановить активность внешних акторов она не в состоянии, Кремль стремится найти баланс между конкуренцией и партнерством с этими державами.

Китайская экспансия формально является, прежде всего, экономической и финансовой. Китай помогает создавать разветвленную транспортную, энергетическую инфраструктуру, которая привязывает к нему Центральную Азию и одновременно обеспечивает продвижение в западном направлении, в Европу. Характерно, что Китай развивает отношения с Центральной Азией на «российском поле», поскольку Россия также претендует на участие, даже на главенствующую роль в создании региональных инфраструктур.

Отвечая на китайский вызов, Россия стремится поддерживать свое влияние через многостороннюю интеграцию – Единое экономическое пространство, Таможенный союз, грядущий в 2015 г. Евразийский союз, а также Организацию Договора о коллективной безопасности. Одновременно она участвует в совместных с Китаем проектах, против чего Пекин не возражает, поскольку играет в них ведущую роль.

Китай демонстративно избегает вмешиваться во внутреннюю политику центральноазиатских стран. В Пекине резонно исходят из того, что, кто бы ни оказался у власти в этих государствах, он не рискнет ссориться с могучим соседом. Растущее присутствие Китая в Центральной Азии тормозит экономическую активность России, однако в Кремле это воспринимают как неизбежность; там всячески подчеркивают, что Центральная Азия – это территория партнерства двух держав. Символом этого партнерства можно считать Шанхайскую организацию сотрудничества, о перспективах которой говорят, правда, значительно больше, чем о ее реальных достижениях.

Смирившись с китайским натиском, Россия жестко оппонирует США, стремясь ограничить их влияние в регионе. Сформулированный в 1990-х годах и впоследствии скорректированный подход США к Центральной Азии (о политике США в отношении Центральной Азии см. ст. Джеффри Манкоффа в *Pro et Contra* на с. 41–57) заключается в поддержке суверенитета бывших советских республик, обеспечении региональной стабильности, предотвращении конфликтов, а также содействии в демократизации и в экономическом развитии. Эти стратегические задачи можно интерпретировать как вызов России, хотя бы уже потому, что суверенитет в данном случае означает большую независимость стран Центральной Азии от бывшей «метрополии», а демократизация – создание политических систем, в большей степени соответствующих западным моделям. США помогают в реформировании мест-

ных экономик, чему Россия, сама нуждающаяся в модернизации, может содействовать лишь в ограниченных масштабах. Россия в одиночку не способна обеспечить стабильность, но если и возьмется за эту задачу, то будет добиваться, чтобы центральноазиатские государства согласились на частичный отказ от суверенитета. Следовательно, правительствам стран Центральной Азии имеет смысл обращаться к третьим внешним силам, а Россия, таким образом, окажется оттеснена. Слово «оттеснить» здесь уместнее, чем «вытеснить», хотя именно последний термин часто употребляют российские политики. Тем более что США, как и Китай, заинтересованы в том, чтобы Россия продолжала нести свою долю ответственности за обстановку в регионе.

Вывод американских войск из Афганистана в 2014 г. повышает роль Центральной Азии в американской стратегии, поскольку Таджикистан, Киргизия, Узбекистан, при условии сохранения или появления там американских баз, становятся «территорией наблюдения» за стабильностью на юге азиатского континента. (В 2011 г. появились слухи о том, что американская база может появиться в Казахстане, но вскоре они были опровергнуты.) Авторитет США во многом будет определяться тем, насколько им удастся минимизировать издержки своего ухода из Афганистана и впоследствии способствовать разрешению афганского кризиса.

Для присутствия американских военных баз в Центральной Азии требуется «неофициальное добро» Китая и России. Пекин на этот счет не проявляет особого беспокойства. Там практически никак не комментируют вопросы, связанные с сохранением базы ВВС США в Манасе (Киргизия), а также вероятность открытия баз в Ханабаде (Узбекистан) и в Таджикистане. Пекину в каком-то смысле даже выгодно американское присутствие, поскольку оно сдерживает активность исламистов в Центрально-Азиатском регионе, что позитивно сказывается на обстановке в граничащем с ним Синьцзян-Уйгурском автономном районе.

Американские базы в Центральной Азии не представляют непосредственной угрозы для России, ибо они ориентированы в южном направлении. С другой стороны, американское военное присутствие понижает значение России как гаранта региональной безопасности. Речь, таким образом, идет об угрозе российскому авторитету, но не России как таковой.

В-четвертых, национальный интерес России заключается в сдерживании трафика афганских наркотиков – из Центральной Азии и через ее территорию. В 2011 г. в Афганистане было произ-

ведено 5800 т опиума. Афганистан и Центральная Азия превратились в единый наркоанклав, где произошло разделение на производителей (Афганистан) и перевозчиков наркотиков (Центральная Азия).

На сегодняшний день эффективная международная «макро-система» по борьбе с наркотиками с участием России, США, Китая, центральноазиатских государств, Афганистана так и не сложилась. Более того, вместо сотрудничества наблюдается конкуренция проектов США и России, что еще более ограничивает совместные действия на этом направлении. К тому же доходы от наркобизнеса в Центральной Азии отмываются путем инвестирования в местный бизнес, становясь таким образом легальной частью экономической жизни. Это обесмысливает борьбу против наркотрафика и бьет по благополучию России, где только по официальным данным насчитывается 3 млн. наркоманов. В Россию через Центральную Азию ежегодно поступает от 60 до 75 т афганского героина. Дополнительная сложность борьбы против наркобизнеса состоит в том, что сокращение производства наркотиков в Афганистане и уменьшение их транзита через Центральную Азию неизбежно вызовет рост их производства в самом регионе, поскольку, как и в Афганистане, выращивание конопли и мака уже является здесь важным источником дохода для некоторых групп сельского населения.

Проблемы в борьбе с наркотрафиком могут возрасти, если Киргизстан вступит в Таможенный союз. По мнению директора Центральноазиатского центра наркополитики Александра Зеличенко, «если сейчас контролируется переход границы между Киргизстаном и Казахстаном, тогда как между Казахстаном и Россией — уже нет, и россияне жалуются, что больше стало завозиться наркотика, думается, что эта проблема может усугубиться».

В-пятых, в число национальных интересов России безусловное входят проблемы центральноазиатской миграции, которую можно назвать обоюдным вызовом, содержащим как взаимные выгоды, так и взаимные сложности.

Точное количество мигрантов из Центральной Азии неизвестно, поскольку большинство проникает в Россию нелегально. Количество мигрантов из Киргизстана по разным оценкам колеблется от 400 тыс. до 1 млн. (по данным киргизского МВД — 500 тыс.). Гастарбайтеров из Узбекистана — от 600–700 тыс. до 1–2 млн. По словам же министра внутренних дел Узбекистана Баходыра Матлюбова, в 2007 г. в России работало 220 тыс. узбекских

гастарбайтеров. Неизвестно и число приезжающих на работу в Россию из Таджикистана. В ноябре 2011 г. в одном и том же номере «Новой газеты» были опубликованы сразу три разные оценки – 1 млн., 1,5 млн. и 2 млн. человек.

Миграция привязывает Таджикистан, Киргизстан и Узбекистан к бывшей метрополии. Из Узбекистана на работу выезжают (преимущественно в Россию) до 33% трудового населения, а денежные переводы мигрантов составляют от 15 до 59% ВВП. Согласно статистике Центрального банка РФ, общий объем перечислений от таджикских мигрантов в 2010 г. составил 2,2 млрд. долл., объем ВВП Таджикистана – 5,6 млрд. долл. В 2011 г. таджикские мигранты перевели на родину 2,96 млрд. долл., что на 444 млн. долл. выше рекордного 2008 г.: их поступления составили 45,5% от ВВП страны.

Влияние миграции на отношения между Россией и ее южными соседями носит противоречивый характер. Миграция способствует укреплению контактов между российским и центрально-азиатским сообществом, но одновременно является фактором взаимного раздражения и отторжения. В российском обществе отношение к мигрантам в основном негативное, что способствует росту ксенофобии и национализма.

Относительно новой для России проблемой стала исламизация мигрантов. Иными словами, если ранее прибывавшие на заработки уроженцы Центральной Азии не проявляли большого интереса к религии, то с начала 2010-х годов в этой среде наблюдается укрепление исламской идентичности. Выходцы из Центральной Азии все больше соблюдают пост, регулярно посещают мечети (в Москве всего пять мечетей, а число мусульман, включая гастарбайтеров, составляет от 1 до 1,5 млн., т.е. имеющихся мечетей уже не хватает). Наконец, через мигрантов из Центральной Азии в Россию проникают радикальные настроения, что особенно заметно, в частности, в Волго-Уральском регионе.

В Государственной думе неоднократно обсуждался вопрос о введении визового режима для стран Центральной Азии. В 2013 г. президент Путин заявил, что такой режим будет введен с 2015 г. для всех стран, кроме членов Таможенного союза, т.е. Казахстана и Белоруссии. Это якобы поможет решить проблему с безработицей в России, снизит криминал. Однако специалисты, изучающие миграционные процессы в России, давно подметили, что ужесточение миграционного законодательства приводит к росту числа нелегалов. В ближайшее время едва ли будет найдено приемлемое

решение вопроса о миграции, которое бы устроило обе стороны, так что, по всей видимости, отношения между Россией и ее южными соседями будут только осложняться.

В-шестых, национальные интересы России неотделимы от проблемы транзита энергоносителей через ее территорию. Этот вопрос выходит за рамки собственно центральноазиатской и, еще шире, каспийской темы. Всю первую половину 2000-х годов «Газпром» пытался удерживать контроль над российским и центральноазиатским экспортом газа, рассчитывая таким образом сохранить их в сфере российского влияния, но в итоге это привело к обратному эффекту. В декабре 2009 г. председатель КНР Ху Цзиньтао открыл самый длинный в мире газопровод между Туркменией и Синьцзяном, что, по мнению британского эксперта Адриана Пабста, «означало конец российской монополии на транспортировку энергоносителей в Центральной Азии». Газовый поток разделяется на несколько «ручьев», которые текут в обход России. Произошла неизбежная и предсказуемая диверсификация маршрутов, чему в огромной степени способствовали российско-украинский скандал 2008–2009 гг. и взрыв газопровода в Туркмении, произошедший в апреле 2009 г. (в Ашхабаде намекали, что этот взрыв был специально устроен «Газпромом», чтобы привязать туркменский транзит к России). Ныне Китай обходит Россию по закупкам энергоносителей в Центральной Азии (см. статьи Раффаэлло Пантуччи и Александра Петерсена в *Pro et contra* (январь–апрель 2013 г.) на с. 58–69, а также статью Олега Червинского на с. 35–40).

Еще в конце 1990-х годов можно было предположить, что рано или поздно потребители российских углеводородов, а также те, кто получает газ через российский транзит, озаботятся созданием альтернативных маршрутов: проекты таких маршрутов (главный из них Баку–Джейхан) рассматривались уже в то время. Однако характерные для российской политики инерционность, тяга к монополизации, неспособность быстро ориентироваться в новых обстоятельствах в конечном счете ослабили позиции России и в этой сфере – если бы «Газпром» действовал более гибко и шел на мелкие уступки, он сумел бы в итоге сохранить свои позиции. Но этого не произошло, и Россия оказалась отстранена от «проекта века» – газопровода ТАПИ (Туркмения–Афганистан–Пакистан–Индия) с пропускной способностью в 30 млрд. м³, который станет стратегической магистралью, соединяющий Центрально-Азиатский и Южно-Азиатский регионы. Туркмения отказалась от услуг «Газпрома» в финансировании проекта. Одновременно Китайская

национальная нефтяная компания (Chinese National Petroleum Company) заявила, что объем поставляемого в Китай туркменского газа к 2015 г. возрастет с 13,5 до 60 млрд. м³, а Государственный банк Китая предоставил Туркмении кредит в 4,1 млрд. долл. Можно считать это вызовом России, а можно – результатом ее собственных ошибок.

Говоря о национальных интересах России в Центральной Азии, мы не упомянули стабильность в регионе, которая, как это ни покажется парадоксальным, не является для России безусловным стратегическим императивом. Конечно, с одной стороны, стабильность в Центральной Азии формально остается «священной коровой» российской политики, но, с другой стороны, политическая хрупкость Москве на руку: угроза конфликтов внутри региона, напряженность на его южных границах дают России повод предложить себя в качестве гаранта против любой угрозы.

Также вне сферы российских интересов оказались почти 8 млн. русских, фактически брошенных Россией на произвол судьбы. Россия не оказывает существенной поддержки русскому населению и ни разу не использовала «русский вопрос» как инструмент давления на своих южных соседей, несмотря на то что в случае социально-политических катаклизмов незащищенность русских (и шире – славянского населения) может обернуться трагедией, особенно если конфликты будут носить религиозно-политический характер.

Россия и региональные организации

Каким образом Россия стремится реализовать свои национальные интересы в Центральной Азии? Стратегией Москвы здесь стала интеграция, которую она осуществляет с помощью уже существующих, но – что важнее – вновь создаваемых ею региональных организаций, причем не только с участием стран Центральной Азии, но и других стран постсоветского пространства. Использованию «возможностей Содружества Независимых Государств (СНГ), Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), а также Шанхайской организации сотрудничества (ШОС)» неизменно придается важное значение в официальных российских документах. Специалист по Центральной Азии Рой Аллисон пишет, что Россия пытается выступать с позиций «охранительной интеграции» (protective integration), т.е. предлагает свои услуги по ин-

теграции, гарантирует ее выгоду и свое покровительство, но при условии, что за ней сохраняется роль интеграционного центра. Главенство или попытка главенства России в той или иной организации отнюдь не устраняют противоречия, существующие между ее участниками. России непрестанно приходится заботиться о консенсусе между ними, что не всегда удается.

Евразийский союз. Ведущей организацией призван стать Евразийский союз (ЕАС), к формированию которого Россия приступила в 2011 г. Далекой предтечей ЕАС можно считать ЕврАзЭС, в рамках которого и зародилась идея о создании ЕАС. Кроме того, в 2007 г. было принято решение о создании Таможенного союза (ТС) в составе Белоруссии, Казахстана и России. В рамках ТС заработал первый на постсоветском пространстве наднациональный орган – Комиссия Таможенного союза. По словам первого заместителя премьер-министра Казахстана Умирзака Шукеева, объем взаимной торговли между странами ТС только в его стране за девять месяцев 2011 г. вырос на 57% по сравнению с аналогичным периодом 2010 г. С января 2010 г. в рамках ТС был введен единый таможенный тариф, с 1 июля 2011 г. был снят таможенный контроль на внутренних границах между Россией, Казахстаном и Белоруссией.

1 января 2012 г. ТС заработал в полную силу, однако взаимная выгода от него станет ясна только спустя значительное время. Многие решения, касающиеся деятельности ТС, принимались в острой, по выражению Шукеева, «непротокольной» дискуссии. Существует мнение, что в рамках ТС Россия теряет до 1 млрд. долл. ежегодно. Известно и то, что в рамках ТС Россия платит около 90% всех пошлин. Оценка ТС внешними независимыми наблюдателями весьма противоречива. С одной стороны, ТС считается шагом вперед на пути к интеграции, с другой – воспринимается как «своего рода забор, который мы воздвигаем вокруг экономики трех стран». По мнению лидера казахстанской оппозиционной партии «Азат» Булата Абилова, 2/3 населения Казахстана разочарованы вступлением республики в Таможенный союз. Цены на топливо и товары первой необходимости за два года работы ТС выросли на 15%. Оппозиция настаивает на том, что вопрос об участии Казахстана в ТС должен быть решен только после проведения специального референдума.

Отдельную проблему представляет миграция. С 2012 г. в рамках ТС введено свободное движение рабочей силы. Для России и Казахстана это не имеет большого значения. Зато, например, в

Белоруссии заметно вырастет количество выезжающих на заработки в Россию. Разрешение на свободное движение рабочей силы усилит миграционный поток из Киргизстана и Таджикистана, если эти страны присоединятся к ТС. До 2011 г. интеграция ограничивалась по большей части формальным уровнем. Ее воплощению в реальность препятствовали сложности двусторонних отношений России с ее партнерами, в частности в энергетической области, а сама интеграция носила половинчатый и «необязательный» характер. Тактической ошибкой Москвы можно считать то, что в Кремле в течение длительного времени добивались вовлечения в интеграционный процесс как можно большего числа государств. Но постепенно в Москве стали приходить к заключению, что необходимо торопиться и делать больший упор на темп интеграции, ибо замедление неизбежно ведет к ослаблению позиций России.

В ноябре 2011 г. президенты Белоруссии Александр Лукашенко, России Дмитрий Медведев, Казахстана Нурсултан Назарбаев подписали Декларацию о евразийской экономической интеграции, которая в 2015 г. должна привести к созданию Евразийского союза, а также подписанию Договора о Евразийской экономической комиссии. С 1 января 2012 г. эта комиссия стала единым наднациональным, постоянно действующим органом, регламентирующим отношения внутри ТС. Как выразился Путин, речь шла о «превращении интеграции в понятный, привлекательный для граждан и бизнеса, устойчивый и долгосрочный проект, не зависящий от перепадов текущей и любой иной конъюнктуры». Российский президент при этом сделал оговорку, что «речь не идет о том, чтобы в том или ином виде воссоздать СССР».

Безусловно, все три страны заинтересованы в расширении рынка. Однако уже при подписании документов о начале формирования ЕАС политики и экономисты в Казахстане и России поставили вопрос о его целесообразности. Например, по мнению директора Центральноазиатского института свободного рынка Мирсулжана Намазалиева, ТС в первую очередь выгоден России: «Объединяться в такой союз таким небольшим странам, как Киргизстан и Таджикистан или, например, Украина, – необязательно. Да и Казахстан проигрывает, войдя в состав Таможенного союза». Директор алма-атинского Центра актуальных исследований «Альтернатива» Андрей Чеботарев считает, что Евразийский союз наиболее выгоден России, «так как он позволит ей вернуть влияние в Центрально-Азиатском регионе», поскольку «СНГ уже давно утратило свои интеграционные потенциалы...».

В 2011 г. президент Ислам Каримов фактически отверг идею вступления Узбекистана в ЕАС. Он публично высказал подозрение, что для Кремля главная цель создания ЕАС лежит в сфере политики: «К сожалению, кое-где на пространстве бывшего Союза есть определенные силы, которые вынашивают мысли о возрождении в новой форме империи, носившей название СССР...».

Действительно, в Москве предпочитают умалчивать о политическом подтексте ЕАС, утверждая, что будущий Союз носит чисто экономический характер. Экономическое взаимодействие невозможно без политического, а экономическое превосходство России потенциально влечет за собой и политическую гегемонию. Как к этому относятся в Узбекистане, было отмечено выше. Очевидно, что возвращаться под контроль Москвы не хотят и в Казахстане, да и вообще где бы то ни было. В апреле 2012 г. в интервью телеканалу «Вести-24» Назарбаев вновь подчеркнул, что речь идет о создании к 2015 г. только *экономического* (курсив мой. – А. М.) союза.

Касаясь вопроса об использовании ЕАС и ТС как инструментов политической интеграции, российский ученый Алексей Власов замечает, что «постсоветское пространство должно консолидироваться прежде всего экономически, а политически – уже как получится». Казахский аналитик Талгат Мамырайымов считает, что в экономическом плане Киргизстан и Таджикистан не представляют существенного интереса для ТС и России, их включение в ТС несет исключительно геополитическую нагрузку. С еще большей откровенностью высказывается руководитель проекта «Центральная Евразия» (Узбекистан) Владимир Парамонов. Рассуждая о будущем Киргизстана, Парамонов писал, что этой стране «возможно, стоит задуматься над тем, чтобы в рамках интеграционного процесса на постсоветском пространстве поделиться с теми же Россией, Казахстаном и Беларусью частью своего политического, экономического и военного суверенитета, позволив Москве, Астане и Минску сделать то, что сам Бишкек не может или не хочет сделать».

На Западе к новому проекту относятся довольно спокойно, поскольку принято считать, что у России не хватит сил для создания международной организации, способной изменить расстановку сил в Центральной Азии с кардинальным усилением позиций Москвы. Да и экономические возможности России недостаточно велики, чтобы сделать ее безальтернативным партнером для Казахстана и других потенциальных членов ЕАС. С другой стороны,

ЕАС воспринимается как очередная, возможно, последняя попытка России создать подконтрольную ей структуру, еще раз попробовать восстановить – хотя бы частично – былую сферу влияния. Бывший госсекретарь США Хилари Клинтон определила стремление России к интеграции через создание ЕАС и ТС как «движение к советизации региона» (a move to re-Sovietize the region).

Вряд ли старт нового интеграционного проекта окажет радикальное влияние на экономическую ситуацию в Центральной Азии. Очевидно, что он никак не скажется на политической обстановке в странах региона. При всей активности России на этом направлении весьма вероятно, что новый интеграционный проект для Евразии останется таким же фантомом, как и его предыдущая версия – ЕврАзЭС. ЕАС может оказаться «лебединой песней» интеграционной стратегии не только путинского режима, но и, возможно, всей российской политики на постсоветском направлении.

ОДКБ. Если создание ЕАС и ТС Россия мотивирует исключительно экономическими целями, то перед другим сформированным ею объединением – Организацией Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) поставлены собственно политические и военно-политические задачи. После распада СССР первый Договор о коллективной безопасности (ДКБ) подписали 15 мая 1992 г. Армения, Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан и Узбекистан. В 1993 г. к нему присоединились Азербайджан, Беларусь и Грузия. В 1999 г. только шесть стран – Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Россия и Таджикистан подписали протокол о продлении срока своего участия в Договоре на следующий пятилетний период. Азербайджан, Грузия и Узбекистан подписывать Договор отказались. В 2002 г. по инициативе России ДКБ был переименован в Организацию Договора о коллективной безопасности, что добавляло ей солидности, а также претензию на статус, «сопоставимый» с другими влиятельными международными организациями. Переименование ДКБ в ОДКБ закрепляло особое положение России на постсоветском пространстве, особенно в Центральной Азии. К тому же членство в ОДКБ становилось для государств региона своего рода козырем в общении с внешними игроками, прежде всего с США. Например, когда президент Узбекистана Ислам Каримов подвергся серьезнейшей критике за жестокое подавление волнений в Андижане в 2005 г., он «обиделся» на Вашингтон и понизил уровень отношений с Америкой, демонстративно присоединившись к ОДКБ.

Главными целями ОДКБ, согласно ее Уставу, является «укрепление мира и региональной безопасности, защита на коллективной основе независимости, территориальной целостности государств-членов...». Среди основных направлений – «борьба с международным терроризмом и экстремизмом, незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, оружия, с организованной транснациональной преступностью, нелегальной миграцией и другими угрозами...». В какой мере ОДКБ способна выполнять такие задачи, не вполне ясно, поскольку в военных конфликтах Организация ни разу не участвовала, наркотрафик продолжает расти, а проблемы нелегальной миграции только усугубляются.

В 2009 г. члены ОДКБ приняли решение о создании Коллективных сил оперативного развертывания (КСОР), задачи которых практически тождественны задачам самой ОДКБ и заключаются в отражении внешней агрессии, борьбе с терроризмом и экстремизмом, наркотрафиком, ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. Общая численность контингента КСОР составляет около 4 тыс. человек. Контингент включает в себя высокомобильные воинские подразделения, оснащенные тяжелой боевой техникой. Авиационное прикрытие осуществляется десятью самолетами и 14 вертолетами, базирующимися в Канте (Киргизстан).

Узбекистан, чьи отношения с Западом стали улучшаться, приглашение о создании КСОР не подписал. Ташкент также выступил против предложения Казахстана подключить к КСОР национальные министерства по чрезвычайным ситуациям, министерства внутренних дел и спецслужбы, а заодно заявил, что узбекские военные будут делегироваться в КСОР лишь для проведения отдельных операций.

Одним из преимуществ членства в ОДКБ является то, что страны, вошедшие в её состав, закупают российское вооружение и специальную технику по внутренним российским ценам. Помимо выгодной цены для участников ОДКБ важно, что это оружие просто в обращении и не требует переучивания, поскольку хорошо знакомо центральноазиатским офицерам со времен СССР. Проблема в том, что «советско-российское» оружие быстро устаревает. Если при оснащении своих армий центральноазиатские государства принимают во внимание вероятность масштабных боевых действий – а полностью исключить военные конфликты между странами СНГ нельзя, – то, в конечном счете, они обратятся к тем, кто может предоставить более эффективное оружие. Как источник военно-технической помощи Россия со временем может

лишиться монополии, и подобная перспектива ограничивает привлекательность ОДКБ. Падению интереса к российскому оружию способствует и то, что после вывода своих войск из Афганистана США готовы передать центральноазиатским странам некоторое количество своей боевой техники.

ОДКБ можно считать гарантией сохранения на постсоветском пространстве российских военных объектов. В Казахстане это действующий космодром «Байконур», а также испытательный полигон стратегических противовоздушных и противоракетных войск в Сары-Шагане; в Киргизии – база ВВС в Канте и испытательная база торпедного оружия в Караколе на озере Иссык-Куль; в Таджикистане – 4-я военная база и оптоволоконный комплекс «Окно».

Генеральный секретарь ОДКБ Николай Бордюжа считает, что ситуация в Центральной Азии продолжает накаляться и «государства ОДКБ могут в любой момент оказаться один на один с та-либами». В феврале 2009 г. на саммите в Москве было принято решение, что КСОР будут реагировать на внешние угрозы, в том числе исходящие от Афганистана и Пакистана. Хотя такой поворот событий полностью не исключен, нельзя не признать, что он все же маловероятен. Из всех членов ОДКБ Афганистан имеет непосредственную границу только с Таджикистаном. Следовательно, в случае гипотетического вторжения в Узбекистан и, что совсем уж невероятно, в Туркменистан этим странам придется отражать его собственными силами.

При создании ОДКБ ее устав не предусматривал возможность вмешательства во внутренние дела стран-участниц, даже при возникновении там острых кризисных ситуаций. Резня на юге Киргизии в 2010 г. подчеркнула слабость ОДКБ, поскольку Организация не имеет возможности предотвращать подобного рода конфликты и разрешать их. Это послужило поводом для Москвы выступить с предложением расширить функции ОДКБ, с тем чтобы мандат Организации включал в себя поддержание внутренней стабильности в странах, входящих в ее состав. Тем более что к концу 2010 г. была разработана новая «стратегия кризисного реагирования», предусматривающая коллективные действия для «защиты безопасности, стабильности, территориальной целостности и суверенитета государств – членов ОДКБ, а также совместного противодействия вызовам и угрозам коллективной безопасности и ликвидации чрезвычайных ситуаций».

Стремление России задействовать ОДКБ для поддержания прочности режимов в тех странах, которые являются ее членами,

вполне объяснимо. Нынешние режимы, несмотря на возникающие между ними и российским руководством разногласия, Москву в целом устраивают. Со своей стороны, в центральноазиатских государствах рассчитывают, что Москва, напуганная «цветными революциями» 2000-х годов, а затем и «арабской весной», в критический момент готова поддержать правительства стран Центральной Азии. В декабре 2011 г. на заседании Совета коллективной безопасности ОДКБ было принято «Положение о порядке реагирования государств – членов ОДКБ на чрезвычайные ситуации», в котором, в частности, оговорена возможность привлечения сил и средств КСОР в случае возникновения ситуации, которая не может быть ликвидирована силами и средствами государства – члена ОДКБ, на территории которого она произошла. Таким образом, в руках у России оказывается инструмент для легитимного вмешательства в дела партнеров по ОДКБ.

Международные организации, созданные усилиями России в Центральной Азии, не способны переломить главную тенденцию – снижение российского влияния в регионе. Экономические связи с Россией ослабевают, и теперь Москва возлагает главную надежду на создаваемый ею Евразийский союз. По замечанию российского эксперта Андрея Грозина, «у самих республик Центральной Азии нет конкретной и продуманной стратегии по отношению... к региональным военно-политическим проектам». Зачастую они воспринимают эти блоки как «крышу на всякий случай», причем имеется в виду не внешняя агрессия, а необходимость отразить внутреннюю угрозу, в первую очередь со стороны радикальной исламистской оппозиции.

Теоретически интерес к российско-центральноазиатскому сотрудничеству мог бы возродиться, если бы местные деловые элиты поверили в то, что участие в соответствующих проектах сулит им реальную выгоду. Тогда на постсоветском пространстве могла бы сформироваться некая единая евразийская бизнес-элита, способная стать мотором кооперации. Но привлекательность российских проектов для Центральной Азии далеко не безусловна. Взаимодействие просматривается только на государственном уровне и всецело зависит от позиции тех политиков, которые сегодня находятся у власти. Политические устремления Кремля не всегда совпадают и с интересами российской бизнес-элиты, у которой нет геополитических амбиций, поскольку «она все измеряет деньгами, лежащими в западных банках... К жесткой борьбе за доступ к ним [азиатским ресурсам] она не готова».

Российская внешняя политика «минимизируется»

На сегодняшний день в мире нет такого региона, где Россия может на деле выступать в качестве преемницы СССР. Об этом можно судить, в частности, по недавним событиям на Ближнем Востоке, где российское влияние свелось к поддержке режима Башара Асада в Сирии. Впрочем, весной 2013 г., после визита в Москву госсекретаря США Джона Керри, Россия, похоже, готова к тому, чтобы изменить свою позицию на более гибкую, свидетельством чему стало решение о проведении под эгидой России и США широкой многосторонней конференции с участием всех конфликтующих в Сирии сил.

Разумеется, вес России в Центральной Азии значительно превосходит ее вес в арабском мире, но и в Центрально-Азиатском регионе российское влияние сокращается. Уже сегодня очевидно, что полноценное сотрудничество России со всеми странами региона осталось в прошлом. Скорее всего, оно будет сосредоточено на двух странах – Казахстане и Киргизстане, с возможным присоединением Таджикистана. К тому же, наращивая свое влияние в одном государстве Центральной Азии, Россия может потерять его в другом. Тем временем в Центрально-Азиатском регионе активно работают новые силы. «В первый раз за несколько столетий, – пишет Игорь Иванов, – континентальное окружение России в Евразии (в первую очередь Китай и Индия) оказывается более успешным и динамичным, чем сама Россия...»

На этом фоне серьезнейшей проблемой для российской дипломатии является острый недостаток профессиональных кадров, разбирающихся в хитросплетениях Центрально-Азиатского региона и владеющих местными языками (тогда как в Соединенных Штатах подготовка такого рода специалистов систематически ведется уже много лет).

Наконец, во всех центральноазиатских странах вполне вероятно смена режимов, и ни в одной из них к власти уже не придут политики, безраздельно ориентирующиеся на Россию. Это сулит России новые трудности, тем более что Москва сделала слишком мало (или не сделала ничего), чтобы создать и укрепить пророссийское лобби среди молодого поколения политиков.

*«Pro et Contra», М., 2013 г.,
январь–апрель, с. 21–33.*

Дина Малышева,
доктор политических наук (ИМЭМО РАН)
**НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ РЕГИОНАЛЬНОЕ
ЛИДЕРСТВО ТУРЦИИ**

Сирийский кризис, в котором Турция сыграла на стороне антиасадовских сил и фактически в тандеме с исламистами-террористами, воюющими против законного правительства Сирии, показал несостоятельность притязаний Турции на роль регионального лидера. Противоречащими ближневосточным реалиям оказались и заверения министра иностранных дел Турции А. Давутоглу (рассчитанные, главным образом, на внутреннюю – турецкую аудиторию) об отсутствии у Турции проблем с соседями и о том, что сама Турция, где у власти находятся «умеренные исламисты», является своего рода моделью для арабского мира.

Не выглядят убедительными и притязания Турции на титул «защитницы ислама», после того как в сирийских событиях Турция выступила на стороне Саудовской Аравии и Катара в их противостоянии с шиитами и алавитами и четко определила, таким образом, свою солидарность с суннитами. Напомним, что мусульмане Турции – преимущественно сунниты, а местные алавиты (алави) – религиозное меньшинство, представители которого не занимают в отличие от их братьев по вере в Сирии каких-либо влиятельных позиций. Трудно, кроме того, представить себе, чтобы арабский ислам вообще когда-либо принял турецкое лидерство. По-разному смотрят в Турции и США на перспективы разных религиозных общин в «постреволюционной» Сирии. Хотя США и сотрудничают с Турцией по Сирии, где их общей целью стало свержение режима Б. Асада, Вашингтон настаивает на том, что любой исход сирийского кризиса должен гарантировать религиозный и этнический плюрализм. Турция же, занятая налаживанием тесных связей с ведущей силой суннитской оппозиции в Сирии –

«Братьями-мусульманами», стремится максимально ограничить сирийских курдов в их правах и сурово наказать поддерживающее Асада алавитское меньшинство, которое Турция считает своим врагом.

Сирийский кризис стал также еще одним доказательством тщетности усилий Турции по позиционированию себя в качестве независимого и нейтрального посредника в ближневосточных конфликтах.

Посредничеству в споре Запада с Ираном по поводу его ядерной проблемы, а также и добрососедским отношениям с Ираном (особенно в энергетической сфере) Турция предпочла политику, направленную на максимальное ослабление позиций Ирана в регионе. Это едва ли соотносится с первоочередными национальными интересами Турции, но зато полностью совпадает со стратегическими целями аравийских монархий, стремящихся для начала уничтожить режим Асада как главного союзника Ирана (который инвестировал, по некоторым сведениям, в Сирию более 1 млрд. американских долларов), а затем взяться и за сам Иран.

В то же время следует принять во внимание, что саудовско-катаровско-турецкий антииранский альянс носит во многом ситуативный характер, ибо аравийские монархи не доверяют ни Ирану, ни Турции. В поддержании же тесных контактов с ними заинтересован, прежде всего, Р. Эрдоган, который готовится к президентским выборам 2013 г., после которых Турция, возможно, станет президентской республикой, тем более что, по наблюдениям большинства аналитиков, серьезных конкурентов у Эрдогана нет. Сам же он заинтересован в поддержке мелких и средних предпринимателей Анатолии, являющихся электоральной базой и источником финансирования премьер-министра Турции и его Партии справедливости и развития. А эти предприниматели активно работают, по свидетельству армянского политолога А. Шакаряна, с саудовскими и катарскими капиталами, что позволило им избежать многих негативных последствий мирового экономического кризиса.

В декабре 2012 г. Турция дала разрешение на размещение на своей территории в районе границы с Сирией четырех противоракетных комплексов «Пэтриот». Турецкое руководство связало свой запрос с тем, что на территории страны участились попадания снарядов, выпущенных в Сирии, поскольку бои в арабской республике идут на самой границе двух государств. Однако есть подозрение, что эти комплексы направлены не столько против Си-

рии, сколько против Ирана (а по умолчанию – и против России), и Турция, таким образом, объективно подыграла антисирийским, антииранским, антироссийским силам в НАТО. Это говорит о том, что проводившаяся в последние годы турецким руководством политика демонстративного дистанцирования от НАТО была всего лишь дипломатической игрой, и Турция, как и во времена «холодной войны», остается форпостом Североатлантического альянса на Ближнем Востоке. Связи с НАТО выгодны Анкаре еще и из-за соседства с Россией, с которой Турция конкурирует в Черноморско-Каспийском регионе. Но слишком тесное сотрудничество с НАТО ставит Турцию перед непростым выбором в случае, если все-таки начнется война с Ираном. Последний является еще более серьезным военным противником, нежели маленькая Сирия, армии которой тем не менее второй год удается отражать нападение поддерживаемых и вооружаемых Западом, Турцией и аравийскими монархиями транснациональных вооруженных формирований. Так что для Турции последствия гипотетического военного конфликта Израиля / Запада с Ираном могут оказаться весьма болезненными, если рассматривать как серьезную угрозу предупреждение Тегерана о том, что в случае нападения на Иран его первые контрудары будут нанесены по размещенным в Турции и Азербайджане базам и опорным пунктам НАТО.

То, что Турция не является в Ближневосточном регионе полностью самостоятельным игроком, подтверждают события, связанные с израильской военной операцией в секторе Газа «Облачный столп» (14–20 ноября 2012 г.), направленной на уничтожение военной инфраструктуры правящего в Газе исламистского движения ХАМАС и предотвращение ракетных обстрелов территории Израиля. Турецкая дипломатия никак не смогла проявить себя в качестве переговорщика в этом конфликте вследствие испорченных задолго до того израильско-турецких отношений. Так что по завершении этой военной операции Израиля не прямые переговоры между ним и представителями ХАМАС прошли в Каире под патронажем президента Египта Мухаммеда Мурси. Это вернуло статус ведущего регионального игрока именно Египту, который и ранее активно участвовал в процессе примирения между ФАТХ и ХАМАС, а также между Израилем и палестинцами.

Ахиллесовой пятой Турции по-прежнему остается неурегулированная курдская проблема, которая сохранила свою остроту и в 2012 г., приобретя региональное измерение. Речь идет о влиянии на юго-восточные районы Турции конфликта в соседней Сирии: в

ее северных районах активизировались местные курды, стремящиеся к созданию автономии по образцу Иракского Курдистана, или официально – «Курдского района Ирака», имеющего по новой конституции Ирака статус автономии, но де-факто являющегося полунезависимым государственным образованием в составе Ирака. Дабы предотвратить подобное развитие событий, Турция облегчила проникновение отрядов так называемой «свободной сирийской армии» и других вооруженных формирований сирийской оппозиции в богатые нефтью северные провинции Сирии – Алеппо и Хасака, где ситуацию контролируют курдские союзы народной обороны, близкие к курдской Партии Демократического союза (ПДС). Ее считают сирийским отделением турецкой Рабочей партии Курдистана (РПК), но сама ПДС отрицает эту связь из опасения быть включенной наряду с РПК в список международных террористических организаций.

Турция открыто не возражала против создания в Сирии курдской автономии и даже установила хорошие отношения с Курдским национальным советом Сирии (КНС) ввиду того, что он занял в целом нейтральную позицию в сирийском конфликте – не поддержал Асада, но и не воевал против него. Тем не менее у Турции имеются серьезные основания опасаться появления на своих границах наряду с Иракским Курдистаном еще и Курдистана сирийского и, главное, усиления там влияния ПДС и РПК, на которых Анкара и натравливает боевиков сирийской вооруженной оппозиции. Однако это грозит Турции осложнением отношений с покровительствующим КНС президентом «Курдского района Ирака» Масудом Барзани, участвующим в создании курдской автономии на сирийской территории. В июле 2012 г. он организовал в Эрбиле встречу руководства КНС с лидерами ПДС и объявил, что в случае их объединения он поддержит сирийских курдов. С точки зрения дальнейших перспектив это сулит Турции обострение противоречий, причем не только с курдами, но и с алавитами, учитывая, что в Ливане шииты выступили в поддержку своих единоверцев – алавитов, в то время как местные сунниты, напротив, высказались в пользу сирийской оппозиции. То, что Турция самым непосредственным образом оказалась втянута во внутрирелигиозные и внутриэтнические распри на Ближнем Востоке, создает угрозу ее собственной стабильности и территориальной целостности.

Помимо проблем со своим ближневосточным окружением, 2012 г. не принес Турции особых успехов в реализации одной из

целей ее внешней политики – стать энергетическим мостом между Востоком и Западом. Главная причина пробуксовки в этом направлении – зависимость Турции от газовых и нефтяных поставок из Ирана и России, отношения с которыми были испорчены из-за сирийского вопроса, в котором Турция и Иран с Россией оказались по разные стороны баррикад. К осени 2012 г. отношения между Россией и Турцией приобрели настолько натянутый характер, что это привело к переносу запланированного официального визита Президента РФ В.В. Путина в Турцию с октября на декабрь. Ранее лидер правящей Партии справедливости и развития Р. Эрдоган в своем выступлении на состоявшемся 30 сентября съезде партии отнес Россию к странам, которым «история не простит за содействие кровавому сирийскому режиму». А 10 октября турецкие ВВС принудили к посадке пассажирский самолет, следовавший из Москвы в Дамаск. В дальнейшем попытки склонить Россию к компромиссу по сирийскому вопросу закончились безрезультатно, как несостоятельными оказались и расчеты Турции и ее партнеров по антисирийской коалиции на скорое падение режима Б. Асада. Не удивительно, что состоявшийся все же 3 декабря визит президента России в Турцию и его переговоры с премьером Эрдоганом завершились лишь обменом мнений по сирийской проблеме, но ни к чему конкретному не привели, поскольку каждая из сторон осталась на своих позициях.

Что касается энергетического сотрудничества Турции и России, то оно тоже дало сбой. 7 декабря 2012 г., когда в Анапе был дан старт строительству морского участка газопровода «Южный поток» – одного из крупнейших в мире инфраструктурных проектов, который Россия вместе со странами-партнерами прокладывает по дну Черного моря, – официальная Анкара демонстративно объявила об отказе присоединиться к этому проекту и намерении участвовать в проектах Nabucco West и TANAP (Trans-Anatolian gas pipeline), планируемых к прокладке в обход России. Шансы последних на реализацию в ближайшие годы весьма призрачны, и шаги турецкого правительства в поддержку этих проектов могут быть объяснены не столько экономической выгодой, сколько политической конъюнктурой – желанием добиться благосклонности ЕС, куда Турция многие годы стремится попасть, намерением проявить солидарность с теми политиками в Европе, кто призывает к максимальному ослаблению зависимости Европы от «энергетических путей» России.

Таким образом, экономические отношения между Россией и Турцией на сегодня ограничиваются сферой бизнеса, туризма, торговли, строительства и атомной энергетики. А вот в политическом плане они останутся достаточно сложными. Ведь ко всему прочему Турция исторически являлась конкурентом России и таковым остается. Причем не только на Ближнем Востоке, но и на постсоветском пространстве, где Турция не довольствуется лишь областью культурного взаимодействия с народами, исповедующими ислам, а стремится к региональному лидерству, пытается оказывать выгодное для себя влияние на религиозно-политические процессы, происходящие и в российской «умме» – северокавказской, татарской и др.

Идеология «неоосманлизма» (Neo-Osmanlıcilik), ставшая в последние годы стержнем внутренней и внешней политики Турции, нацеливает ее на превращение в одну из ключевых стран Ближнего Востока и Кавказско-Каспийского региона, на обретение ею собственных «балканского», «кавказского», «среднеазиатского» измерений. Однако такая политика неизбежно будет вступать в противоречие с интересами России, а также других региональных и глобальных игроков. Что касается перспектив этого амбициозного внешнеполитического проекта, то опыт 2012 г. показывает, что реализовать его Турции будет не просто. Несмотря на возросшие амбиции Турции, ее внешнеэкономический и внешнеполитический потенциал во многом лимитируется ее собственными серьезными внутренними проблемами, на преодоление которых понадобится и время, и благоприятные внешние факторы.

*«Север–Юг–Россия. Ежегодник РАН.
ИМЭМО РАН», М., 2013 г., с. 99–103.*

А. Умнов,
востоковед

ИРАН В СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

В прошедшем году Иран продолжил осуществлять свою ядерную программу, несмотря на давление извне. Преследовались и другие цели внешнеполитического курса, сформулированные при президентстве Ахмадинежада и, как правило, оформленные радикальными лозунгами. Такая последовательность и такой внешний радикализм нуждаются в объяснении.

Свергнувшая шахский режим исламская революция, на первый взгляд, превратила ислам в определяющий фактор внешней и внутренней политики Ирана. Между тем, если присмотреться внимательнее, можно обнаружить, что в исламской упаковке действуют прежние региональные и этнические ориентиры. Курс на союз с США заменил антиамериканизм. Но в рамках этого глобального сдвига нетрудно заметить то же стремление защищать специфические государственные интересы, что и во времена союза с Вашингтоном. Более того, в ряде случаев именно исламская форма и радикальная смена взаимоотношений с Соединенными Штатами позволили защищать их значительно успешнее, чем при шахе.

Фанатичный антиамериканизм, типичный для первых лет после свержения шаха, – результат не только и не столько той роли, которую играли здесь Соединенные Штаты. Сама Исламская Республика в целях воссоздания единства иранского общества оказалась глубоко заинтересованной в постоянном воинствующем противопоставлении себя светским государственным системам, ярчайшим символом которых для иранцев и стали США. В этом контексте и следует рассматривать ядерную программу Ирана, поставившую его на грань конфликта с мировым сообществом.

Скрытый за ширмой фанатизма прагматизм легко обнаружить и в подходе лидеров исламской революции к палестинской проблеме. Как известно, после свержения шаха иранская позиция в этом вопросе кардинально поменялась – из произраильской превратилась в антиизраильскую. Исламское руководство Ирана не только не поддерживает каких-либо связей с Израилем, но и отказывается признать его в любых границах. И это притом, что в отличие от шахских времен некоторые арабские страны признали, а многие готовы признать еврейское государство. Казалось, позицию Исламской Республики можно объяснить лишь фанатизмом. Но если рассматривать ситуацию с точки зрения традиционного противостояния Ирана и панарабизма, то эта позиция, напротив, представляется прагматичной.

Как известно, одновременно с крахом объединительных планов арабских государств Восточного Средиземноморья (Египта, Сирии, Ливии) и разрушением общего фронта арабов против Израиля панарабизм постепенно набирал силу в странах Персидского залива. Именно здесь семь арабских княжеств создали прочное межгосударственное образование – Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ), до сих пор единственную успешно действующую конфедерацию в мире. Впоследствии эта конфедерация вместе с

пятью другими арабскими монархиями района, во главе с Саудовской Аравией и Кувейтом, образовала Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), координирующий усилия в экономике и политике (в частности, в военной сфере).

Тенденция смещения фокуса панарабизма с Палестины на Персидский залив (который в арабских странах называют Арабским) сопровождалась заменой главных внешнеполитических покровителей движения (вместо СССР на Соединенные Штаты) и его основных противников (место Израиля занял Иран). Откровенно антииранская направленность местного панарабизма проявилась в ирано-иракской войне. Начавший военные действия Багдад, получив поддержку арабских монархов, открыто заявил о стремлении в борьбе с Тегераном защитить общеарабские интересы. Хотя война не принесла победы Ираку, она наглядно продемонстрировала, где находится внешняя угроза. Правда, во время войны иранские арабы, несмотря на все призывы Багдада, сохранили верность Тегерану. Но, во-первых, неизвестно, какие формы арабский вопрос внутри Ирана примет завтра, а, во-вторых, любые панарабистские акции в Персидском заливе, даже прямо не направленные против Тегерана, косвенно ослабляют его позиции в крайне важном в экономическом и военном отношении районе. Именно поэтому Иран резко реагировал на попытку Ирака «воссоединиться» с Кувейтом, несмотря на то, что главной силой, противостоящей Багдаду, выступили Соединенные Штаты.

Здесь же, как представляется, заключается и основная причина непримиримой позиции Тегерана в палестинской проблеме. Поддерживая непримиримых среди арабов, Тегеран стремится предотвратить или, по крайней мере, отдалить установление мира между арабскими странами и Израилем, так как урегулирование арабо-израильского конфликта перенесет главный фокус панарабизма с Палестины на Персидский залив.

Не меньший прагматизм исламский Иран проявил и в отношении Советского Союза. Открыто называя нашу страну «малым сатаной» (в отличие от «большого сатаны» – США) и подавляя местных коммунистов, Тегеран в то же время фактически опирался на Москву в противостоянии с Вашингтоном. Такое маневрирование позволяло получить максимум свободы действий во взаимоотношениях с обеими сверхдержавами.

Скончавшийся в конце 80-х годов XX в. Хомейни, как явствует из его «Завещания», считал советско-американскую конфронтацию долговременной тенденцией мирового развития. Стре-

мительное исчезновение казавшегося монолитным Советского Союза, превращение США в единственную сверхдержаву, появление на месте бывшего советского Юга новых государств заставили преемников Хомейни серьезно скорректировать свою внешнюю политику, причем иногда в весьма неожиданных направлениях. Так, вместо ожидаемых призывов покончить с наследием атеистической сверхдержавы (проведенными коммунистами государственными границами, военным присутствием Москвы) и поддержки борьбы местных мусульман против «неверных», Иран занял противоположную позицию. В вопросе о судьбе компактно населенной армянами части постсоветского Азербайджана (Карабаха) он по существу оказался (хотя и не безоговорочно) на стороне христианской Армении. В Таджикистане иранцы не стали поддерживать исламскую оппозицию против «прокоммунистического» режима. Одновременно Тегеран недвусмысленно проявил себя не меньшим, если не большим, сторонником военного присутствия России на бывшем советском Юге (Южном Кавказе и в Центральной Азии), чем сама Москва.

Наиболее простое объяснение «непоследовательности» Ирана – конъюнктурный поиск любых противовесов оставшейся единственной сверхдержаве – США. Но такого объяснения явно недостаточно. Военное присутствие России на Южном Кавказе и в Центральной Азии сегодня, после антикоммунистического, антиимперского переворота в Москве и распада СССР, не представляет угрозы ни для Вашингтона, ни для его союзников. Еще меньшей опорой антиамериканизма представляются Ереван и тем более Душанбе.

Правда, определенный резон в добрососедских отношениях с бывшим советским Югом, с точки зрения иранского противостояния с Соединенными Штатами, действительно существует. Экономическая блокада, которой Вашингтон пытается подвергнуть Тегеран, безусловно, увеличивает заинтересованность Ирана в союзниках и партнерах на севере. Но если такое объяснение еще можно принять в отношении Туркмении, соединившей свою железнодорожную сеть с иранской, то в отношении Армении и Таджикистана нет. Ведь на Южном Кавказе примыкающий к Каспийскому морю и граничащий с Россией Азербайджан, с точки зрения торгово-экономических связей, безусловно, более ценен, чем не имеющая выхода к морю и не граничащая с Россией Армения. Что же касается Таджикистана, то он, не имея общей границы ни с Ираном, ни с Россией, вообще находится на обочине путей, иду-

щих через Центральную Азию. Поэтому основную пружину политики Ирана на бывшем советском Юге целесообразно искать не в антиамериканизме или торгово-экономических интересах, а в чем-то ином.

Как известно, после ухода в прошлое и СССР, и советско-американской конфронтации Тегеран, прежде маневрировавший между двумя сверхдержавами, оказался перед лицом принципиально новых вызовов. Главный из них – серьезные (реальные или потенциальные) этнические сдвиги вокруг Ирана, которые могут поставить под вопрос его государственное единство. Прежде всего это касается северных границ, где вместо единого тоталитарного государства с преобладанием славянского населения появились Азербайджан, Армения, Туркмения. Более того, в их непосредственном «тылу» оказались и другие республики бывшего советского Юга: Грузия, Узбекистан, Таджикистан, Киргизия, Казахстан. Раньше единственным суверенным тюркским государством выступала Турция, своим откровенно светским устройством и союзом с США противостоявшая Ирану. Теперь же тюркских государств стало шесть: Турция, Азербайджан, Туркмения, Узбекистан, Киргизия, Казахстан.

Таким образом, на севере и северо-западе Ирана возникла почти сплошная «тюркская дуга», которую разрывает лишь небольшой участок ирано-армянской границы. Конечно, еще одним просветом можно считать Каспийское море, до недавнего времени совместное владение прибрежных государств – Ирана, Азербайджана, Туркмении, Казахстана и России. Но набирающая силу тенденция раздела Каспия между ними фактически замыкает «тюркскую дугу» и здесь. Все это не может не тревожить Иран, тем более что после распада СССР заложенный при создании тюркских советских республик механизм «этнической ориентации» в южном направлении может заработать уже самостоятельно. Это ярко проявилось в постсоветском Азербайджане, лидеры которого, переименовав азербайджанский язык в тюркский, открыто заявили о принадлежности своей страны к тюркскому миру.

Конечно, пантюркизм, понимаемый как объединение всех тюрков в одном государстве, – утопия. Но как координация позиций по каким-то вопросам (скажем, Карабаху или Иранскому Азербайджану) он возможен. Этого не могут не понимать лидеры Ирана. Естественно, в армяно-азербайджанском противостоянии они фактически поддерживают армянскую сторону, этническая

ориентация которой направлена не против Ирана, а против постсоветского Азербайджана.

В своем противостоянии пантюркизму и панарабизму Тегеран пытается опереться на паниранизм и панисламизм. Как известно, народы, связанные с Ираном общностью или близостью языка, живут и в других государствах Ближнего и Среднего Востока, Центральной Азии. Это курды Турции и Ирака, таджики Таджикистана и Афганистана, пуштуны Афганистана и Пакистана. На фоне роста этнической нестабильности по всему периметру своих границ Тегеран, естественно, наблюдает за происходящим в «Большом Иране» с особым интересом. Ведь культурная близость этих народов может как укрепить, так и подорвать внешнеполитические позиции иранского государства. Так, иракские курды благодаря американскому вмешательству в Ираке сегодня пользуются широкой автономией. Связывая свои надежды с США, они, конечно, не могут служить базой иранского влияния. Не в состоянии играть такую роль и турецкие курды. Ведя вооруженную борьбу с американской союзницей Анкарой, они сохраняют приверженность левым светским идеям, откровенно враждебным государственному устройству Ирана. Кроме того, использовать «курдскую карту» Тегерану всегда мешали собственные курды, которые в борьбе против властей также прибегали к помощи внешних сил.

Пуштуны же вообще никогда не отличались симпатиями к Тегерану. Более того, составляя значительную часть населения Пакистана и играя ведущую роль в Афганистане, они всегда решительно отвергали претензии Тегерана даже на «культурную гегемонию». Поэтому единственной естественной зоной влияния Ирана после распада СССР стали районы расселения таджиков в Центральной Азии и Афганистане. Таджикистан, еще недавно неотъемлемая часть советской Центральной Азии, превратился в суверенное государство. В Афганистане после многолетней борьбы с коммунистами, массовой миграции местных пуштунов в Пакистан и свержения американцами в основе пуштунского движения «Талибан» таджики вышли на первый план. Все это не могло не радовать Тегеран. Но радость сопровождалась немалыми опасениями. Межклановая война в Таджикистане, вытеснившая часть местного населения в соседний Афганистан, подрывала государственное единство обоих государств. «Воссоединение» таджиков по обе стороны афгано-таджикской границы могло привести к такому соотношению между противоборствующими кланами в Таджики-

стане, а также таджиками и пуштунами в Афганистане, которого обе страны не выдержали бы. Волны от возможной дезинтеграции Таджикистана через распад Афганистана и последующий «взрыв» афгано-пакистанской границы «воссоединением» пуштунов Афганистана и Пакистана дестабилизировали бы весь восточный фланг Ирана. Более того, распад Таджикистана нанес бы прямой удар по интересам Тегерана, во-первых, самим фактом исчезновения независимого государства таджиков, а во-вторых, возможным сохранением его, но уже под тюркским контролем. Оказавшись перед лицом дезинтеграции Таджикистана, граничащий с ним и частично населенный также таджиками Узбекистан, скорее всего, был бы вынужден ввести в страну свои войска. Причем как успех, так и неудача действий Ташкента (и как вероятное следствие дестабилизация самого Узбекистана) явно не в интересах Ирана.

На первый взгляд, нейтрализации всех подобных угроз Тегеран мог добиться, опираясь на панисламизм, призывающий к политическому объединению мусульман всех стран. Действительно, разве Иран – воплощение победившей исламской революции – не выступает естественным центром для всех истинных приверженцев мусульманской религии, где бы то ни было? Несмотря на внешнюю логичность подобных рассуждений, они далеки от реальности.

Сам ислам, как отмечалось, расколот на противостоящие течения суннитов и шиитов. В свою очередь, те и другие делятся на более мелкие объединения правоверных, также находящиеся друг с другом в сложных взаимоотношениях. К тому же интерпретации даже одного направления ислама различными этническими группами, как правило, резко отличны. Поэтому возможности Ирана, одной из немногих мусульманских стран с большинством шиитов, оказывать определяющее влияние на процесс политизации ислама в современном мире на деле весьма ограничены. Свидетельством тому служат в целом весьма неприязненные отношения между Тегераном и объединившим на определенном этапе почти весь Афганистан религиозно-политическим суннитским движением «Талибан».

Как известно, исламские фундаменталисты среди суннитов считают исламскую революцию в Иране лишь предпосылкой к подлинному возрождению ислама, возможному лишь на базе их собственной интерпретации этой религии. На таком фоне, кстати, весьма сомнительна искренняя заинтересованность Тегерана в успехе исламских революций в других мусульманских государствах. Руководимые суннитами-фундаменталистами такие государства

неизбежно подорвут ту, пусть и небезоговорочную, монополию на святость в мусульманском мире, которой сегодня, несмотря на раскол между суннитами и шиитами, все же пользуется Тегеран. Отсюда понятно в целом довольно прохладное отношение Ирана к так называемой «арабской весне», усиливающей позиции фундаменталистов-суннитов. Причем в случае с Сирией, где у власти находятся представители шиитской секты алавитов, оно носит откровенно враждебный характер. Поэтому, как ни кажется, на первый взгляд, парадоксальным, возможности Исламской Республики Иран опереться на панисламизм невелики.

Показательно, что свержение режима талибов в Афганистане США и их союзниками было встречено в Тегеране с противоречивыми чувствами. С одной стороны, Вашингтон (противостояние с которым – одна из основ внешней политики Исламской Республики) разместил свои воинские подразделения в соседней стране, с другой – резко ослабло движение, прямо бросившее вызов Ирану на религиозно-политическом поле. В этих условиях одним из главных, если не главным союзником Тегерана выступает Россия. Ее военное присутствие в Центральной Азии сдерживает процессы, которые, предоставленные сами себе, могут сильно ударить по Ирану. Наиболее ярко это проявляется в Таджикистане, до сих пор остающемся единым благодаря Москве.

Не случайно именно постсоветский Азербайджан, где нет российских солдат, внушает сегодня серьезные опасения иранским политикам. Как Тегеран, так и Москва жизненно заинтересованы в предотвращении и разрешении этнических кризисов на бывшей периферии советской империи, основы которых заложили коммунистические стратеги. И именно в этом, а отнюдь не в антиамериканизме, основа сотрудничества обеих стран.

*«Север–Юг–Россия. Ежегодник РАН.
ИМЭМО РАН», М., 2013 г., с. 99–107.*

В. Белокреницкий,

востоковед

**СТАНОВЛЕНИЕ И РОЛЬ ГРАЖДАНСКОГО
ОБЩЕСТВА В ПАКИСТАНЕ
(ДЕФИНИЦИИ, ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ)**

Гражданское общество – достаточно старое понятие, переживающее с последних десятилетий прошлого века второе рождение

ние. Его истоки находят у античных мыслителей (Сократа, Платона, Аристотеля) и в произведениях крупнейших представителей философии и науки эпох Возрождения и Просвещения, прежде всего у Э. де Ваттеля и И. Канта. В литературе того времени встречаются как позитивные, так и негативные оценки обозначаемого им феномена (последние, например, у Г. Гегеля). Считается, что гражданское общество – продукт эпохи европейского абсолютизма и Просвещения XVIII в. В XIX в. термин имел довольно широкое хождение, но на протяжении большей части прошлого столетия употреблялся редко.

Новую популярность он получил в западной науке в конце 80-х – начале 90-х годов XX в., на последнем этапе «холодной войны» и после ее окончания. К известным работам того периода относится книга А. Селигмена «Идея гражданского общества». В предисловии к ней гражданское общество определяется как «общественное пространство», в котором «свободные самостоятельные индивидуумы выдвигают права на удовлетворение своих потребностей и личной автономии». Использование гегелевской терминологии не помешало автору высоко оценить само явление, укреплявшееся на выходе из «холодной войны» в Западной и особенно Восточной (Восточно-Центральной) Европе. В дальнейшем о гражданском обществе писали многие другие авторы, причем применительно как к экономически развитым и переходным (бывшим социалистическим), так и менее развитым, незападным, в том числе восточным, азиатско-африканским странам.

Между тем акцент, сделанный в вышеприведенном определении на личных правах, весьма мало соответствует традициям незападных обществ. Преодолевая этот ограничитель, представители либеральной (и в то же время релятивистской) политической мысли пытались найти общие для разных культур, цивилизаций, укладов жизни и систем ценностей основания для универсального, «глобального» гражданского общества. Главным таким основанием ряд влиятельных авторов посчитали отказ от насилия, терпимость, толерантность. Эти качества позволили им отделить «гражданские» институты от «негражданских». Естественно, что террористические и преступные группы и организации зачислялись в число последних. Некоторые авторы (Г. Анхайер и его коллеги) не делали различий между «хорошим» и «плохим» гражданским обществом, выдвигая в качестве главного критерия добровольность, которая, очевидно, не может быть присуща «негражданским», т.е.

использующим методы принуждения для включения в свой состав новых членов, организациям и группировкам.

Водоразделы насилия и добровольности позволяют наметить общие этические принципы, на которых могут базироваться глобальное гражданское общество или конгломерат национальных гражданских обществ. Эти критерии относятся к средствам действия и принципам формирования групп действия, а что касается целей, то они определяются уже более широкими и отчасти размытыми категориями социальных изменений, защитой прав человека, борьбой против коррупции, за искоренение бедности и т.п. Принципиально, что в рамки гражданского общества, когда речь идет о мировой периферии, обычно включают как западные по происхождению, «привнесенные» практики и структуры, так и местные, укорененные в собственной почве элементы – локальные, родственно-земляческие, этнические сообщества, религиозные и парарелигиозные институты и организации и т.п.

Не касаясь здесь уже достаточно обширной отечественной литературы по вопросу о гражданском обществе применительно к российскому опыту, обратимся к дефинициям авторов, пишущих об этом феномене в Пакистане. Насколько можно судить по доступным материалам, гражданское общество в узком смысле понимается ими как множество любых негосударственных и некоммерческих (не связанных с бизнесом) структур и организаций, имеющих добровольный характер.

Дискуссионным остается вопрос о политических партиях. Участие в борьбе за власть превращает их в часть государственно-политической системы. В то же время далеко не все политические партии страны реально претендуют на доступ к рычагам управления, лишь малая их часть представлена в центральном (федеральном) парламенте или законодательных собраниях провинций. Непарламентские партии представляют собой, скорее, общественные организации и движения, принадлежащие гражданскому обществу.

В похожем положении оказываются средства массовой информации. Они используются борющимися за власть силами и нередко стремятся к получению прибыли. Вместе с тем мотивы деятельности СМИ не детерминируются во многих случаях по преимуществу этими мотивами. То же самое касается и каналов массовой коммуникации, развивающихся благодаря Интернету. Отсюда наличие пограничной полосы между политизированным и

неполитизированным, коммерческим и некоммерческим секторами в сфере обмена информацией.

Расхождения по поводу «пограничных» структур выявляют наличие в литературе по Пакистану двух точек зрения на вопрос о сути и составе гражданского общества. Ряд авторов, особенно те из них, кто писал о нем в 1990-х годах, трактуют это понятие расширительно, включая в него, по существу, все общественно-политические организации и акцентируя внимание на их противостоянии государству как репрессивному режиму власти. Вторая позиция была отмечена выше и более соответствует традиции использования термина, утвердившейся в начале нынешнего столетия в мировой исследовательской и аналитической литературе и международно-общественной практике.

Мы будем различать два подхода к понятию гражданского общества в Пакистане, – расширительный и узкий, отдавая предпочтение первому из них, как более тесно связанному с историей Пакистана и его перспективами. В то же время в статье будет охарактеризовано и гражданское общество в узком понимании, при котором оно рассматривается как третий (или третичный) сектор экономической и политической активности, находящийся за рамками государства и рынка; иначе говоря, набор неправительственных и некоммерческих организаций добровольного, ассоциативного типа. Совмещая оба подхода, автор постарается: рассмотреть в первом приближении становление гражданского общества в общем и специальном смыслах, внутреннюю структуру, роль и взаимодействие с государством и обществом в целом.

Этапы становления и юридическая основа существования

Можно выделить несколько крупных периодов в истории пакистанского гражданского общества. Первый из них – эмбриональный, подготовительный. Речь идет о колониальном времени, когда на территории будущего Пакистана, в крупнейших его городах, Карачи и Лахоре, появлялись первые капиталистические фирмы и компании, формировались отдельные ассоциации буржуазного сообщества. Время таких перемен для пакистанских областей колониальной Индии последовало вскоре после их завоевания англичанами в середине XIX в. Заметную часть тогдашнего «среднего класса» составляли выходцы из метрополии, часто лишь на время приезжавшие в колонию. В немалой степени в расчете на них ко-

лониальные власти приняли первые законы, регулирующие деятельность гражданских, негосударственных организаций. В 1860 г. был принят Закон о регистрации обществ (Societies Registration Act), в 1863 г. — Закон о религиозных фондах (Religious Endowment Act), а в 1882 г. — Закон о трестах (Trust Act). В 1890 г. к трем первым добавился Закон о благотворительных фондах (Charitable Endowments Act), а существенно позднее, в 1925 г., был принят Закон о кооперативах (Cooperative Act).

Эти законоположения регулировали в течение всего последующего колониального периода деятельность гражданских, в том числе общинных, организаций. И до сих пор они являются основными регуляторами деятельности большинства неправительственных структур в Пакистане.

Число неправительственных и некоммерческих организаций, созданных в колониальное время на территории Пакистана, не было большим. Формирующие ее области отставали от ряда других регионов колониальной Индии по уровню торгово-промышленного развития. Сильные позиции на «пакистанской» территории имел немусульманский капитал. К концу колониальной эры в Индии усилились массовые протестные движения, что можно считать проявлением активности гражданского общества в широком смысле. Пакистанские районы опять же не были среди наиболее заметных в этом процессе (все их население составляло по переписи 1941 г. 28 млн. человек, при общей численности жителей колонии в 400 млн.). Тем не менее Лахор выдвинулся в число видных центров общеиндийской социально-политической активности, а города Пешавар и Карачи превратились в региональные ее центры. Подспудно шел также процесс консолидации религиозных общин и их гражданских, добровольных организаций, но вплоть до 1946–1947 гг. в этой части Индии не было крупных межобщинных столкновений.

Второй период в истории гражданского общества Пакистана совпадает с эпохой «холодной войны». Внешние факторы оказывали немалое, хотя и в основном косвенное, воздействие на формы существования и эволюцию гражданских институтов. Оно проявлялось в том, что массовые движения и объединения, особенно на начальном этапе существования страны, в 1947–1958 гг., строились во многом на классовой идеологической основе. Правящие круги Пакистана без колебаний выбрали господствующую в тогдашнем постколониальном мире прозападную ориентацию. Оппозиционные силы пытались найти альтернативу. В результате

окрепили возникшие еще до Второй мировой войны группы левых интеллектуалов, была образована компартия с помощью переехавших в страну из Индии мусульман – членов КПИ.

В 1951 г. левым силам был нанесен удар разоблачением антиправительственного «заговора в Равалпинди». В заговоре военных оппозиционеров оказались замешаны видные «прогрессивные» литераторы, представители интеллигенции. Суровые приговоры, вынесенные участникам заговора, были вскоре смягчены, но в 1954 г. компартию запретили, чтобы расчистить путь для тесного военно-оборонительного союза с США. Еще через четыре года после прихода к власти военных во главе с генералом, а затем фельдмаршалом М. Айюб-ханом под запретом оказались и все другие политические партии. При возобновлении их деятельности в 1962 г. запрет с компартии снят не был. Легализация КПП произошла лишь в 1972 г., после того как промосковские силы растеряли большую часть массовой поддержки. Одной из причин этого было содействие, которое СССР оказал Индии в войне с Пакистаном в 1971 г., приведшей к расколу страны, первоначально состоявшей из двух территорий, и образованию на месте восточного «крыла» Пакистана отдельного государства Бангладеш.

Левые группы после 1960 г. имели в Пакистане не только московскую, но и пекинскую «прописку». Однако сближение Исламабада с Пекином, нараставшее с 1963 г., ослабило, а затем и ликвидировало полностью, возможности оппозиции использовать китайскую поддержку. И СССР к 1970-м годам отказался от курса на затратную помощь всем рабочим и коммунистическим партиям и движениям, предпочитая более осторожный, избирательный подход. Пакистанские коммунисты, в отличие, например, от афганских, не могли рассчитывать на заметные успехи. Дозированная поддержка КПП Москвой находилась в 1960–1970-е годы «под колпаком» пакистанской контрразведки и не внушала той серьезных опасений.

Тем не менее левая альтернатива существовала, и именно ее наличие во многом определяло и структурировало гражданское общество в Пакистане на втором этапе, особенно до середины 1970-х годов. Помимо КПП, будь она в подполье или на легальном положении, действовали левые профсоюзные и студенческие организации и объединения, гильдии и союзы левых литераторов, журналистов и адвокатов.

С начала 70-х годов количество центров внешнего воздействия на Пакистан и его гражданское общество увеличилось с трех

(США, СССР и КНР) до пяти. Китай обладал большим весом при правительстве поставленного военными у власти после поражения в войне с Индией харизматического политика З.А. Бхутто. Но китайское влияние сократилось после смерти Мао Цзэдуна в 1976 г. и последовавшей за тем смены международного курса Пекина. Зато сложились и усилились два исламских центра – саудовский (суннитский) и иранский (шиитский). Саудовцы, по общему мнению, сыграли существенную роль в событиях, приведших летом 1977 г. к острому внутривластному кризису и перевороту, совершенному военными во главе с генералом М. Зия-уль-Хаком.

С того момента наметившийся еще при Бхутто правый (традиционалистский, исламо-консервативный) уклон стал преобладающим не только для государственной политики, но и гражданского общества. Развернутая генералом-президентом с опорой на исламские политические партии кампания по исламизации общества в целом и его гражданского сегмента в частности имела результатом существенные, хотя зачастую и фасадные, изменения.

Хотя левая тенденция в общественно-политической жизни еще давала о себе знать, подпитываемая с 1978 г. «коммунистическим» переворотом в соседнем Афганистане, опиравшемся на нее этнонационализму окраин – пуштунскому, белуджскому и синдхскому – был нанесен удар уже при Бхутто. Остаточный левый тренд еще сохранялся в профсоюзах и крестьянских организациях, но характер и структура гражданского общества активно «правели» и «исламизировались». При этом элементы прежнего гражданского общества оказались в значительной степени вытеснены из страны и нашли убежище в организациях мигрантов, возникших в диаспоре, неуклонно разраставшейся в США, Великобритании и ряде других стран. Политизированное гражданское общество, таким образом, как бы перетекло через государственные границы, оказалось шире внутреннего, помогая существованию оппозиции при авторитарных и непопулярных режимах.

Возвращаясь к началу второго периода в истории пакистанского гражданского общества, следует заметить, что после образования страны в 1947 г. располагавшиеся на ныне пакистанской территории различные неполитические организации граждан в основном прекратили свое существование из-за выезда за рубеж (в Индию и Англию) их активных членов и руководителей. На их месте образовались новые структуры, главным образом мусульманские и целевые по характеру своей деятельности.

В больших городах появились кооперативы (товарищества) по освоению и застройке новых участков земли. В столичном на первых порах Карачи возникли, например, Жилищный кооператив пакистанских служащих (Pakistan Employees Cooperative Housing Society, PECHS), Колония военных (Defense Colony) и т.п. На их примере видно взаимодействие гражданских (поскольку участниками кооперативов выступали частные лица) и государственных структур (правительство и Вооруженные силы оказывали содействие своим служащим). На стыке и в переплетении государственных и общественных (личных, гражданских) интересов возникали неправительственные организации, занимавшиеся разрешением спорных вопросов, возникших в связи с переселением более 6 млн. мусульман из Индии в Пакистан. К этому надо добавить организации мигрантов земляческого типа, по урегулированию прав собственности, возмещению убытка и т.п. Они тесно контактировали с правительственными ведомствами, вступавшими в контакт с соответствующими структурами в Индии.

Таким образом, гражданское общество распалось на три основных потока: политизированные, как левые, так и правые (религиозные) по идеологии организации и движения; неполитизированные, целевого и вспомогательного, поддерживающего назначения; традиционные, религиозно-общинные, соседско-родственные и клано-племенные.

Постколониальный период ознаменовался принятием еще двух законоположений о гражданских институтах. Оба они были приняты при военных режимах и носили форму президентских указов. В 1961 г. был обнародован Указ о добровольных агентствах социального благосостояния (Voluntary Social Welfare Agencies), а в 1984 г. – Указ о компаниях, где в разделе 42 регулировалась регистрация некоммерческих организаций (Companies Ordinance (Section 42)).

Третий период существования гражданского общества охватывает время кризиса биполярной системы международного устройства и современную эпоху постбиполярного мира. На этом этапе серьезно расширился спектр целевых, правозащитных и гуманитарных, по защите прав женщин и меньшинств, просветительских и благотворительных неправительственных организаций – в значительной мере под влиянием либерально-интернационалистских (космополитических) тенденций в мире. Космополитизм с начала 1990-х годов активно поощрялся ведущими межправительственными организациями – ООН, Всемирным банком, Меж-

дународным валютным фондом, Всемирной торговой организацией (с 1995 г.), ЮНЕСКО и др.

В 1995 г. пакистанское правительство внесло на рассмотрение парламента законопроект, вносивший поправки в Указ 1961 г. о добровольных агентствах социального благосостояния (Voluntary Social Welfare Agencies Regulation and Control (Amendment) Act). Поправки устанавливали, что неправительственные благотворительные организации должны проходить обязательную государственную регистрацию и могут быть запрещены и распущены. Это вызвало протесты со стороны гражданских организаций и подстегнуло процесс создания гражданских сетей и форумов, а также координацию совместных действий. В результате протестов проект так и не превратился в закон.

На рубеже 1990-х и 2000-х годов в Пакистане в основном сложилась нынешняя структура гражданского общества в узком понимании его смысла и назначения. Оно стало вполне сопоставимо с аналогичными в других странах. К этому моменту относятся и формирование инструментария такого рода сравнений.

«Ромб» гражданского общества

Исследование особенностей функционирования узкопонимаемого гражданского общества в различных странах мира связано с возникновением в начале 1990-х годов международной организации CIVICUS – Мирового альянса за гражданское участие. В 1999 г. началось осуществление совместного с Лондонской школой экономики проекта по сопоставительному изучению гражданских обществ в различных странах. Сотруднику школы Г. Анхайеру принадлежала идея использования ромба для презентации итогов комплексного количественного сопоставления данных о деятельности организаций гражданского общества. Для построения ромба выделяются четыре оси – структура, ценности, пространство и влияние. Первая из осей отражает число организаций, их распределение по секторам и регионам страны, ресурсы, членство и т.п.; вторая оценивает цели и задачи, нормы и подходы, которые разделяют и пропагандируют неправительственные и некоммерческие добровольные ассоциации; третья дает представление о легальной, политической и социокультурной среде, в которой существует ГО, в частности, об отношении общества в целом к духу добровольности и социальной активности; четвертая измеряет вклад гражданских организаций в разрешение различных

социальных, экономических и политических вопросов, определение повестки дня общественных интересов, принятие решений государством и бизнесом и их реализацию.

Первичные сведения для проекта собирались в основном путем анкетирования руководителей и участников организаций и групп гражданского общества. Пакистан оказался в числе десяти первых стран, где обследования проводились в 2000–2001 гг. Причем среди них (в большинстве восточноевропейских) он был единственной азиатской и мусульманской страной. В 2003–2006 гг. сходный проект по созданию индекса гражданского общества охватил более 50 развитых и развивающихся стран Европы, Южной Америки, Африки и Океании. В число обследованных из мусульманских государств попали только Египет и Турция, а из азиатских – лишь Индия, Южная Корея и Вьетнам.

Показатели по Пакистану, позволившие «нарисовать» «ромб» его гражданского общества, оказались довольно неплохими даже при сравнении с такой развитой и явно «гражданской» страной, как Голландия. Вместе с тем пакистанские показатели уступали голландским по всем сторонам «ромба» (пакистанский «ромб» находился как бы внутри голландского). Особенно сильно (почти на 40% пунктов) был меньше третий индекс (среда), на 20 пунктов меньше голландского были у пакистанского ГО первый и второй показатели, и на 16 пунктов (влияние) четвертый индекс. Кроме того, пакистанские организации в целом были не вполне сопоставимы с голландскими, так как отличались значительно большей типологической и генетической гетерогенностью, наличием современного и традиционного (не вполне, по существу, гражданского) сектора.

Оценивая масштабы и другие характеристики гражданского сегмента в Пакистане, авторы доклада о подготовке упомянутого выше индекса CIVICUS отмечали также нехватку достоверных и представительных данных. Так, число зарегистрированных и активно действующих неправительственных организаций оценивалось ими в 10–12 тыс. Но при добавлении к ним зарегистрированных, но не проявляющих какой-либо активности организаций количество гражданских структур возрастало до 60 тыс.

В качестве принадлежащих гражданскому сектору авторами учитывались профессиональные союзы. Их количество оценивалось округленно в 8 тыс. с числом членов около 1 млн. человек. Это составляло лишь 5% рабочей силы страны. Последняя оценивалась в 20 млн. человек и не включала неоплачиваемых рабо-

тающих членов семьи, особенно многочисленных в сельском хозяйстве и в неформальном секторе (незарегистрированный малый бизнес). Причисление профсоюзов к гражданскому сегменту демонстрирует расплывчатость его границ, хотя, на наш взгляд, полностью соответствует его критериям – добровольности и общественной активности. Факты, свидетельствующие о крайне ограниченных масштабах профдвижения, существенны для понимания степени организованности труда, а также свободы в обществе, так как одна из основных причин слабости тред-юнионизма – ограничения, налагаемые государством в соответствии с «пожеланиями» хозяев предприятий. Авторы доклада отмечают, что численность и роль профсоюзов в Пакистане с 1970-х годов неуклонно сокращались. Это касалось как союзов на предприятиях, так и профобъединений. Только 2 тыс. тред-юнионов, по данным на 2000 г., имели право на заключение коллективных договоров.

Среди неправительственных организаций преобладали образовательные, далее располагались организации по охране здоровья и правам женщин. Тематически с ними были связаны детские и спортивные организации и ассоциации, а также организации по развитию общин, соседских и религиозных. Так называемые промежуточные, посреднические и поддерживающие структуры ориентировались в основном на те же цели, оказывая финансовую, техническую и организационную помощь.

Особо следует сказать о женском движении и организациях женщин. Возникнув первоначально как элитные клубы для женщин из богатых семей, движение за права женщин вышло на передний край общественной и политической борьбы под воздействием политики исламизации, проводимой режимом Зия-уль-Хака в 1980-х годах. Именно тогда образовались влиятельные женские организации (прежде всего, «Хаватин-е-махаз-е-амаль», «Женский форум действия»), вступившие в борьбу против вводимых властями мер (исламские законы хууд), ущемляющих права женщин в суде, при разбирательстве дел об обвинении в супружеской измене и прелюбодеянии, а также других дел, где свидетельство одного мужчины приравнивалось к двум женским. Острота проблемы дискриминации и притеснения женщин не была снята и в дальнейшем, что отразилось на активности и решительной позиции относительно немногочисленных, но весьма влиятельных женских правозащитных организаций.

Трудно оценить масштабы средств, которые проходили через каналы гражданских организаций. Вопреки распространено-

му мнению, в основном это были внутренние, пакистанские средства. Сказались, в частности, традиции благотворительности, оказавшиеся весьма характерными для Пакистана. С 1960-х годов известен своей благотворительной деятельностью Саттар Идхи, создавший в Карачи и других городах страны организации по помощи бедным, больным, сиротам (головной организацией является «Трест Идхи»). Широкую известность приобрела деятельность Хамид-хана, инициировавшего пилотный проект комплексного развития одного из трущобных районов Карачи – Оранги. Благотворительность нередко фокусируется на оказании медицинских услуг: фонд «Шаукат Ханум» оказывает помощь больным раком, а трест «Лейтон-Рахматулла» – нуждающимся в лечении глазных болезней. Видное место в оказании услуг в области здравоохранения давно занимают исмаилитский Фонд Ага-хана (о нем подробнее ниже) и некоторые христианские миссии.

Как явствует из приведенных примеров, благотворительность носила нередко религиозный, общинный характер, но чаще всего не была связана с радикальными идеологическими установками и, как правило, не ограничивала свою деятельность строгими рамками конфессиональной принадлежности.

Внешние, иностранные источники имели значение лишь для наиболее крупных и широко известных организаций, осуществляющих проекты социальной и экономической модернизации, по защите прав граждан и адвокатуры (оказание помощи в уголовно-судебных процессах). Впрочем, и некоторые религиозно-общинные организации, имея корни внутри страны, являлись, по существу, интернациональными.

Число членов в пакистанских НПО не было значительным. Систематическое представление о распределении организаций с точки зрения их численности дало лишь обследование 1991 г., осуществленное Организацией ООН по развитию. На тот момент треть организаций имела менее 50 членов, 17% – 50–99, еще 20% – от 100 до 149 и лишь у 5% количество членов превышало 450. Обследование показало, что около 90% работавших в НПО и НКО были волонтерами и только 10% получали вознаграждение за свою работу. С опорой на эти данные число занятых в гражданском секторе на начало 2000-х годов оценивалось примерно в 250 тыс., что составляло от 0,5 до 1,6% рабочей силы, в зависимости от ее оценки: 16–25 млн. человек.

Проведенное в 2002 г. обследование некоммерческих (non-profit) организаций дало несколько иные данные о специализированных гражданских организациях (см. табл.).

Таблица

Состав некоммерческого сектора

Основные некоммерческие организации	Число организаций	%
Образование и исследования	20 699	46,4
Гражданские права и адвокатура	7815	17,5
Социальные услуги	3704	8,3
Развитие и жилищное строительство	3264	7,3
Здравоохранение	2700	6,1
Культура и досуг	2452	5,5
Религия	2184	4,9
Бизнес и профессиональные организации	1705	3,8
Окружающая среда	103	0,2
Итого	44 625	100,0

Почти половина некоммерческих организаций относилась к сфере образования и исследований. Но, как отмечают авторы доклада, комментирующие эти цифры, огромная часть из них принадлежала религиозным, главным образом исламским, организациям. Именно медресе (дин-и-мадарис) и семинарии (дар-ул-улум) составляли основу негосударственного и некоммерческого сектора образования. Обучение в религиозных школах для мусульман имеет в Южной Азии глубокие исторические корни. Распространенность такого образования усиливается в Пакистане тем обстоятельством, что далеко не все дети школьного возраста имеют возможность посещать государственные и общественные (частные привилегированные) школы. По оценкам на соответствующий период, примерно треть (более 1,5 млн.) посещавших школу детей получали образование в медресе, число которых превышало 10–12 тыс.

Именно распространением религиозного начального образования для детей из бедных семей можно объяснить, как считают А. Хан и Р. Хан, столь явное превосходство НКО образовательного профиля над другими. Хотя доля организаций в области здравоохранения невелика, но по количеству занятых они находились на втором месте – 17%, а на организации по поддержке гражданских свобод приходилось всего 2% занятых в гражданском секторе. В то же время по численности они находились на втором месте (см. табл.).

Чисто религиозные организации (главным образом, хотя и не исключительно, мусульманские) составляли немалый процент от общего количества и должны быть присоединены к организациям и попечительским советам, курирующим сеть медресе и семинарий. В результате соотношение между НКО либерального и консервативного толка оказалось, как отмечают авторы доклада, далеко не в пользу первых. Причем отставание либерального сегмента ГО, состоящего из правозащитных организаций, по борьбе с коррупцией, за охрану окружающей среды и т.п., со временем усиливалось.

Исламорадикализация гражданского общества

Оценки состояния гражданского общества, которые давали авторы в начале 2000-х годов, через десятилетие изменились, отражая тот же тренд. По мнению Т. Рашид, за это время усилилась прослойка организаций ГО, которые заняли промежуточную нишу между современным и традиционным полюсами. Члены таких организаций, как правило, имеют современное нерелигиозное образование, принадлежат к лицам квалифицированных профессий, но по своему мировоззрению тяготеют к исламистам. Их отличает вера в «воображаемое славное прошлое» мусульман и эксплуатацию исламского мира Западом. В отличие от мусульман-традиционалистов, они полагают, что их корни – не в родной земле (т.е. в исторической Индии), а в Саудовской Аравии, на родине ислама. Фундаменталистские и радикальные группы потеснили в первую очередь либеральные организации, наиболее сильные в крупных городах, оставив консервативным их традиционные сферы – деревенское общество и население малых, «сельских» городов. Впрочем, и мировоззрение многих членов светского (неисламистского) общества, как отмечает австралийская исследовательница пакистанского происхождения, отличается зачастую опоры на конспирологические теории, уверенность в мировом заговоре, направленном против ислама и Пакистана.

Такие процессы, отмечает Т. Рашид, имели место в существенной мере вследствие политики государства как при военном режиме генерала П. Мушаррафа (1999–2008), так и после него, главным образом опять же вследствие влияния армии. Пакистанское государство поощряло радикализм посредством своей внешнеполитической деятельности: по вопросу об Афганистане и талибах, в отношении Индии и происходящих там терактов, а также

политики в сфере внутренней безопасности, с возложением вины за ее нарушения на внешние враждебные силы.

Тенденция увеличения роли мусульманских общественных организаций отразилась в расширении сети религиозного образования. К началу 2010-х годов число только зарегистрированных (т.е. учтенных правительством) медресе достигло 16 тыс. Обучение там находилось под слабым контролем государства. Только 250 зарегистрированных религиозных школ согласились участвовать в разработанной правительством программе модернизации обучения. Преподавание истории и ряда других дисциплин велось в большинстве медресе по учебникам, нарочито искажавшим канву и смысл событий прошлого и грубо очернявшим внешнюю политику Индии и Запада. Произошедшее за последние два десятилетия сближение Индии и США облегчило возможность подогревать чувства антагонизма, ненависти к двум этим государствам (а также Израилю) – их изображают виновниками всех бед и несчастий, постигших страну.

В последнее время отмечено большое внимание, уделяемое исламистскими организациями целенаправленному воспитанию и образованию детей, прежде всего мальчиков. Особенно активно проявляет себя на этом поприще «Джамаат-е ислами» (ДИ, «Общество ислама»). Оно одновременно является и партией, поскольку принимает участие в парламентской борьбе, и закрытой для посторонних структурой с жесткой внутренней дисциплиной. Помимо образования, ДИ широко занимается благотворительностью, помогает нуждающимся семьям. Определенные средства исламские общественные и политические организации вкладывают также в экономическое развитие, поощряя малый бизнес, торговлю, но выступая, например, против схем по микрокредитованию, потому как они предполагают получение процента, запрещенного в исламе.

Характерно, что активность немусульманских религиозных организаций на современном этапе снижается, что в немалой степени связано с государственной политикой стимулирования в первую очередь исламской идеологии, образования и культуры.

Как уже отмечалось, благотворительность и помощь в решении проблемы бедности традиционно были заметной стороной деятельности многих религиозных сообществ. Характерна она и для организаций, представляющих богатые общины мусульманского меньшинства. Первое место среди них занимает Фонд исмаилитов Ага-хана. Эта всемирная организация с центром в Лон-

доне активно действует не только в Пакистане, но и в Индии, в Таджикистане (на Памире) и других районах распространения исмаилитской шиитской секты. Наиболее успешным пакистанским проектом Фонда Ага-хана была поддержка сельского развития в ряде северных, населенных в значительной мере исмаилитами, районах страны. Достаточно эффективная помощь крестьянам-исмаилитам послужила образцом для подражания и правительства, и другим общественным фондам. Пакистанское отделение фонда, кроме того, выступило в начале 2000-х годов в качестве инициатора и организатора Форума НПО – объединения гражданских обществ, соединяя в себе религиозную и светскую часть ГО.

В то же время успешная деятельность исмаилитских и других шиитских общественных организаций в последние годы косвенно вызывала усиление трений между общинами. Радикальные суннитские группировки использовали растущий разрыв между благосостоянием шиитов и суннитов для натравливания общин друг на друга. Кровавые столкновения на этой почве имели место между исмаилитами и суннитами в Гилгите на севере страны, а между шиитами и суннитами – в округе Джанг провинции Панджаб.

Можно утверждать, что исламизация и радикализация части гражданского общества были следствием его «зажатости» между весьма слабым по сути, но при этом авторитарным, несмотря на внешнюю демократичность, государством и усиливающимися в широком политическом поле исламонационалистическими силами. Большую роль в образовании этих «клещей» играют Вооруженные силы и состоящие при них силовые структуры, которые «подпирают» и во многом контролируют демократически избранную гражданскую власть, функционирующую на основе Конституции парламентского типа. Именно недостаток подлинной демократии, влияние военно-религиозных кругов, по мнению И. Муфти, одного из лидеров либеральной части оппозиционного движения граждан, толкает пакистанское ГО вправо, на путь подчинения обскурантистским и экстремистским политическим течениям.

Заключение

Итак, в Пакистане за годы его самостоятельного существования сложилось достаточно представительное и влиятельное гражданское общество, как в узком, так и в широком понимании

этого термина. Формирование ГО шло параллельно с развитием государства и общества в целом (экономикой, правом, политикой, культурой и т.д.).

Исторически сложившийся в обществе дуализм, сосуществование современного, капиталистического уклада жизни и до некоторой степени преобразенных взаимодействием с ним традиционных порядков отразилось и на неоднородном составе гражданского общества, наличии внутри него двух соответствующих такому дуализму секторов. Различия между секторами со временем уменьшались, что отражало своеобразную эволюцию дуалистической системы экономики и быта – расширение промежуточной, гибридной зоны сочетания современных и традиционных форм хозяйствования и укладов жизни.

Образование неправительственных и некоммерческих организаций ускорилось в конце прошлого и начале нынешнего столетия. И происходило это как под воздействием извне, в первую очередь со стороны Запада, так и под влиянием усложняющейся внутренней обстановки, связанной с тесной вовлеченностью Пакистана в нескончаемый военный конфликт в Афганистане и другие остро протекающие региональные процессы.

Разнообразные внешние и внутренние факторы способствовали радикализации общественной обстановки в нынешнем Пакистане. Политизированная часть гражданского общества сдвинулась по преимуществу в сторону исламских и опирающихся на них националистических ценностей.

Армия как важнейший в пакистанских условиях институт власти остановилась в опасной близости от пропасти исламистской радикализации. В гражданском обществе представлены обе тенденции – исламистская и либеральная, однако позиции последней заметно слабее. В 2011 г. ей были нанесены два удара – были убиты последовательный противник обскурантизма губернатор Панджаба С. Тасир и министр по делам религий в центральном правительстве, единственный представитель христианской общины в нем Ш. Бхатти. Хотя убийцу губернатора осудили и приговорили к расстрелу, симпатии значительной, если не преобладающей, части пакистанцев находятся на его стороне.

Либеральная часть пакистанского гражданского общества надеется на изменение ситуации в результате проведения в стране очередных парламентских выборов в начале 2013 г. Само по себе проведение выборов после пяти лет, прошедших со времени избрания парламента в 2008 г., явится первым таким событием в

истории страны. Выборы могут содействовать оттеснению военных от власти. В то же время за ними может последовать череда чрезвычайных событий, и не исключено, что Пакистан окажется в водовороте новых катаклизмов. Противовесом радикалам и националистам, способным дестабилизировать ситуацию, может стать, при всей его неоднородности, гражданское общество страны.

«Сравнительная политика—Comparative politics», М., 2013 г., № 1, с. 23–33.

Д. Нечитайло,
востоковед
**НАЧНЕТСЯ ЛИ ПОДЪЕМ
САЛАФИЗМА В АЛЖИРЕ?**

В начале «арабской весны» Алжир считали кандидатом, чтобы встать на путь Туниса, Египта и Ливии. Однако этого не произошло, хотя были сообщения о демонстрациях, забастовках и столкновениях в АНДР. Нельзя исключать дестабилизации в АНДР, новой расстановки политических сил ввиду слабого здоровья президента, а также в целом сложной социально-экономической ситуации, роста цен, высокой инфляции и коррупции. В орбите внимания «Аль-Каиды» также прошедшие в мае 2012 г. парламентские и планируемые в 2014 г. президентские выборы в Алжире.

В отличие от Туниса, Египта и Ливии, Алжир уже был свидетелем широкомасштабного мятежа, начиная с тернистых выборов 1991 г. Еще свежи в памяти народа значительные человеческие жертвы, вызванные гражданской войной, а также зверства экстремистов, которые буквально топорами и ножами вырезали целые населенные пункты. Хотя это не привело к падению правящего режима, однако в настоящее время стало серьезным сдерживающим фактором волны массовых протестных выступлений, а также укрепления позиций радикальных исламистов в стране. Соответственно, это снижает возможности «Аль-Каиды в исламском Магрибе» («АКИМ») по разжиганию протестных настроений в Алжире.

В конце ноября 2011 г. «Аль-Каида» выпустила видео с обращением лидера этой организации Аз-Завахири, в котором он призывает сосредоточиться на борьбе в Алжире. По его словам, это государство проводит политику, отвечающую интересам

Франции и США в Средиземноморье. В этой связи идеолог движения Всемирного джихада призывает реализовать в Алжире сценарий «арабской весны» и сместить президента А. Бутефлику, избрав исламский путь развития.

После начала «арабской весны» государство использовало накопленные за длительный период времени финансовые возможности от продажи углеводородов для снижения социальной напряженности в обществе (увеличили заработную плату в государственном секторе, обеспечили более щедрые продовольственные субсидии, уменьшили воздействие жилищного кризиса) – ситуация, отличная от периода конца 1980-х, когда Алжир оказался в трудной экономической ситуации в связи с резким снижением мировых цен на нефть.

В случае с Ливией главные внешние игроки – Франция, Великобритания, США и Италия – были заинтересованы в свержении М. Каддафи. В случае Алжира этот фактор действует в меньшей степени, поскольку эта страна в последнее время стала партнером Вашингтона в борьбе с терроризмом в Магрибе и Сахара-Сахельском регионе. Кроме того, алжирские энергоресурсы – ключевые для энергетических потребностей Италии, которая находится сейчас в финансовом кризисе. У внешних игроков меньше заинтересованности в дестабилизации обстановки в Алжире.

Хотя Алжир остается авторитарной страной, его политическая система более открытая, чем это было 20–25 лет назад, что помогает избежать любого неожиданного взрыва политического и социального конфликта, как это произошло в странах, более затронутых «арабской весной».

Демонстрации, забастовки и протесты являются характерными чертами для арабских революций. Вместе с тем оппозиция в Алжире не в состоянии представить идеологическую альтернативу, пользующуюся широкой поддержкой населения страны. Кроме того, «АКИМ» не пользуется популярностью в АНДР в силу того, что она ассоциируется с вооруженными группировками, которые погрузили республику в кровавый хаос 90-х годов.

Вместе с тем, конфликт в Ливии оказал негативное воздействие на безопасность во всех соседних государствах. «Аль-Каида» принимает в расчет, что «АКИМ» значительно усилила свой боевой потенциал за счет военных арсеналов бывшей регулярной армии М. Каддафи, а также моджахедов, которые вышли на свободу из ливийских тюрем.

Радикалы от ислама могут также извлечь значительную выгоду, если процесс построения государства в Ливии затянется и будет сопровождаться вооруженным конфликтом. Уже в настоящее время «АКИМ» получила возможность не только доступа к современным вооружениям со складов прежнего режима Джамахирии, но также возможность осуществлять набор новых членов в свои ряды. Одновременно экстремисты создают военно-тренировочные базы на территории Ливии, где обучают своих боевиков. Они наладили сотрудничество с ливийскими радикальными исламистскими группировками, которые практически беспрепятственно действуют в республике, включая столицу страны.

В настоящее время растет число террористических операций со стороны «АКИМ». Главными объектами диверсий становятся государственные и военные объекты: в июле 2011 г. – г. Бордж Менаиль, в 60 км от алжирской столицы; нападение в августе на военную академию Черчель. Эти теракты были демонстрацией своих возможностей после получения ими новых образцов вооружений «ливийского происхождения».

Радикалы от ислама аккуратно обходят тему иностранной помощи в свержении правящих режимов. Именно в Ливии салафиты были активно задействованы против правительственных войск полковника. Моджахеды рассматривают светских правителей в мусульманских странах еще «большим злом», чем войска НАТО, поэтому им разрешается воевать совместно против «вероотступников», решая при этом задачи по пополнению своих военных arsenалов и «обкатке» новобранцев. Вместе с тем нещадно критикуя Запад, они из пропагандистских соображений, стремясь придать себе большую значимость на «арабской улице», обходят стороной главный «активатор» побед салафитов в Ливии – серьезную военную поддержку США и их союзников, в том числе из мусульманских государств.

Борьба с радикальным исламом стала одной из приоритетных задач, стоящих перед алжирским руководством. В этом направлении предпринимаются как силовые, так и социально-экономические меры. Власти координируют усилия для противодействия терроризму на международном уровне. С целью подрыва социальной базы исламистского движения, правительство разрабатывает программы по улучшению жизни населения страны, уделяет значительное внимание той части населения, которая выступает за сохранение мусульманских традиций и системы ценностей в качестве необходимого условия развития алжирского общества.

Наряду с этим предпринимаются меры по возвращению к мирной жизни бывших боевиков, добровольно сложивших оружие. В этом процессе задействованы, например, в прошлом лидеры «Исламского фронта спасения» Аббаси Мадани и Али Белхадж, в результате посреднических усилий которых боевики экстремистских группировок, действовавших в ряде провинций страны, сложили оружие. В стране принят Закон об амнистии радикальным исламистам, дающий возможность отказавшимся от применения насилия вернуться к мирной жизни. Немаловажным обстоятельством является участие умеренного крыла исламистского движения в политической жизни Алжира. Не представляя собой единого блока в Национальной народной ассамблее АНДР (парламенте страны) представлены: «Движение общества за мир», «Нахда» и «Движение за национальную реформу».

В условиях гибкого сочетания силовых и социально-экономических мер по противодействию экстремистам «АКИМ» приходится использовать все новые способы поддержания своей активности. Особенность деятельности «АКИМ» указывает, что для нее характерны черты, свойственные для международных и локальных исламистских структур. Французский политолог Дж. Марре назвал ее «глокальной» (т.е. сочетающей в себе черты, свойственные «Аль-Каиде» и традиционным радикальным группировкам). В число специфических особенностей он включает высокую роль лидера (амира) и консультативного совета (шуры) в принятии решений и определении стратегии организации. Наряду с этим Марре выделяет характерные для североафриканских вооруженных групп способы финансирования деятельности. К глобальным же он относит использование террористов-смертников и расширение диапазона поставленных перед «АКИМ» целей до вселенского установления шариата.

Проявляя наибольшую активность в странах Магриба, «АКИМ» в пропаганде апеллирует к историческому прошлому региона, к легендарным фигурам времен распространения ислама и антиколониальной борьбы, воспетым в традиционном фольклоре и широко известным мусульманам Северной Африки. Так, например, Тарик бен Зияд, Юсуф бен Ташфин, Укба бен Нафи – легендарные исламские деятели, проповедовавшие ислам в Магрибе и Южной Европе. Исламисты в своей пропагандистской работе уделяют серьезное внимание также героям антиколониальной борьбы XIX–XX вв. Достаточно отметить Умара Мухтара, лидера восстания против итальянцев в Ливии, Абд аль-Карима аль-Хаттаби, воз-

главлявшего вооруженные выступления против французов в Марокко. Эти исторические личности почитаемы народом за их вклад в достижение независимости и защиту интересов ислама в североафриканских странах. Обращаясь к этим историческим персонажам, «Аль-Каида» стремится связать успешные военные кампании мусульман прошлого с современностью, вселяя в мусульман уверенность в том, что с Западом возможно бороться на равных и одерживать над ним верх. «АКИМ» демонстрирует постоянный характер этого беспринципного противостояния, не зависящего от временных рамок.

Укба бен Нафи возглавлял армии халифата в 662 г. во время покорения государств современного Магриба. Он основал г. Кайруан в Тунисе, первый исламский город в Северной Африке. По свидетельству историков, этот полководец, в 682 г. достигнув побережья Атлантического океана, сидя верхом на лошади, зашел в воду и, обращаясь к Всевышнему, сказал: «Если бы не море, я бы скакал бесконечно, распространяя твою веру и повергая неверных...» С позиции исламистов, Бен Нафи, как и «Аль-Каида» в настоящее время, защищал по сути ту же самую территорию от посягательств врагов ислама; «АКИМ» акцентирует внимание на некой преемственности роли защитников интересов мусульман. Тарик бен Зияд, военачальник-бербер, в 711 г. высадился со своей армией в Испании, покорили Андалусию и, несмотря на поражение в знаменитой битве при Пуатье в 732 г., вошел в историю как видный полководец. Ссылаясь на Бен Зияда, «Аль-Каида» напоминает потенциальным своим сторонникам о принадлежности Испании к великой мусульманской империи, призывая вновь вернуть ее в лоно «чистого ислама». Юсуф бен Ташфин значительно увеличил территорию, подконтрольную династии Альморавидов, за счет покорения в период 1074–1106 гг. территорий нынешних Марокко, Западной Сахары, Мавритании, части Алжира и Сахеля, а затем и Андалуса. Бен Ташфин, как и Бен Зияд, был бербером и придерживался салафитских взглядов.

Тем самым исламисты увязывают победы этих исторических фигур со строгим следованием «чистому исламу», к которому и призывают современные радикалы. Этими тактическими приемами пропагандисты обеспечивают успех среди людей, испытывающих гордость за своё историческое прошлое и наполненных горечью нынешнего состояния мусульманского мира, тотального доминирования Запада и его системы ценностей. Умар Мухтар, с 1912 по 1931 г. возглавлявший сопротивление итальянской окку-

пации в Ливии, прославился умением организовывать засады в пустыне. Абд аль-Карим аль-Хаттаби, марокканский судья, возглавлял сопротивление французским и испанским войскам в горах Марокко и даже провозгласил независимый исламский эмират, в котором строго следовали нормам шариата. Несмотря на поражение в 1926 г., нанесенное объединенными франко-испанскими войсками, он представляет собой яркий пример успешного сопротивления колониализму и попытку воплощения салафитской идеологии в Марокко.

Уважение к военно-политическим успехам исторических фигур региона, память о которых прочно запечатлена в местном фольклоре, добавляет поддержки «Аль-Каиде» от населения североафриканских стран. Пропагандисты дают понять широкой аудитории, что характер боевых действий первых кампаний армий халифата, времен национально-освободительной борьбы и современных радикальных исламистских группировок неизменен. «Аль-Каида» тем самым позиционирует себя в качестве продолжателя этой войны, и, соответственно, если подвиги вышеприведенных исторических фигур прошлого удостоены всеобщего уважения и одобрения, то разве может быть поставлена под малейшее сомнение правильность действий нынешнего поколения радикалов?!. Передки случаи, когда активисты «АКИМ» берут себе в качестве псевдонимов имена известных военачальников прошлого.

В 2008 г. лидер «Аль-Каиды в исламском Магрибе» Абд аль-Вадуд в своем обращении к алжирцам говорит: «Внуки Укба, Бен Тарика, Умара Мухтара растут среди вас и становятся моджахедами в “АКИМ”, жертвуют собой ради ислама. Объединитесь вокруг джихада, с которым ислам становится единственной альтернативой режиму деспотизма в наших странах».

Указывая на прямую связь между современными и историческими битвами, Вадуд обращается к нынешнему поколению: «Вы потомки покорителей Андалусии, победителей итальянцев, французов и испанцев, которым предстоит отстоять честь разбитого и униженного исламского Магриба, вернуть Андалусию, Кордову, Сицилию. Вы не должны останавливаться, пока не освободите каждый уголок нашей земли, включая Сеуту и Мелилью, и придти на помощь братьям в Палестине».

«АКИМ» становится центром притяжения радикальных сил и провоцирует активность экстремистов. Антитеррористические меры подталкивают радикалов постоянно менять тактику, открывать новые районы, где они смогут в относительной безопасности

заниматься пропагандистской работой и осуществлять подготовку боевиков. Будучи не в состоянии открыто противостоять силовым структурам, «АКИМ» приходится более тщательно организовывать свои нападения, прежде всего на подразделения армии и полиции, демонстрируя тем самым сохранение своих боевых возможностей. Исламисты постепенно вытесняются в слабо контролируемую сахаро-сахельскую зону, где используют давние межплеменные противоречия, коррумпированность местных чиновников, создавая здесь инфраструктуру террора. Вооруженные отряды туарегов, ориентированные в своей борьбе на сохранение традиционного образа жизни, используют возможности «Аль-Каиды» для приобретения оружия и боеприпасов. Нерешенность статуса Западной Сахары сохраняет вероятность коалиции исламистов с бойцами Фронта ПОЛИСАРИО, выступающего за создание независимого государства. Это обуславливает опасность превращения региона в плацдарм «Аль-Каиды» в регионе.

«Идеология и практика современного радикального исламизма», М., 2013 г., с. 318–324.

А. Ситихова,
политолог
(СОГУ, Владикавказ)
ИСЛАМИЗАЦИЯ ЕВРОПЫ

Ислам – самая молодая, но самая быстрорастущая мировая религия. Стремительный рост числа мусульман и принявших ислам отмечается во всем мире. В настоящее время ислам уже является второй по численности последователей после христианства мировой религией.

В последнее время проблема исламизации Европы для средств массовой информации стала основной. Все больше появляется статей и репортажей на тему мусульманского присутствия в Европе. Столь быстрый рост числа мусульман наблюдается не только благодаря растущему числу мигрантов из арабских стран, но и благодаря принятию коренным населением исламского учения, а также из-за демографических проблем самой Европы.

По прогнозам ученых, через 50 лет ислам в Европе станет доминирующей религией. А средства массовой информации, рассказывающие об исламе, ускоряют этот процесс. Так, крупнейшее информационное агентство BBC стало издавать циклы докумен-

тальных фильмов о вероучении ислама, транслируются сериалы, рассказывающие об образе жизни мусульман, а на интернет-сайтах создаются специальные разделы, посвященные исламу.

В Европе сегодня насчитывается более 53 млн. мусульман. Однако только 16 млн. из них живут в странах Евросоюза – такие данные опубликовал Центральный институт исламских архивов, расположенный в германском Зёсте. Самая крупная мусульманская община – во Франции: от 5 до 7 млн. (до 10% от общего числа населения), затем следует Германия (4 млн.), Великобритания (1,7 млн.), Болгария (1,1 млн.) и Голландия (1 млн.).

В начале XX в. приток иммигрантов-мусульман был совсем невелик. Несколько усилился он после Первой мировой войны, но особенно после Второй мировой войны, став уже результатом постколониального развития. Поскольку многие европейские страны остро нуждались в дешевой рабочей силе для восстановления послевоенной экономики, их правительства стимулировали приток иностранных рабочих из стран Азии и Африки, многие из которых тогда только начали освобождаться от колониальной зависимости. В 1960-е годы использование приезжих на неквалифицированных низкооплачиваемых работах превратило иммиграцию уже в постоянный фактор экономического развития европейских государств. При этом в Англию, Францию и Нидерланды приезжали мусульмане из бывших колоний. Тогда как такие страны, как Германия, Австрия, Швеция, Бельгия, обращаются, главным образом, к Турции, подписывая с ней двусторонние соглашения о трудовой миграции.

Истинное число мусульман, проживающих на территории Европы, в действительности значительно больше, чем задокументированное. Это связано с тем, что наряду с легальными иммигрантами и их потомками здесь проживает множество нелегальных, которые отсутствуют в официальных статистиках.

Посещаемость церквей Англии снизилась до минимума, некоторые церкви закрываются и передаются мусульманам для открытия в них мечетей, во Франции многие здания реконструируются под мечети, в Италии строятся крупнейшие мечети в Европе, а в Мадриде – новые минареты. Во многих европейских городах уже появились мусульманские пригороды и районы, где действуют только исламские законы.

На сегодняшний день во Франции проживает около 5 млн. мусульман. Ислам здесь уже стал второй по численности религией после католицизма. Французы были объявлены вымирающей на-

цией еще в начале XX в. – именно тогда смертность у них впервые превысила рождаемость. С тех пор численность населения Франции выросла почти в 1,5 раза – правда, в значительной степени за счет ассимилировавшихся иммигрантов из Восточной и Южной Европы. Юг Франции, исторически один из самых густо населенных христианских регионов мира, имеет теперь больше мечетей (около 3 тыс.), чем церквей. По прогнозам ученых, к 2027 г. каждый пятый француз будет мусульманином, и всего лишь через 39 лет Франция станет исламской страной.

В Швеции, по официальным данным, проживает 10 млн. человек, из них 300 тыс. мусульман. Правительство Швеции предложило на законодательном уровне признать ислам официальной религией страны. Из государственного бюджета страны были выделены средства на перевод и издание Корана на шведском языке, а также на строительство новой мечети. Наряду с этим правительство Швеции создало фонд поддержки учебных заведений, в которых преподаются основы знания ислама.

В Германии такой же высокий процент мусульманского населения среди эмигрантов, а также велико число этнических немцев, принявших ислам. Правительство Германии принимает активные меры по распространению подлинных знаний об исламе среди населения, одной из таких мер являются обязательные уроки по истории ислама, включенные в программу учебных заведений. На сегодняшний день в Германии насчитывается более 2 тыс. мечетей. Практически в каждом городе страны есть своя мусульманская община, а в западной части расположены и мусульманские районы. Германское правительство вынуждено было публично признать, что спад рождаемости немцев уже не остановить и что к 2050 г. Германия станет мусульманским государством.

В Бельгии действуют 240 мечетей, ислам в этой стране расширяет число своих последователей и так же, как и во Франции, уже является второй религией после католицизма. Бельгийцы всегда относились с терпимостью и пониманием к мусульманам и предоставляли все права и свободы, предписываемые их верой. В бельгийских школах работают 700 преподавателей ислама, а правительство страны оказывает финансовую поддержку в строительстве мечетей.

В Италии проживает около 1 млн. мусульман, а за последние два-три года в ислам обратились 5 тыс. человек.

В Дании ислам также развивается стремительными темпами, и мусульманам предоставлены широкие полномочия.

В последние десятилетия европейские мусульмане начали проявлять все большую нетерпимость к таким европейским ценностям, как свобода слова, свобода вероисповедания, сексуальное равенство и т.д. Мусульмане стали крупной политической силой, всколыхнувшей всю Европу своими митингами, демонстрациями и всевозможными акциями протеста. Так, в 2003–2004 гг. на улицах Франции прошли широкомасштабные акции мусульман, направленные против запрета ношения хиджаба в учебных заведениях и общественных местах, а в ноябре 2005 г. волнения мусульманской молодежи потрясли не только Францию, но и Бельгию и Германию. Официальные лица всячески подчеркивали социально-экономический характер выступлений молодежи и избегали говорить о религиозной принадлежности участников беспорядков.

В начале 2006 г. произошли волнения и уличные погромы в Копенгагене и других датских городах. Они стали ответом мусульманской молодежи на публикацию карикатур на Пророка Мухаммеда в газетах Дании, Норвегии и ряда других европейских государств. Через два года события повторились. Второй «карикатурный скандал» в Дании начался после того, как полиция арестовала нескольких мусульман, которые планировали убийство автора карикатур. Европа стала объектом террористических атак исламских радикалов, организовавших взрывы в Мадриде и Лондоне, а также убийство голландского режиссера Тео Ван Гога в Амстердаме. В августе 2011 г. в Лондоне начались массовые беспорядки, которые переросли в открытые столкновения с полицейскими, в ходе которых пострадало большое количество населения.

Мусульмане в западных странах не сливаются с местным населением, живут в своем замкнутом кругу, отказываются посылать детей в ясли и детские сады и требуют создания чисто исламских классов в Англии, Италии, Франции и других странах. А в школах все чаще пропускают занятия по религиозным мотивам, все чаще прерываются уроки и экзамены из-за наступления времени молитвы, группы учеников отказываются изучать отдельные темы и предметы, девушки отказываются без всяких объективных причин присутствовать на уроках физкультуры, многие родители оспаривают профессиональные качества учителей-женщин, студентки не хотят сдавать экзамены преподавателям-мужчинам. В городе Линц, например, отцы учеников-мусульман потребовали, чтобы все сотрудницы школы, включая директора, на работе появлялись только в платках, а ученикам-мусульманам было позволено обращаться к учительницам на «ты», так как

большого женщина не заслуживает. Несколько лет тому назад Верховный суд Франции, пытаясь обеспечить записанные в Конституции «Свободу, Равенство и Братство», постановил запретить ношение религиозной одежды в школах. Местные мусульмане перестали отправлять своих дочерей на занятия – девушки, по мнению родителей, не должны были появляться в школах с непокрытой головой. Несколько месяцев тяжб решили дело в пользу родителей-мусульман. Похожий процесс состоялся и в Германии: преподаватель-мусульманке запретили ношение в школе религиозной одежды. В больницах мужья и отцы требуют, чтобы их жен и дочерей лечили только женщины. Некоторые помещения превращаются в молельные комнаты. Создаются альтернативные столовые, где готовят еду, соответствующую канонам определенной веры.

По данным министра внутренних дел Германии Томаса де Мезьера, 10–15% иммигрантов, приехавших в ФРГ, принципиально не хотят интегрироваться: они не посещают курсы по языку и интеграции, отгораживаются от немецкого общества и не признают немецкое государство. В большинстве своем они живут плотными национальными диаспорами, в которых не особенно охотно появляются даже местные полицейские, а в магазинах продаются специально завезенные товары из Турции и Марокко.

Но мусульманская иммиграция не единственная проблема европейцев. Еще одна проблема, которая вызывает серьезную озабоченность европейцев, – демография. Европейский демографический кризис доходит до критического уровня. Существует такой демографический показатель, как граница простого замещения поколений, равный коэффициенту 2,1; если меньше этого коэффициента, то уровень населения падает, а население стареет. То есть на каждую семейную пару в среднем должно быть более двух детей, а средний коэффициент рождаемости в Европе сейчас остается на уровне 1,6.

Если учитывать то, что вместе с уменьшением численности населения идет одновременно процесс уменьшения доли работоспособного населения, то экономика не может выдержать такой нехватки рабочей силы. Вот тут и вступает в силу мусульманская иммиграция в виде простого замещения недостающих Европе людей.

Росту численности европейских мусульман способствуют поощряемые государствами социальные программы высокой рождаемости. В мусульманских семьях среднее количество детей, как

правило, не ниже четырех. Важнейшим демократическим завоеванием современной западной цивилизации провозглашена свобода гомосексуальных отношений, причем в ряде стран (Голландия, Бельгия, Канада, Испания и Швейцария, а также ряд штатов США) были законодательно разрешены однополые браки.

Рост численности сексуальных меньшинств, сокращение коренного (атеистического или номинальнохристианского) населения Западной Европы, а также сознательный отказ от рождения детей, так как многие европейцы считают, что дети станут для них помехой в карьере или попросту помешают вести привычную и комфортную жизнь, – все это способствует демографическому кризису в Европе. Игрет роль и феминистская пропаганда, утверждающая, что дети препятствуют женщинам занимать достойное место в обществе. Работающие эмансипированные европейские женщины получают высокую зарплату и не хотят заводить детей, пока не решат всех своих экономических проблем – не обзаведутся домом, автомобилем, а рождение детей откладывают на период после 35–38-летия. Но более поздний возраст первых родов нередко их осложняет, часто ведет к рождению физически неполноценных детей или оборачивается бесплодием. Семьи, которые имеют одного ребенка, редко решаются на рождение второго. И в условиях прогрессирующего сокращения коренного населения Европы мусульмане с успехом заполняют собой образовавшийся демографический вакуум.

Как и любая другая религия, ислам не несет в себе никакой угрозы, угроза возникает тогда, когда ее начинают использовать в качестве политической идеологии для захвата власти и получения прав и свобод.

*«Диалог религиозных культур как фактор безопасности и стабильности: Проблемы и решения»,
Владикавказ, 2012 г., с. 371–377.*

МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Г. Фаткулин,

кандидат филологических наук (ЮУГУ)

АРАБСКИЙ МИР В РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ – МЕТОДОЛОГИЯ ПОДХОДОВ С ПОЗИЦИИ РЕГИОНОВ РФ

Под влиянием исторических, географических и геополитических факторов у современной России, как и у любого государства, сформировалось несколько «кругов общения», в соответствии с которыми строятся внешнеполитические приоритеты. Взаимодействие с другими странами может проходить как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Федерации (культурное и приграничное сотрудничество). В «ближний круг» партнеров России входят страны ближнего зарубежья, в свое время объединенные Российской империей, а затем разделившие с РФ общую историю и наследство СССР (Украина, Белоруссия, Казахстан, государства Прибалтики, Центральной Азии и Южного Кавказа). Во второй круг входят страны, непосредственно граничащие по суше с Российской Федерацией: Китай, Монголия, КНДР, Финляндия, Норвегия. Следующими по приоритету идут страны, непосредственно не граничащие с РФ, но имеющие общие с Россией морские акватории: например Иран, Япония.

Текущие взаимоотношения России с государствами мира главным образом основаны на геополитическом прагматизме, результатом чего стал отказ России от политики «распыления сил», переход на концентрацию энергии и средств на действительно стратегических направлениях.

По ряду причин регион, получивший в некоторых источниках название «Арабский мир», не входит в «ближний круг» партнеров России. Геополитическими причинами являются отсутствие общих границ, географическая удаленность и отсутствие инфраструктуры коммуникаций, высокие транспортные и транзакцион-

ные издержки. Арабские страны не входят в интеграционные объединения с участием России, такие, как, например, ШОС. Закономерно, что многие сферы деятельности, традиционно связанные с Арабским регионом, например торговля вооружениями и технологиями, находятся в исключительной компетенции федерального центра и не входят в предмет ведения субъектов Федерации. Если в дипломатических кругах и экспертном сообществе, непосредственно взаимодействующих с Арабским регионом, сложились более или менее адекватные представления о современном состоянии этой части планеты, то на региональном уровне представления о роли Арабского региона зачастую носят упрощенный характер.

Для определения подходов к Арабскому региону необходимо обязательно учитывать ряд факторов. На заре новой истории Арабский регион был составной частью Османской империи, затем частью колониальных империй ведущих европейских держав, самостоятельное право выступать на международной арене арабские государства получили только в 50-х годах прошлого века.

Современный Арабский мир сложился как результат передела мира между победителями в последних двух мировых войнах, границы современных арабских государств были проведены во многом под влиянием их колониальной предыстории.

Другая особенность Арабского региона заключается в том, что он крайне неоднороден и делится на несколько подрегионов, отношения с каждым из которых необходимо выстраивать по особой схеме. Иными словами, 22 арабских государства имеют 22 подхода в отношении России. Соответственно, Россия должна вырабатывать 22 подхода в отношении 22 арабских государств.

Раздробленность Арабского региона ведет к отсутствию единого центра силы в области образовательной политики, в силу чего отсутствует единая стратегия по продвижению арабского языка и аттестации арабистов, сравнимая, например, с деятельностью Институтов Конфуция КНР. Дело осложняется тем, что прозападные элиты богатых нефтедобывающих арабских стран Персидского залива считают РФ конкурентом на рынке углеводородов, объективно сохраняют тесные контакты с бывшими метрополиями и не имеют устойчивого опыта в отношениях с РФ. Это очень ясно прослеживается в области образовательной политики: так, по данным статистики, на Россию приходится около 3% всех обучающихся за рубежом арабских студентов. Просматривается также тенденция сокращения подготовки студенческого контингента и из стран Магриба. Численность арабских студентов, обучавшихся в

российских вузах, составляет 7,2% от общей численности иностранных студентов.

«Арабская весна» привела к смене элит во многих арабских государствах: друзья России времен биполярного мира потеряли влияние, а новые элиты нельзя назвать пророссийскими. Яркий тому пример: расхождение российско-китайской позиции (вето в ООН на вмешательство извне в гражданскую войну в Сирии) с позицией руководства многих арабских государств.

Не совсем верен сложившийся стереотип, связывающий арабскую нацию исключительно с исламом. На деле арабская нация представляет собой поликонфессиональную культурно-историческую общность: ошутимое количество арабов исповедуют христианство еще с раннехристианской эпохи. Не всегда подтверждается на практике и тезис о единстве арабской нации. Языковые различия между разными арабскими диалектами, используемыми в повседневном общении, порою настолько сильны, что их представители с трудом понимают друг друга и для общения переходят на классический литературный арабский язык. Представители некоторых других ближневосточных наций: курды, армяне, греки – также прямо связаны с арабской нацией, обладают гражданством арабских стран, пользуются в общении арабским языком как государственным. Большую роль в арабском обществе стали играть арабские эмигрантские общины, которые находятся главным образом на территории США и стран ЕЭС, в России же они представлены очень слабо.

Если следовать линейной логике, то развитие отношений с Арабским регионом могло бы заинтересовать регионы РФ, где распространен российский традиционный ислам. Однако здесь, на наш взгляд, скрывается больше всего подводных камней. Среди рядовых российских мусульман имеется комплекс устойчивых стереотипов в отношении Арабского региона, которые не соответствуют реальности. Это связано с тем, что российские мусульмане зачастую воспринимают арабскую культуру через призму истории религии. Иногда арабов по незнанию смешивают с турками и персами. Между тем современные арабы существенно отличаются от образа, созданного в средневековой литературе. Религиозное исламское образование, которое на региональном уровне зачастую является единственным источником знаний об арабах и Арабском регионе, дает картину «золотого века» арабской истории и культуры, вынося за скобки современное положение дел в указанной части мира. Нюансы же новой и новейшей истории Арабского регио-

на, современного положения дел в этом районе планеты на уровне региональных элит мало изучены. Романтизация арабской истории и культуры и упрощенчество в подходах обезоруживают верующих граждан РФ, лишают их политического иммунитета, что может сделать их легкой добычей исламистов. Все вышеперечисленное говорит о том, что выработка подходов к развитию отношений с государствами Арабского региона на региональном уровне требует тщательной проработки.

Предлагаемая стратегия субъектов РФ в отношении Арабского региона:

- при выработке подходов учитывать факт, что российский традиционный ислам корнями уходит в евразийскую культуру, арабская же культура имеет семитские афразийские корни;

- не примерять на себя в отношении с арабами роль «ученика», а стараться быть их «учителем»;

- делиться с арабами опытом мирного межконфессионального сосуществования, который имеют народы РФ;

- воспитывать пророссийскую арабскую элиту. Арабы, получившие образование в российских вузах, по возвращении на родину должны становиться не только проводниками русской и российской культуры, но геополитических интересов РФ;

- развивать самооценку и самодостаточность российского традиционного ислама и более широко использовать его охранный потенциал;

- сохранять многовекторность региональных внешнеэкономических и образовательных связей: наряду с Арабским регионом приоритетно развивать отношения с государствами «ближнего круга», в том числе с Китаем, с государствами СНГ и с Ираном.

«Россия и Арабский мир: История и современность. 16-е Хакимовские чтения», Уфа, 2012 г., с. 141–143.

Ж. Грищенко, Д. Качанова,

(БГУ, г. Минск)

УЧЕНИЕ Ф. ГЮЛЕНА И ЕГО РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ НОВОГО МЫШЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ТУРЦИИ

Гюлен является авторитетным лидером массового движения, имеющего огромное количество последователей и участников не только в Турции, но и в других странах. Характеризуя это движе-

ние, исследователи обращают внимание на его сетевую структуру, основанную на четырех основных направлениях человеческой деятельности: экономического предприятия, образовательного учреждения, издательской деятельности и радиовещания, религиозных собраний.

После событий 11 сентября 2001 г. появилась постоянно возрастающая угроза того, что ненависть к тем, кто совершил этот акт терроризма, распространится и на другие исламские организации и сообщества, далекие от воинствующих настроений. Существующая на Западе тенденция односторонне рассматривать различные направления ислама, без учета различий между фанатиками и умеренными, не является чем-то новым. Тем не менее после террористической акции против Центра мировой торговли в Нью-Йорке риск смещения понятий увеличился еще более.

Сегодня очень много говорится о том, что противовесом исламистскому экстремизму может стать либеральный и просвещенный ислам. И в этом смысле такой международно значимый фактор, как учение Ф. Гюлена, базирующееся на умеренном прочтении ислама и универсалистско-этических взглядах в межрелигиозных отношениях, заслуживает того, чтобы обратить на него пристальное внимание исследователей, в том числе и мусульманского сообщества в Беларуси.

Прежде всего, необходимо иметь в виду, что Ф. Гюлена можно охарактеризовать как мусульманского философа, мыслителя и публициста. Его жизнь и труды представляют собой попытки переложить мысли и идеи того, что называют богословием, на систему понятий обычных людей нашего времени, применить их на практике. Если попытаться кратко и вместе с тем емко отметить, в чем состоит оригинальность Гюлена как мусульманского мыслителя, то здесь надо упомянуть следующие моменты.

Во-первых, Ф. Гюлен ясно и последовательно проповедует ислам, прежде всего, как религию любви и милости. Этим он отличается от традиционного исламского мейнстрима, в котором принято обозначать суть ислама через принцип полного подчинения и поклонения Всевышнему. Ф. Гюлен, не отрицая важности и первостепенности поклонения, все же постоянно подчеркивает то, что именно любовь лежит в основе создания мира Аллахом и в основе посланничества благословенного Пророка Мухаммеда. Возможно, именно это обстоятельство заставило многих утверждать, что Гюлен проповедует христианство. Действительно, исламская мысль вплоть до последнего времени оперировала поня-

тиями «божественной справедливости» и «божественной милости», которые не считались адекватными традиционному пониманию любви. Но в процессе развития христианско-исламского диалога многие мусульмане осознают, что их ключевые этические понятия соответствуют тому, что обозначается словом любовь. Не зря важнейшими принципами учения Ф. Гюлена вместе с тем являются самодисциплина и диалог. Если первая заповедь (самодисциплина) находит непосредственное проявление в пределах национального сообщества, то «диалог» выходит за рамки Турции, что означает терпимость и умеренность по отношению к немусульманским группам. Из этого принципа вытекает принципиальное неприятие Ф. Гюленом насилия и терроризма. По его собственным словам, он ненавидит одного человека в мире – Усаму бен Ладена, который опозорил светлый лик ислама.

Во-вторых, важный аспект мировоззрения Ф. Гюлена заключается в том, что мыслитель однозначно не приемлет «политический ислам» и в целом – слишком тесную привязку ислама и политики. Не секрет, что в современной мусульманской среде бытует утверждение о том, что ислам – не только религия, но и образ жизни (что верно), и вытекающее отсюда утверждение о том, что ислам есть не только религия, но и политическая доктрина. Гюлен однозначно показывает неверность и порочность такого механического связывания религии и политики. Он пишет о том, что те, кто принимает ислам как политическую идеологию, обычно делают это по причине личного негодования или враждебности. Мы должны положить конец подобной практике и основывать свои поступки на исламе как религии. Мусульмане должны прекратить действовать из идеологических или политических соображений и прикрываться при этом исламом, а также выдавать свои желания за идеи.

Ислам, в понимании Гюлена, не толкует о «бытии», а о «становлении» морального человека путем интернализации модели мусульманского, совершенного человека. Таким образом, для него важен процесс становления человека, его «спасение и очищение». Гюлен стремится вдохнуть жизнь в исламскую традицию в соответствии с современными требованиями, вызовами модернизированного общества. Идентичность должна быть реализована на практике и интерпретирована на основе новых межкультурных вызовов. Поскольку ислам для Гюлена является «Конституцией нравственности и самобытности», он подчеркивает роль образования для формирования, становления себя.

По мнению Ф. Гюлена, именно неоправданная политизация религии ислама и привела в значительной мере к сегодняшнему противостоянию мусульманского мира и Запада, к тому, что на Западе сложилось искаженное видение ислама, понимание его, прежде всего, как политической системы. Гюлен указывает на то, что многие мусульмане, даже сведущие и образованные, верят, что Запад стремится подорвать основы ислама самыми хитрыми и изощренными способами. Постепенное «превращение» ислама в идеологию конфликта и противодействия, или партийную идеологию, заставило людей с подозрением относиться к исламу и мусульманам.

Именно необходимостью преодолеть негативные последствия политизации ислама, выражающиеся в том, что между ним и остальным миром возникает противоречие и непонимание, объясняет Гюлен и практическую значимость диалога религий и цивилизаций, который занимает важное место в его мировоззрении.

Движение Гюлена не стремится к отрицанию или бросанию вызова процессам модернизации. Скорее, оно демонстрирует, каким образом правильно задуманный мусульманский проект можно утверждать и далее – наиболее важные результаты, такие, как формирование сознательного актора, который имеет на вооружении набор религиозных и светских знаний. Современность для Гюлена предлагает новые ресурсы для возобновления исламского сознания и присутствия мусульман в новой общественной деятельности.

Идеи о необходимости мистического и одновременно соответствующего критериям современной мысли и науки религиозного пути в исламе Гюлен значительно расширил. Он говорит не только о единстве и неразрывности научного и религиозного опыта, но также и о необходимости морально-нравственного воспитания, необходимости получения естественно-научных знаний, причем последним отдается даже определенный приоритет. Хотя философу в Турции приписывали действия, являющиеся угрозой для секулярного строя государства, именно Гюлен развивал мысли о сосуществовании секулярного строя и религиозно-просветительской деятельности, соответствующие как духу времени, так и особенностям секуляризма. Кроме того, у Гюлена речь идет о первичности морального и этического воспитания безотносительно какой-либо религии. Ислам хотя и важная константа для традиционно мусульманских обществ, но всего лишь одна из опций религиозного содержания морали и этики. Подобного рода «образова-

тельный ислам» рассматривается и как альтернатива пресловутому «политическому исламу».

Его цели заключаются в том, чтобы обострить мусульманское самосознание, углубить смысл идиомы общей практики и общества для расширения возможностей для исключенных социальных групп с помощью образования и довести справедливое и мирное решение социальных и психологических проблем современного общества. Гюлен как социальный новатор основное внимание уделяет общественной сфере более чем частной, и стремится превратить ислам и исламские практики в социальный капитал.

Такой универсалистско-этический подход и стал идейной основой для формирования того, что принято называть движением Ф. Гюлена. Деятельность организаций, интегрирующих людей, разделяющих идеи Гюлена, можно назвать «движением Ф. Гюлена». Однако это движение не имеет никакого политического смысла. Его идейным стержнем стал принцип «хисмет», принцип практической работы, служения обществу в разных формах – как еще одно поклонение Всевышнему.

Сам Ф. Гюлен (ходжа-эфенди) не считает правильным, когда его называют лидером некоего движения. Действительно, понятие «движение Гюлена», или «фетхуллахчи» (на турецком языке), является скорее внешним, используемым исследователями для обозначения того, что ныне представляет собой транснациональный социокультурный феномен, который связан с личностью и учением Ф. Гюлена. У движения нет строго и четко выстроенной структуры, верховного руководства во главе с харизматическим и единолично принимающим решения лидером. Движение Ф. Гюлена правильно было бы определить как транснациональную социальную сеть, основывающуюся на инициативе входящих в нее лиц и организаций, общим для которых является то, что они разделяют в той или иной мере идеи и принципы, проповедуемые Ф. Гюленом, а вовсе не реализуют некие мифические указы ходжа-эфенди.

Помимо школ, открытых во многих городах Турции, приверженцами учения Гюлена были основаны учебные заведения почти во всех странах мира (кроме таких стран, как Иран, Саудовская Аравия, Северная Корея, Китай). Подход к организации образования, независимо от религиозной принадлежности учеников, свойственен всем учебным заведениям, открытым приверженцами учения Гюлена.

Наиболее заметной и, можно сказать, ключевой организацией в движении Ф. Гюлена является Фонд журналистов и писате-

лей. Этот фонд показал пример создания центров диалога по всему миру, и деятельность, подобная деятельности фонда, осуществляется в разных странах разными организациями. Именно Фонду журналистов и писателей принадлежит инициатива формирования платформы культурно-гуманитарного «Диалога Евразия», который проводит различные программы и конференции на территории Евразии, в том числе и в Беларуси, а также издает ежеквартальный журнал с тем же названием. Особенность и уникальность движения Гюлена состоят в том, что оно, развившись сегодня в универсалистское течение, тем не менее сохранило свой изначальный анатолийско-мусульманский колорит с откликами из Османской империи. При этом последователи Гюлена первые из мусульманских движений привлекли к диалогу и общению представителей не только авраамических религий, но и индуизма, буддизма, а также неверующих.

В Турции и за ее пределами Ф. Гюлен известен среди религиозно умеренных и прогрессивных мусульман в связи с большим количеством образовательных учреждений, построенных им и его последователями. Эта воспитательная работа началась в начале 1980-х годов в Турции. К 1999 г. его последователи основали около 150 частных школ, 150 образовательных центров (*dershanes*) (к настоящему моменту их насчитывается около 1000), которые предлагают дополнительные курсы и имеют значительное число студенческих общежитий. В начале 1990-х годов это движение начало расширять свою деятельность за пределами Турции. К 1997 г. в данные учебные заведения почти во всех частях мира поступили более чем 26 500 студентов, вдохновленных идеями Гюлена (к настоящему моменту их насчитывается 6–7 млн. человек). Отличительной чертой этих школ является то, что они не изучают религию, хотя религиозная вера является основным мотивом для их создания. Напротив, они делают акцент на преподавании этики, которая рассматривается как объединяющий фактор между различными религиозными, этническими и политическими ориентациями.

Участие в образовательном секторе имеет несколько важных последствий. Как показали исследования, образование является важным средством для создания социального капитала, а также одним из наиболее значимых, прогностических факторов политической и социальной деятельности. Образование, таким образом, может создать социальный капитал, что важно в процессе построения гражданского общества. Споры о движении Гюлена

основываются на широко распространенном мнении о том, что образование – необходимое средство социальных изменений, и подтверждают тот факт, что школы Гюлена дают качественное образование, которое является шагом в карьере во всех слоях общества. Гюлен стремится использовать современное образование, чтобы остановить процесс упадка в мусульманском мире. Он хочет создать образованные элиты, «исламские умы» в целом и в турецкой нации в частности. Его философия образования появилась из социального контекста и изменений социальных и политических условий. Образовательные учреждения Гюлена являются частью исламского просветительского движения, их акцент должен быть сделан на преподавании. Создание школ было обусловлено желанием следить за состоянием учебной программы. Что касается Турции, то в школах Гюлена преподавать религиозные курсы разрешалось только один час в неделю, а в турецких учреждениях за рубежом преподавать религию запрещено вообще.

Гюлен всегда был увлечен созданием «современного мусульманина», т.е. человека, погруженного в систему этических ценностей ислама и обладающего всесторонним образованием во всех отраслях современных знаний. Объединив ислам с идеей всеобщего образования, он придал образованию новый смысл, который вполне можно охарактеризовать как развитие исламской этики в области образования, которая стремилась бы устранить пробел между светским и религиозным характером образования. Он прекрасно понимал важность науки для будущего, поэтому в его понимании наука и религия были взаимосвязаны.

Первый шаг к развитию исламской этики образования в движении Гюлена был сделан в 1980-х годах. Ф. Гюлен не ограничивался реализацией своих идеалов образования только в исламских кругах, он хотел распространить их на все современное общество. Для него было очень важно воспитывать новые элиты. Гюлен считал, что только такая образованная элита сможет стать реальной силой в формировании нового общества, т.е. он верил, что бюрократы или предприниматели могли бы сделать больше, чтобы изменить общество, чем проповедники, поскольку доминирующая, религиозная часть общества была настолько маргинальна, что не в состоянии влиять на общество. Его сторонники утверждали, что этот стиль образования являлся ответом на вопрос о том, как Турция, в частности, может сохранить свою идентичность в глобализированном мире. В этом контексте он увидел и представил образование как средство разрешения конфликтов, как мост

между людьми в пределах и за пределами Турции. Последователи движения утверждают, что тот, кто имеет сильное чувство идентичности, основанное на знаниях, не боится контакта с другими людьми. Таким образом, национальная и религиозная идентичность не противоречит участию в процессе глобализации.

Гюлен пытается выполнить три основные цели:

1) повысить мусульманское сознание;

2) пересмотреть связи между наукой и религией, чтобы опровергнуть доминирующий интеллектуальный дискурс материализма и позитивизма;

3) восстановить коллективную память путем пересмотра общей грамматики общества, ислама. Его ключевые понятия в области образования являются средствами достижения этих целей и общей цели создания «золотого поколения», вооруженного инструментами науки и религии. Метафорическое понятие «золотое поколение» является описанием будущего поколения, которое будет образованным во всех отношениях.

Одна из главных характеристик образовательного процесса – вера, которая показывает верующим их цели и учит их ответственности за свои деяния. Гюлен считает, что только с верой наука может быть применена выгодным способом для человечества, поскольку вера учит людей, что хорошо и что плохо. Для достижения цели построения метафорического «золотого поколения» учителя выполняют самую важную роль. Они являются теми, кто мотивирует быть хорошим и, следовательно, служить исламу. Учителя обязаны наполнить науку мудростью так, что она будет применяться полезным способом для общества. Предоставление образования и особенно преподавания в этом контексте становится святым долгом учителя. Это основание является важным мотивом для людей, избирающих эту профессию.

Кроме того, поскольку исламское образование доступно тем, кто хочет его получить, Гюлен и его последователи признают, что даже без явного преподавания ислама их школы служат исламу, так как выступают источником знаний. С точки зрения Гюлена, само знание становится исламским смыслом, когда оно передается от учителя, обладающего исламскими ценностями. «Учителя со знаниями» выступают в качестве моделей для своих студентов. Они показывают, как совместить ислам с наукой, и, будучи хорошими учителями, учат других, в том числе немусульман, что мусульмане – хорошие люди, и тем самым служат исламу.

Движение Ф. Гюлена, положившее начало национальным ориентациям, было успешно вовлечено в мировую образовательную деятельность, которая поощряет национальную самобытность стран. Ф. Гюлен понимает, что изоляция не является решением проблем для Турции, а скорее наоборот, – причины этих проблем следует искать в самой Турции. И в образовании он видел конструктивную роль решения данных проблем. Современный мир, по мнению Гюлена, нуждается в обмене идеями, а также в индивидуальной потребности национальной идентичности. Гюлен видит глобализацию и национальную ориентацию как взаимозависимые явления. В практическом смысле эта взаимозависимость означает, что государство должно не только открыть себя миру, но и сохранить свою национальную идентичность.

Два ключевых понятия преобладали в дискурсе Гюлена: терпимость и диалог. Что касается Османской империи, то, практикуя принцип толерантного ислама, 10 млн. турок были в состоянии управлять 250 млн. человек на трех континентах. Он понимает терпимость как сотрудничество между различными общественными группами и как сотрудничество на международном уровне на основе общих ценностей, а толерантность описывает как основную атрибут ислама в целом и турецкого народа в частности. Он поддерживает диалог с другими нациями. Несмотря на всяческую готовность принять различные религиозные группы, учителя в школах Гюлена остаются благочестивыми мусульманами с исламской национальной идентичностью, выступающей в качестве основы для их терпимости. Такой подход позволяет движению действовать в самых разнообразных обстоятельствах, так как различия других не являются проблемой до тех пор, пока члены могут оставаться верными своим собственным ценностям. Это отношение и способность движения объединить исламские цели с этической составляющей делают возможным рассматривать его педагогическую деятельность приемлемой для многих народов за пределами Турции.

Таким образом, движение разработало свою собственную трудовую этику образования. Прежде всего, Гюлен призвал своих последователей к поддержке надежного, религиозного воспитания молодежи. Турецкий мыслитель рассматривает образование в качестве средства для усвоения этических ценностей. Движение было ответом на социальные и экономические волнения современного мира, оно пытается найти место для мусульман в глобализованном мире. С помощью образования последователи движения хотят

воспитать специальный класс, который смог бы объединить ислам с требованиями современного общества. Они нашли свой вариант исламской современности, который является одним из многих возможных принципов модернизации современного общества.

Турецкие образовательные учреждения существуют в 120 странах мира. Общеизвестно, что замысел таких учебных заведений принадлежит турецкому исламскому ученому Ф. Гюлену. Образовательные учреждения – школы, лицеи, университеты – вписаны в сеть более крупного движения. Их деятельность финансово обеспечивается организациями экономического характера и поддерживается массмедиа. Заложенная Гюленом новая система образования стала важной в двух отношениях: во-первых, с точки зрения ее социального аспекта, во-вторых, с точки зрения качества образования.

Ранее образование являлось областью, в которой действовала только просвещенная группа людей. Большие массы общества не были допущены к участию в этих дискуссиях. Область образования была расценена как слишком важная, чтобы доверить ее широкой общественности. На самом деле «низы общества» никогда не рассматривались в качестве соисполнителей каких-либо ролей в политических, образовательных или социально-культурных проектах. Ф. Гюлен оспаривает эту точку зрения и элитарный характер ее сторонников. Он утверждает, что такая перспектива отталкивает людей от образования, политики и государства.

Гюлен рассматривает и определяет содержание образования как самую большую проблему не только Турецкой Республики, но и современной цивилизации. Он считает, что образование человечества является основой веры. В основе современного кризиса образования лежит фрагментация некогда гармоничной связи сердца и ума в области образования и научного мышления. За последние несколько веков научная мысль и образование приобрели социальный и идеологический характер, лишая сам процесс и мирские объекты своей святости и приписывая их позитивистской природе. Эта ситуация привела к коррупции и духовному кризису, свидетелем которого в настоящее время является современное общество. Одним из нововведений, разработанных Гюленом, является его целостное мировоззрение в отношении взаимосвязи между человеком, космосом и Богом, а именно: гармоничное единство ума и сердца.

Кроме того, школы Гюлена изменили понимание образования как слепого повторения, которое было основано на запоминании

нии определенных закономерностей. Современная система образования многих стран по-прежнему в основном зависит от запоминания. Она находится под игом формальной логики во многих областях. Образовательные программы в школах Гюлена созданы на основе математической и экспериментальной логики – прогрессивном методе, который базируется не на запоминании или повторении. Они привнесли новый динамизм в сферу образования, изменили отношение к нему, улучшили и выделили обучение студентов по всем предметам.

Еще одним важным событием были отношения ученик–учитель, школа–родитель и студент–студент. Школы содействовали эмоциональным, искренним, сердечным отношениям между всеми субъектами образовательного процесса. С этой точки зрения школы воспроизводили подлинные и позитивные отношения в семье, на улице, в узком сообществе, адаптировали эти отношения к современным условиям. Они реконструируют самоотверженный образ индивида быть «лицом общества».

В эпоху процветания эгоизма и материализма это движение остается актуальным. Достижения в сфере образования в этическом аспекте выдвигают профессию учителя, преподавателя на первый план. В свою очередь Гюлен разделял понятия образования и обучения. Большинство людей могут быть учителями, но количество педагогов, воспитателей весьма ограничено. Разница между ними заключается в том, что хотя оба – учитель и воспитатель – распространяют информацию и прививают определенные навыки, но педагог – это тот, кто имеет возможность оказать содействие в проявлении студентов как личностей, которые способны мыслить и размышлять, кто формирует характер и позволяет студентам приобрести качества самодисциплинированности. Каждый из таких педагогов становится «послом культуры», формируя тем самым исторический мост, предполагающий сотрудничество стран и возможность создания и улучшения отношений на широкой гуманной и социальной основе

*«Социально-философские аспекты учения
Ф. Гюлена», Минск, 2012 г., с. 35–47.*

А. Пую,
доктор социологических наук,
А. Садыхова,
доктор филологических наук (г. Санкт-Петербург)
СОВРЕМЕННОЕ АРАБСКОЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ
КАК ПОСРЕДНИК В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР

К сожалению, почти все исследования об арабском телевидении принадлежат западным ученым, которые отмечают, что «уровень развития средств массовой информации в арабских странах, их социально-культурное воздействие на общество и государственные институты, а также политические последствия их деятельности по-прежнему плохо изучены».

Мы не станем здесь останавливаться на появлении телевидения в регионе Арабского Востока, отметим лишь, что спутниковое телевидение открыло новую эпоху в истории медиа арабских стран. Ниже будет представлен обзор наиболее известных и популярных арабоязычных телевизионных станций как европейских стран, так и стран Арабского Востока, которые в конце XX в. стали проникать на Запад.

Европейские каналы на арабском языке. «BBC Arabic television». Телевещание Би-би-си на арабском языке началось 11.03.2008 открытием информационно-новостного канала «BBC Arabic television».

Первые передачи длились всего несколько часов в день, но уже с 19.01.2009 канал начал вещать круглосуточно и теперь доступен аудитории в различных формах: по телевизионному приемнику, компьютеру и мобильному телефону.

Директор Международной службы Би-би-си Найджел Чэпмен отметил: «Арабская служба Би-би-си славится объективной и точной информацией, проверенной аналитиками и экспертами. Мы будем соответствовать современному стилю независимой и острой журналистики». Руководитель арабской службы Би-Би-Си – известный журналист Хусам ас-Суккари (ОАЭ). Среди телеведущих канала много молодых и талантливых журналистов и писателей. Все они – выходцы из различных арабских стран с большим опытом работы в массмедиа.

«France 24 – Monte Carlo Doualiya». Этот международный телевизионный канал, принадлежащий Франции, начал вещание 06.12.2006. Канал вещает на трех языках: французском, английском и арабском 24 часа семь дней в неделю. Арабский канал

«France 24» по праву считается достойным конкурентом арабской службы Би-би-си и «Аль-Джазиры». Кроме разнообразных информационных программ есть аналитические передачи, дебаты и ряд интерактивных программ. Дикторы, ведущие и корреспонденты канала – выходцы из разных арабских стран. На интернет-портале пользователь может посмотреть любую программу, в том числе и архив.

Панарабские спутниковые каналы. «Аль-Джазира» («Остров»¹) – первый панарабский спутниковый канал, принадлежащий Катару. Появление этого канала кардинально изменило медиаландшафт Арабского Востока, а вскоре и всего мира. Свободный от цензуры и государственного контроля, «Аль-Джазира» предложил своей аудитории в арабском мире столь необходимую свободу слова. Шведский исследователь Леон Бархо вполне справедливо полагает, что «Аль-Джазира» составляет достойную конкуренцию таким медиагигантам, как BBC и CNN (он провел сравнительный анализ контента передач BBC CNN и англоязычного канала «Аль-Джазира»).

Канал начал вещание по решению эмира Катара шейха Хамада бен Халифы 01.11.1996, а с 01.01.1999 осуществляется круглосуточное вещание. Сегодня у этого канала прочная репутация медиа, предоставляющего надежную информацию, игнорировать которую не может ни один политик или высокопоставленный чиновник.

Корреспонденты канала всегда славились умением находить труднодоступную, порой скандальную информацию. Кроме того, «Аль-Джазира» стал первым арабским медиа, нарушившим неписаный запрет не критиковать политические режимы и решения арабских стран. Натянутые отношения у канала с Ираном, так как во всех сообщениях, репортажах и интервью дикторы и корреспонденты называют Персидский залив «Арабским заливом», как это установилось в арабском языке и т.д. Действительно, по-арабски Персидский залив называется «Аль-Халидж аль-'араби», что в переводе на русский означает «Арабский залив», поэтому в английском варианте очень часто Персидский залив называется просто the Gulf.

Журналистский состав «Аль-Джазиры» многонационален и многоконфессионален: здесь дружно трудятся представители всех

¹ Название содержит намек на арабское словосочетание «Джазират аль-'араб» («Остров арабов») – так арабы называют Аравийский полуостров.

арабских стран, некоторых мусульманских государств и стран Запада.

В 2006 г. «Аль-Джазира» начал вещание на английском языке и очень скоро стал популярен среди жителей неарабских мусульманских стран, которые не могли понимать передачи «Аль-Джазиры» на арабском языке. Вещание на английском языке, по мнению организаторов, объединит аудиторию Востока и Запада.

Самая известная программа – «Аль-Иттиджах аль-му'акис» («Противоположное направление»). Каждую неделю ведущий доктор Файсал аль-Касим проводит дебаты между двумя известными персонами с противоположными мнениями по определенному острому общественно-политическому вопросу. Среди популярных передач канала также: «Ад-Дин ва-ль-хайат» («Религия и жизнь», ведущий – известный мусульманский ученый шейх Йусуф аль-Карадави), «Хаза-с-сабах» («Этим утром» – информационный бюллетень), «Байна-с-сутур» («Между строк» – обзор и анализ новейших событий, отраженных в прессе), «Била-ль-худуд» («Без границ» – интерактивная программа с участием известных политиков и ученых). Руководит каналом шейх Хамад бен Тамер ас-Сани, дальний родственник катарского эмира шейха Хамада бен Халифы ас-Сани.

Один из самых узнаваемых сегодня панарабских телевизионных каналов «Аль-'Арабийя» («Арабский [канал]») начал вещание 03.03.2003. Как утверждают его организаторы, «канал создан для удовлетворения потребности арабской аудитории в надежной, актуальной и беспристрастной информации». Там же говорится, что политические репортажи этого канала носят сбалансированный характер, а вся информация тщательно проверена. По другим сведениям, члены королевской семьи Саудитов решили создать свой собственный телевизионный канал в ответ на постоянную критику в их адрес со стороны «Аль-Джазиры». По замыслу членов королевской семьи, новый канал должен быть полной противоположностью «Аль-Джазиры», составлять ему достойную конкуренцию и работать на совершенно иных принципах.

В настоящее время телевизионный канал возглавляет известный журналист доктор 'Абд ар-Рахман ар-Рашид (ОАЭ) – бывший прежде главным редактором известной лондонской газеты «Аш-Шарк аль-Аусат». Сегодня канал располагает 19 представительствами по всему миру, а также большим штатом корреспондентов. Руководство стремится поддерживать молодых и

талантливых журналистов, режиссеров и операторов, предоставляя эфир наиболее ярким работам.

Самые популярные телепередачи: «'Абра-ль-мухит» («Через океан» – ток-шоу из Вашингтона, ведущий – Хишам Малхим), «ас-Султа-р-раби'а» («Четвертая власть» – обзор международных печатных СМИ, ведущая – Жизель Хабиб), «Мин аль-'Ирак» («Из Ирака», ведущие – корреспонденты в Ираке), «Ат-Таб'а-ль-'ахира» («Последний выпуск» – обзор последних выпусков арабских печатных медиа, ведущие – Равийа аль-'Алами и Ахмад 'Абдаллах).

С 2004 г. запущен одноименный новостной интернет-портал «AlArabiya.net» на арабском, английском, фарси и урду. Портал обновляется круглосуточно. Посредством данного интернет-портала можно смотреть передачи телевизионного канала «аль-'Арабийя», в том числе и архив.

Панисламские спутниковые каналы. «Икра'» («Читай!») – спутниковый, а также интернет канал, основанный 21.10.1998 Арабской Медиа Корпорацией (Arab Media Corporation – AMC, владелец – шейх Салих Абдулла Камиль, Саудовская Аравия). Интернет канал помимо арабской имеет англоязычную версию. Это первый исламский спутниковый канал, предназначенный для всех мусульман, и в первую очередь, для мусульманских общин, проживающих в немусульманских странах Европы, Америки и Австралии. Как указано на официальном сайте, целью телеканала является поощрение успешной интеграции мусульман в принимающие их сообщества.

Помимо традиционных исламских передач, посвященных искусству чтения Корана и его толкованиям, есть рубрики международных новостей исламского мира, передачи об истории ислама, жизни пророка, а также передачи цикла «Наука и Вера», стремящиеся согласовать научные открытия и достижения с догматами и нормами ислама.

Канал «Аль-Манар» («Маяк»), зарегистрированный в Ливане, является органом партии Хизбулла. Спутниковое телевидение началось в 2000 г., официальной же датой открытия телевизионного канала «Аль-Манар» считается 03.06.1991 г. В 1996 г. по политическим соображениям правительство Ливана отказалось предоставить лицензию «Аль-Манару», однако владельцам телеканала удалось получить ее через суд. Из-за ярко выраженных радикальных шиитских устремлений канала Саудовская Аравия очень осторожно отнеслась к сотрудничеству с «Аль-Манаром». Претензии ведущей медиадержавы (Саудовской Аравии) сводились к необхо-

димости умерить тенденциозную направленность канала. Эти требования были удовлетворены, и сегодня международные телевизионные передачи «Аль-Манара» существенно отличаются от местных: панарабский «Аль-Манар» стал нейтральным в религиозном и политическом отношениях.

Спутниковый канал «Ар-Рисаля» («Послание»), принадлежащий Саудовской Аравии (владелец принц аль-Валид ибн Талал ас-Са'уд), был запущен в марте 2006 г. Канал вещает круглосуточно и своей важнейшей задачей считает создание положительного имиджа исламского медиа, а важнейшим принципом – уважение ко всем религиям и мнениям. Хотя этот религиозный канал был создан позже других, тем не менее, сегодня именно он собирает самую большую аудиторию. Как отмечают специалисты, это происходит благодаря качественной работе менеджеров и журналистов канала, способных предугадать и быстро удовлетворить меняющиеся запросы аудитории. Кроме того, этот канал быстрее всех остальных внедряет технические новинки, что позволяет непрерывно повышать качество вещания.

Важно отметить, что сегодня все арабские страны осуществляют международное вещание и на европейских (в основном на английском) языках, чтобы познакомить Запад со своей историей, культурой и традициями. Содержание подавляющего большинства телепрограмм говорит о стремлении стран Арабского Востока положительно влиять на этноконфессиональные отношения в Западной Европе. Панарабские и панисламские СМИ прилагают значительные усилия для того, чтобы создать положительный образ ислама и арабской культуры в целом в глазах западного сообщества и благотворно влиять на этноконфессиональные отношения во всем мире.

*«Россия и арабский мир: История и современность.
16-е Хакимовские чтения», Уфа, 2012, с. 43–46.*

**РОССИЯ
И
МУСУЛЬМАНСКИЙ МИР
2013 – 11 (257)**

Научно-информационный бюллетень

Содержит материалы по текущим политическим,
социальным и религиозным вопросам

Художественный редактор Т.П. Солдатова
Компьютерная верстка
Н.М. Власова, Е.Е. Мамаева

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953.П.5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 25/X-2013 г. Формат 60х84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная. Свободная цена
Усл. печ. л. 10,0 Уч.-изд. л. 9,4
Тираж 300 экз. Заказ № 203

**Институт научной информации
по общественным наукам РАН,**
Нахимовский проспект, д. 51/21,
Москва, В-418, ГСП-7, 117997

**Отдел маркетинга и распространения
информационных изданий**
Тел. Факс (499) 120-4514
E-mail: inion@bk.ru

E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский пр-кт, д. 51/21
Москва В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9

